

Владимир Ильич Контровский

Последний герой нашего времени (сборник)

http://zhurnal.lib.ru/k/kontrowskij_w_i/

Аннотация

Сборник включает в себя следующие произведения:

Последний казак

Последний из бледнолицых

Последний алхимик

Последний повелитель муз

Последнее желание

Владимир Ильич Контровский

Последний герой нашего времени (сборник)

Последний казак

А власть твоя, - уж как хочешь - а поганая власть.

М.Шолохов "Тихий Дон"

Они отбили вторую атаку.

Поднятая разрывами тягучая пыль оседала медленно, словно раздумывая - а стоит ли? Только уляжешься, как тебя снова потревожат и подбросят вверх огненными смерчами...

И всё-таки она оседала, и затянувший всё вокруг густой бурый дым тоже мало-помалу рассеивался. Из-под его тяжёлого полога уже проступили искалеченные домики окраины и развороченный асфальт автострады, перетекавшей в центральную улицу городка. И стал виден уродливый силуэт "диплодока", похожий на гигантскую перевернутую миску.

Тяжёлый штурмовой танк почти прорвал оборону повстанцев. Когда машина вошла в зону плотного огня, её бортовой компьютер оценил степень противодействия и отдал приказ на изменение боевой конфигурации. В ходовом режиме "диплодок" напоминает обводами гоночный электромобиль, только способный с хищной стремительностью перемещаться по любому бездорожью. Но если этому электромобилю что-то угрожает, он миглом втягивает голову под панцирь: бронеплиты ползут и смыкаются в полусферу, пряча многоствольные контейнеры управляемых ракет и кургузое рыло напалмомёта. И взять вражину в этой его ипостаси ой как нелегко...

Однако ж взяли - сподобились. Поймали момент начала трансформации и хлестнули противоположем. "Диплодока" перекосило, "раскорячило вшивую черепаху" - по выражению, брошенному кем-то в коммуникатор в злом азарте боя. Вот тут-то бойцы из первого взвода и влепили ему под шкуру пару кумулятивных "змеюк". И всё - встал, сволочь, смрадно коптя и похабно выметнув из-под бронированного подола длинные ноги перебитых гусениц.

А вокруг чадающего остова валялись тела глобов. Как только припекло, экипаж быстро покинул разбитую машину, но далеко уйти никому из них не удалось. Самый шустрый успел пробежать шагов тридцать, пока его не клюнула игольчатая пуля, вошедшая между нижним краем шлема и воротником бронекомбинезона. Шелихов видел через бинокляры забрало убитого, сплошь залитое изнутри красным, - иголки, на которые разделилась эта пуля после попадания, просверлили голову глоба десятками аккуратных сквозных дырок.

Глобы отошли, как только штурмовой танк загорелся, - зрелище полыхающей боевой машины, рекламируемой как "абсолютно неуязвимая", было впечатляющим. "Жлобы", как называли врагов повстанцы (и не только потому, что первая буква слова "globals" называется "джи"), не любили боя грудь в грудь. Смешивать непокорных с землёй в однородную расплавленную массу с безопасного расстояния, сидя перед дисплеем, - это да, такая война им по нраву. А вот если надо посмотреть противнику в глаза, в которых мечется твоя смерть...

Возвращались звуки, съеденные надсадным гулом канонады и грохотом взрывов. Что-то тихонько позвякивало - Григорий даже потряс головой: уж не мерещится ли? Нет, это трепетал под прилетевшим с Дона ветром тоненький металлический лоскут, свисавший с простреленной крыши коттеджа, под которым находился командный бункер.

— Умыли мы их, командир, - негромко произнёс Зыков, оператор электронных систем и заместитель Шелихова. - "Два" - "ноль" в нашу пользу. И ещё умоем, если опять полезут, - спасибо Каргину, боеприпасов у нас до второго пришествия хватит. А там, глядишь, и в столице решат так, как надо... Это наша земля.

"Не совсем "ноль", наверно, - подумал Григорий. - Как там у Константина в первом взводе? Потери большие? "Диплодок" мёл огнём, как заправский Змей Горыныч, - вряд ли всем Костиным бойцам удалось отсидеться за слоями термопласта... Да и остальным было несладко - перепахан весь периметр. А с боеприпасами - да, спасибо атаману. И сам мощной потряс, и другим не дал жадничать - найдётся, чем попотчевать гостей-мироотворцев..."

— Запроси о потерях, - коротко распорядился он.

— Есть, командир, - отозвался Прохор и зашелестел клавишами пульта связи. Личные коммуникаторы были у всех повстанцев, но лучше работать по экранированному каналу.

Шелихов переключил визор на панорамное сканирование.

Несмотря на две яростные атаки и на предшествующие им ракетно-артиллерийские обстрелы, притулившийся в излучине реки городок пострадал не сильно. Досталось жилым домикам окраин, но здание автоматизированного завода и окружавшие его параллелепипеды служебных и подсобных помещений остались целёхонькими. И Григорий знал, почему - по этой причине его отряд и зацепился именно за этот городок, и теперь торчал у глобов костью в горле - ни проглотить, ни выплюнуть. А миротворцам непременно надо выковырнуть эту досадную кость, и поскорей. В столице-то оно может по-всякому обернуться...

Панорама разворачивалась неспешно, следуя стандартной компьютерной программе. Безоблачное синее небо и голубая дуга Дона выглядели безмятежно спокойными - и небо, и древняя река вдоволь насмотрелись на дела рода человеческого за века и тысячелетия. И пепельно-рыжая степь, располосованная надвое серым шрамом автомагистрали, тоже была спокойной. Чему ей, седой степи, так уж изумляться, на какую такую диковину дивиться? Видела она разные племена-народы, спешившие, суевившиеся и силившиеся возвести вековечное величие. Прошли они, прокатились и сгинули, позабыв на курганах каменных баб с изъеденными временем лицами. И равно упокоились в безымянных могилах порубленные татарскими саблями и скошенные казачьими пулемётами - им уже всё едино...

И только в одном месте - там, где автострада ныряла в редколесье, - шевелилось что-то,

словно там ползали какие-то насекомые. Они. Глобы. Миротворцы, мать их в матрицу...

Глобы пришли на рассвете и с ходу атаковали отряд Григория, не утруждая себя переговорами. Да и о чём им было говорить с теми, кого они считали бандитами? Атаковали - и осеклись, подавились кровавой юшкой. Перегруппировались, прощупали боевые порядки казаков электроникой и пошли снова - уже основательней. И снова получили по зубам - вон он, их хваленый "диплодок" (точнее, то, что от него осталось). А четыре лёгких бронепрыга и вовсе не дошли до переднего края обороны повстанцев - разлетелись ошмётками металла, разодранного прямыми попаданиями. И густо лежат вдоль дороги убитые - шелиховцы не попусту тратили огневой припас.

— Затихли, - пробормотал Григорий, следя за изображением на дисплее визора. - Это вам не...

Он не договорил.

Над деревьями сгустилась и задрожала белая завеса. А потом на ней прорисовались чётко различимые чёрные буквы кириллицы, сложившиеся в русские слова.

— Глянь-ка, Прохор, никак "жлобы" побеседовать с нами намерены. О чём, интересно мне знать?

— "Примите парламентёров" - прочёл тот через плечо командира и посмотрел на Григория. - Примем, Григорий Палыч?

— А почему нет? - Шелихов пожал плечами. - Всё равно вестей ждать. Пиши ответ турецкому султану. Можно без оборотов, труднопереводимых на международный.

Зыков кивнул и развернул над крышей коттеджа голографический псевдозэкран.

* * *

Они встретились на шоссе, в полукилометре от переднего края обороны. Григорий не собирался принимать парламентёров на позициях повстанцев, где "жлобы" запросто могли обернуться обыкновенными шпионами. Не будешь же раздевать их до трусов... Да и то нет гарантии - мини-сканер можно спрятать и во рту, или в какую другую дырку сунуть.

Глобов было двое. Без оружия - индикатор успокаивающе мигнул зелёным, а что в броне - так она давно уже стала почти повседневной военной формой, особенно в "горячих точках". Оба, судя по всему, не полуфабы, а из мидлов, и оба - смуглокожие.

"У них там все перемешались, - думал Шелихов, вглядываясь в тёмные лица врагов. - Ни в мать, ни в отца, а в проезжего молодца - всякой крови по стакану, в каждой койке папуас погостевал. Да пусть хоть полосатые будут или в горошек - можно подумать, русские сохранили чистоту расы со времён Ярослава Мудрого! Не за цвет кожи я их ненавижу..."

— Вы Григорий Шелихов? - спросил один из глобов - точнее, вопрос прозвучал как утверждение.

— Он самый, - Григорий кивнул, - вы не ошиблись.

"Ещё бы, - промелькнуло у него в голове, - через наших коллаборационистов вы нас разве что под микроскопы не клали. И всё вам обо мне известно - от биометрии до вредных привычек. А ты мужик ничего, крепкий - шея как у бугая... Вояка-профессионал - тебя и в рукопашной не враз заломает".

Словно прочитав его мысли, вмешался второй глоб - этот был статью пожиже.

— Мы знаем всех полевых командиров непримиримых, а вы среди них один из самых выдающихся.

— Полагаю, вы прибыли не для того, чтобы говорить мне комплименты? - ответил Григорий, подумав при этом: "А вот ты, парень, не из армейцев. По-русски говоришь чисто и правильно, почти без акцента. Переговорщик - пришёл уговаривать террориста отпустить невинных женщин и детей, да?"

— Мы пришли предложить вам сложить оружие, - холодно произнёс крепкошейей. - Кровапролитие бессмысленно - вы обречены. И я, майор Спрэгью, командир семнадцатого батальона миротворческих сил, предлагаю вам сдаться. В противном случае...

– Не пугайте, - оборвал его Григорий. - Вы лучше туда посмотрите, - он показал на отчётливо различимый силуэт сгоревшего "диплодока", - и ещё во-о-он туда, на обочины. Не собрали ещё всех своих битых? Понимаю, понимаю - объём работ серьёзный.

Лицо майора окаменело, и переговорщик поспешил перехватить инициативу.

– Мы рассчитываем на ваше благоразумие, господин Шелихов. Присядем?

С этими словами он снял с пояса небольшой контейнер - Григорий почувствовал, как мгновенно напрягся стоявший рядом с ним Прохор, - и раскрыл его. Послышалось лёгкое шипение, и через минуту у ног переговорщика надулся небольшой, но удобный стул, за ним второй.

– А нам этого не надо, - бросил Григорий, наблюдая за манипуляциями глоба, - нам и на своей земле сидеть мягко. Садись, Зыков, - добавил он, опускаясь на травянистый взгорок у края дороги.

– Это не ваша земля, - вкрадчиво поправил его переговорщик. Майор Спрэгью хранил высокомерное молчание. - Акт купли-продажи совершён на законных основаниях, и ваши действия есть нарушение принципа неприкосновенности частной собственности.

– Расскажите это тем нашим аферистам, которые ловко втюхали чужую землю вашим лохам. А купчую можете засунуть себе в... вот-вот, именно туда, вы меня правильно поняли.

Шелихов хорошо знал, что западные трейдеры не были простаками - они понимали, что делают, заключая многолетние договоры аренды через своё лобби в правительственных кругах атакуемых стран и осуществляя продуманный план мирного и "законного" захвата чужой территории. Но в нём уже закипало раздражение, и он не смог отказать себе в удовольствии лишний раз щёлкнуть "жлобов" по носу.

– Боюсь, - переговорщик лучезарно улыбнулся, - вы не до конца уяснили ситуацию. В настоящее время, - он мельком взглянул на часы, - в Москве идут переговоры по целому ряду вопросов. И как только решение будет принято...

– А вы уверены, что решение будет в вашу пользу? Вы уже нас взвесили, оценили и вписали в свои файлы? - отпарировал Шелихов. - Кроме "колли", в Москве есть и другие люди. И есть ещё такая штука, как армия, и она молчать не будет.

По лёгкой тени на лице майора, по-прежнему хранившего молчание, Григорий понял, что глобы отнюдь не уверены в благоприятном для них исходе переговоров о вхождении России в United Mankind. Поэтому-то они и торопились выбить повстанцев из городка - судись потом да разбирайся! - и приступили к переговорам только тогда, когда встретили решительный отпор. И о настроениях российских военных "жлобы" - с их-то источниками информации! - осведомлены. Так что - мы ещё поглядим, чья переможет...

– В любом случае ваш отряд считается незаконным вооружённым формированием, - в отличие от майора, глоб-переговорщик куда лучше владел собой. - Территориальная казачья армия не признаётся нашим командованием частью вооружённых сил России.

– Вы хорошо говорите по-русски, значит, вы знаете и наши пословицы. У нас есть и такая: "В чужой монастырь...".

– Я знаю.

– А раз знаете эту, напомним другую: "Вот вам Бог, а вот порог!". Здесь наша земля, и вам здесь делать нечего.

– Не понимаю, - глоб деланно вздохнул. - Вы ведь умный человек и знаете историю. Когда-то люди жили небольшими кланами, потом появились племена, потом державы. Феоды сливались в королевства, рождались империи. А теперь пришло время объединения всего человечества. Это неизбежность, с которой бороться бесполезно - её можно только принять.

– Принять? - Григорий зло сузил глаза. - Сто пятьдесят лет назад наши предки в этих самых местах приняли одну такую неизбежность, обещавшую им светлое будущее и рай на земле. Не устояли перед соблазном и склонились перед силой. Второй раз мы не сделаем ошибки - мы будем жить на своей земле так, как считаем нужным, а не так, как нам будут диктовать. И наши женщины останутся женами и матерями, а не...

– Вы уверены, что все они хотят именно этого? - мягко остановил его переговорщик.

– Кто не хотел - те ушли, мы никого не держали. Оставшиеся - остались, и теперь уйти придётся вам, гости непрошеные. Не хотите - попробуйте нас взять.

– Наивный вы человек, господин Шелихов. Не пытайтесь остановить колесо истории - оно вас раздавит.

– Раздавит? Бывает и так, что колесо ломается, наехав на острый камень. И не о чем мне с вами больше говорить.

– Мы не будем вас брать, - подал голос набычившийся майор. - Мы накроем вас тяжёлыми термобарическими ракетами. Мобильные установки на подходе.

– Тогда мы пошли, - Григорий поднялся. - Я должен быть там, со своими казаками.

...Когда до ближайших домов оставалось шагов сто, Зыков, не проронивший за всё время переговоров ни слова, сказал опасливо:

– Термобарические - это серьёзно, командир. Настоящих бункеров у нас - раз-два и обчёлся, а в окопах не спрячешься. Размазанный взрыв - дело такое, в любую щель затечёт, сучий выкидыш.

– Не будут они бить объёмками, - усмехнулся Шелихов. - Блефуют.

– Почему ты так уверен?

– Потому что знаю. Будем стоять намертво - не место United Mankind на нашей земле. Этот зверь нам ведом - изучали мы его анатомию.

* * *

– Господа офицеры! - дежурный вытянулся перед входящим в аудиторию седым человеком с погонями генерала, а слушатели военной академии поднялись со своих мест за персональными терминалами. - Господин профессор, двенадцатая группа готова...

– Прошу садиться, - прервал его седовласый. Он занял место за кафедрой-пультом и окинул взглядом амфитеатр аудитории. - Итак, тема сегодняшней лекции: социологическая модель United Mankind - Объединённое Человечество. Теоретические основы этой модели были сформулированы в середине двадцать первого века Айсфельдом, Рамбовски и Мэлори, хотя есть основания полагать, что практическое её построение началось гораздо раньше.

За спиной лектора ожил псевдоэкран, по которому заскользил лучик лазерной указки.

– Апологеты United Mankind считают эту модель наиболее совершенной - более того, единственно приемлемой. Согласно выводам Айсфельда и Мэлори, она на практике доказала своё преимущество перед всеми общественно-экономическими формациями, известными человечеству - как реальными, так и утопическими. Рамбовски же доказывал, что United Mankind органична, поскольку наиболее полно переносит принцип естественного отбора на общество людей.

Размеренный голос человека в генеральском мундире был хорошо слышен в любой точке просторной аудитории - сидевший на шестом ярусе Григорий отчётливо различал малейшие оттенки этого голоса. И Шелихов слушал - слушал очень внимательно.

– Модель достаточно проста - я изложу вам суть, пренебрегая словесной шелухой. Вы слушатели элитного военного учебного заведения, поэтому будем называть вещи своими именами. Общество United Mankind состоит из трёх слоёв, или каст. Нижний слой - это "человеческие полуфабрикаты", компост, питательная и воспроизводящая среда. Полуфабы используются на вспомогательных работах и в сервисе. Это рабочая сила и пушечное мясо. В семьях полуфабов высокая рождаемость - в среднем три-четыре ребёнка. Нижняя каста - фундамент, на котором выстроена вся пирамида United Mankind.

Григорий представил себе возносящийся ввысь сверкающий конус - красивый и тянущийся к облакам. А у его подножья копошилась тёмная безликая масса...

– Далее, - световой луч коснулся ряда разноцветных прямоугольников. - Средний класс, костяк. Квалифицированные работники, медики, учёные, интеллектуалы, военные. К мидлам относятся и те, кто обеспечивают бесперебойное функционирование всей системы - юристы

и чиновники, а также предприниматели, не достигшие высот в бизнесе. И наконец - высшая каста, хайлелевы. Вершители судеб, - генерал сделал паузу и оглядел слушателей. - Повелители мира - по крайней мере, считающие себя таковыми... Крупные бизнесмены, финансисты, топ-менеджеры всемирной корпорации, в которой бывшие страны - не более чем департаменты.

Он ещё немного помолчал и продолжил:

— Наименее довольны своим статусом, естественно, полуфабы. Но они - и не только они - находятся под непрерывным воздействием исполинской и отлаженной машины масс-медиа, ориентирующей людей на сиюминутные примитивные потребности. Стереовидение с гипноэффектом, психотропная музыка, новейшие виды наркотических веществ, которые, как вам известно, свободно продаются в странах United Mankind. И самое главное - формально полуфабы не считаются рабами. Они имеют те же гражданские права, что и мидлы, и любой из них может выбиться в среднюю касту, если проявит должную хватку. Негативная энергия раздражения на систему перенацелена на достижение личного успеха и на желание обойти всех конкурентов. И наиболее энергичные полуфабы действительно выходят в люди, подавая пример своим менее удачливым собратьям по касте. Эта возможность заложена в модели United Mankind, более того, она необходима. Всё очень просто, - профессор коснулся пульта.

На экране высветилась диаграмма соотношения численности различных каст.

— Дело в том, что обеспеченный средний класс не слишком склонен обзаводиться детьми. В семьях мидлов даже два ребёнка - большая редкость, не говоря уже о троих. А многие вообще не заводят детей, предпочитая им карьеру и жизненные удовольствия. Эта тенденция проявилась ещё в прошлом веке, сто лет назад, и с тех пор только усилилась. С каждым новым поколением численность обеспеченных слоёв уменьшается, но пополняется за счёт выходцев из низшей касты - баланс соблюден. Хитроумная пирамида завернута в красивую демократическую обёртку - теоретически полуфаб может даже стать хайлелевом. Теоретически, - повторил генерал и усмехнулся, - шансы есть. Вопросы?

— Это и есть естественный отбор по Рамбовски? - флотский офицер со второго яруса первым использовал предоставленную возможность.

— Да, - кивнул профессор. - Похоже, не правда ли? Пробиваются самые энергичные - кого винить, если ты сам не проявил достаточного упорства в достижении намеченной цели? Когда-то это называлось обществом равных возможностей.

Генерал произнёс эти слова ровным тоном, по которому невозможно было понять его собственное отношение к описанной социальной модели, - он информировал, предоставляя слушателям самим делать выводы.

— А почему модель называется "Объединённое Человечество"? - спросил сидевший на третьем ярусе капитан-танкист. - Открытое декларирование поставленной задачи?

— Да, - спокойно ответил генерал, - именно так. Процесс объединения всей планеты в единую структуру идёт полным ходом. Вопрос только в том, какая социальная система будет господствовать. По прогнозам аналитиков, наибольшие шансы у United Mankind.

— Значит, она совершенна? - не выдержал Шелихов.

— Хороший вопрос, ротмистр, - профессор внимательно посмотрел на Григория, - то есть, простите, есаул. Вы ведь из казаков?

— Так точно, господин генерал! - ответил Григорий, подумав про себя: "Ну и зрение у старика - разглядел мои знаки различия...". - Территориальные войска - южная мобильная группа.

По аудитории пронёсся сдержанный шум, и Шелихов ощутил уважительные взгляды. Здесь хорошо знали, что творится на южных границах России...

— Хороший вопрос... - медленно повторил генерал. - Отвечу вам так: совершенных систем не бывает - это противоречит вселенским законам. Что же касается United Mankind, то её недостатки следующие. Во-первых, отсутствие обратной связи между кастами и смены правящей элиты. Да, эта элита пополняется, но приток свежей крови недостаточен для её эффективного обновления. А старая элита костенеет и вырождается, превращаясь в некое

подобие наследственной аристократии - каста хайлелов куда более замкнута по сравнению с мидлами. Во-вторых, идёт сужение слоя хайлелов - их становится всё меньше. В итоге власть над миром окажется в руках небольшой группы людей, а в предельном случае - одного человека, монарха или диктатора, терминология не имеет особого значения. И в-третьих - хотя это скорее во-первых - сам принцип "естественного отбора по Рамбовски". Я не уверен, что в результате этого отбора на вершине социальной пирамиды действительно окажутся лучшие из лучших - хотя бы потому, что для достижения успеха в обществе глобалистов совсем не нужны совесть, доброта и великодушие. Скорее наоборот... И я не хочу даже думать, во что может превратиться человечество, утратившее понятие "любовь"... И от вас, русские офицеры, - седой человек в генеральском мундире вскинул голову, - во многом зависит, станет наша страна частью United Mankind или нет.

"Кажется, - подумал Григорий, - наш ментор наконец-то скинул маску "человека вне политики и убеждений". Но я его понимаю - на его месте я поступил бы точно так же".

* * *

Шелихов смял пустую консервную упаковку-самогрейку и поискал глазами, куда бы её деть.

В командном бункере было тесновато - аппаратура, аппаратура и ещё раз аппаратура. Многоцелевой дисплей, панель управления, узел связи. Две раскладные койки, вместо кресел - старинная деревянная табуретка, оказавшаяся здесь неведомо как, и пара контейнеров из-под зарядов к ручным ракетомётам. Крохотный стол, впритык притиснутый к пульта. Мозг обороны - какие уж тут излишества.

И причудливо смотрелась в прошитой миганием индикаторов полутьме обнажённая казачья шашка, лежавшая на этом столе по соседству с компьютерными кристаллами.

Разные суеверия бывают у людей, постоянно идущих на войне вдоль зыбкой грани, отделяющей живых от мёртвых. Бойцы Григория носили под бронёй нательные кресты (а кое-кто - и языческие обереги), а сам он перед каждым боем обнажал и клал перед экраном на очередном командном пункте эту вот шашку, полученную им в далёкой юности.

...В станицах молодёжь обучали воинской премудрости - на том испокон веку стояло казачество, - но современной, для которой рубка лозы или умение разворачиваться лавой было уже чем-то вроде ролевой игры. И всё-таки на всю жизнь запомнил пацан Гришка Шелихов, как старый казак Демьян, вихрем пронёсшись на коне вдоль барьера с торчком стоящими на нём тонкими и гибкими ивовыми прутьями, трижды взмахнул шашкой - как бы играючи. И запомнилось Григорию изумление в глазах сверстников при виде наискось срезанных упругих прутьев - верхние их половинки не упали, а воткнулись острыми концами в мягкую землю под бревенчатым барьером. И никому из мальчишек - он был в этом уверен - даже не пришла в голову мысль: "Подумаешь... Что эта железка против боевого лазера...".

Есть у холодного оружия древняя магическая сила.

А когда Шелихов уезжал поступать в военное училище, Демьян неожиданно позвал его к себе и вручил ему шашку с кратким словом-напутствием:

— Храни её. Добрым казаком будешь - чую. Удар с потягом - это уметь надо.

И Григорий хранил подарок. И снились ему иногда странные сны, в которых метался огонь, храпели кони, и капала горячая кровь с узкого голубого лезвия... И не мог понять молодой казак, что это за наваждение такое? Отзвук минувшего, генная память или ещё что-то, доселе неведомое?

А когда он уже стал офицером, и когда зачавкало вдоль южных границ России липкое кровавое месиво, шашка всегда была с ним - всегда и везде. Он не пускал её в ход - война теперь другая, - но всякий раз обнажал перед очередной стычкой и заботливо вкладывал в ножны после боя, обычно заканчивавшегося победой.

Есть у холодного оружия древняя магическая сила...

— Что слышно, Прохор? - спросил Григорий, оторвавшись от воспоминаний.

– Почти ничего, - Зыков отложил прижатую к уху ракушку ресивера. - У глобов в Крыму мощная станция радиоподавления, вот и стараются, заразы. Понял только, что вроде переговоры ещё не закончились. В Москве тихо, и во всех армейских диапазонах тишина - нехорошая тишина, Григорий Палыч.

"Затишье перед бурей? - подумал Шелихов. - Похоже на то, очень похоже...".

Он не сомневался - сегодня всё решится. Тягомотная неопределённость должна была разродиться - вот только чем?

Глобалисты всасывали Россию в структуру United Mankind десятилетиями, медленно, но целеустремлённо и безостановочно. На обострение "жлобы" не шли - чёрт их знает, этих непредсказуемых русских с их ядерной дубиной. Да и зачем рисковать, если есть надёжные и многократно проверенные экономические методы? Норовистого коня можно объездить по-разному.

Опорой для глобов стали "новые нерусские", для которых присоединение России к United Mankind означало возможность наконец-то вздохнуть спокойно, перестать с опаской поглядывать на очередного чересчур самостоятельного российского президента или на не в меру активных сторонников "собственного пути развития" и стать настоящими хайлелевами. Оппозицию убеждали, подкупали или запугивали "жёлтой угрозой" - Поднебесная Империя всё уверенней хозяйничала в Сибири. "Между двумя жерновами не уцелеть, - доказывали со стереозэкранов хорошо одетые ясноглазые люди, - не пора ли стать частью цивилизованного мира? Вы хотите жить так, как живут на Западе? Вы можете - делайте свой выбор!".

Но далеко не все хотели жить "как на Западе". Офицерский корпус сумрачно взирал на суетливую возню политиков, шевеля желваками на скулах, опалённых огнём бесконечных "малых войн". "Лига русских офицеров" имела простой, но ёмкий девиз: "Россия должна быть!" и неукоснительно ему следовала.

И крайне отрицательно относилось к перспективе братания с глобалистами избывшее лихолетье двадцатого века и возродившееся казачество. Крепкие фермеры и умелые бойцы, стойко отбивавшие на юге и на востоке набег "новых бедуинов" и "новых чингизидов", не хотели мира дымных мегаполисов с его искусственной пищей и синтетическими чувствами, грозящего снова - и теперь уже навсегда - порушить привычный жизненный уклад казаков. И всё чаще между отрядами "миротворцев", появившимися на юге России под нажимом "мирового сообщества", и частями территориальной армии происходили "недоразумения", а по сути - прямые вооружённые столкновения.

"Что там, в Москве? - думал Григорий. - Устоит ли президент под совместным натиском "жлобов" и "колли"? А если не сможет устоять - что тогда?".

Как член "Лиги", Шелихов знал: глобы добиваются передачи под контроль "мирового сообщества" ядерного оружия, допуска капитала хайлелевов в ключевые сектора экономики и, конечно, разоружения и роспуска всех "незаконных вооружённых формирований". После этого Россия станет картонным государством с декоративным правительством и её полное растворение в United Mankind будет лишь вопросом времени.

Но знал казачий есаул Григорий Шелихов, с молчаливого одобрения атамана южной мобильной группы пресекавший попытку миротворцев перейти Дон, и многое другое: он знал, что пружина сжата до предела.

Десантные войска в центре России были приведены в полную боевую готовность за неделю до начала переговоров в Москве. И вышли в океан все готовые к походу атомные подводные ракетоносцы - вышли и затаились в глубинах, чутко слушая эфир: что скажет штаб флота? А если штаб промолчит или пробормочет что-то невнятное, капитаны имели право действовать самостоятельно - "по обстановке", как принято говорить среди военных.

К тому же на околоземной орбите висит боевой комплекс "Святогор", под завязку начинённый ракетами с ядерными кассетными боеголовками. И командиром там полковник Александр Сурков: для этого человека слова "Родина" и "честь русского офицера" - не пустой звук. Да, он верен присяге, и он будет выполнять приказы, но вот приказы "колли" - это вряд ли. А с Земли до "Святогора" так просто не дотянешься - если наблюдатели на его

борт зафиксируют взлёт орбитальных челноков-истребителей (а они зафиксируют, экипажу не запорошило глаза космической пылью), полковник тут же всё поймёт. И тогда он...

Григорий не сомневался в том, что именно сделает командир "Святогора" - они знали друг друга ещё с курсантских времён. Шелихов вспомнил, как когда-то они с Сашкой лежали на берегу моря, на горячих камнях южного полуострова и косили глазом на двух загорелых девчонок, расположившихся неподалёку. Девчонки внешне выглядели индифферентными, однако было заметно без применения средств технического наблюдения, что внимание парней не осталось безответным. Это было ясно хотя бы по ленивым, но наполненным влекущей грацией движениям девушек, когда они поправляли волосы или небрежно-плавно устраивались поудобнее на нагретой солнцем плоской скале.

— Ну, что, казак, на перехват? - в глазах Александра заплясали озорные янтарные чёртики.

— А то!

Саша уже было приподнялся, но тут же помрачнел. Григорий проследил взгляд друга и понял причину.

На фоне синеющих гор и буйной зелени тёмно-серой враждебной кляксой торчали строения военной базы глобов. Очертания их были ломаными, резкими, чуждыми всему здешнему и наполненными угрозой, словно откуда-то из вселенских бездн рухнуло на Землю злое нечто, угнездились и теперь прикидывало, что же ему делать дальше. И это нечто тоже разглядывало своими неживыми окулярами и сенсорами девчонок на пляже - разглядывало как законную добычу...

— Мать их в матрицу, - Александр зло сплюнул. - Властители мира...

Да, Григорий знал, как поступит полковник Сурков. Так что - мы ещё поглядим, чья переможет...

* * *

Шелихов не ошибся - глобы не пустили в ход термобарические реактивные снаряды.

Причиной был завод, выстроенный на инвестиции United Mankind и принадлежащий кому-то из хайлелевов. Майор Спрэгью прекрасно понимал, что за ущерб, причинённый по его вине священной чужой частной собственности, ему придётся отвечать. Вот люди - это другое дело, они ничьей собственностью не являются, и в суд исковое заявление никто не подаст. Правда, общественное мнение на Западе очень болезненно воспринимало сообщения о потерях контингента миротворческих сил, однако из двух зол выбирают меньшее. К тому же солдаты-полуфабы - они полуфабы и есть, а информацию о потерях и причесать можно, эка невидаль.

...Солнце давно перевалило за полдень и катилось к вечеру, выжимая из разбитых домов угловатые удлиняющиеся тени. Глобы молчали, не делая попыток начать третью атаку и никак не выдавая своих намерений. Потери казаков оказались невелики, а мирные жители городка в большинстве своём переправились на другой берег Дона ещё вчера.

— Чего они ждут? - вслух размышлял Прохор, прогоняя на дисплее компьютерную модель периметра обороны. - До их "кумы" бы дотянутся - я б ей устроил чесотку. Жаль, не могу - "занавеску" повесила, парша подхвостная...

Григорий взглянул на экран, где разноцветными символами были высвечены бункеры, окопы и врывшиеся в землю бронекоконы генераторов силовых полей, и где среди красных, синих и жёлтых квадратов, треугольников и ромбов, обозначавших орудия, ракетомёты и прочее убийственное железо, пульсировали зелёные точки. Похоже на компьютерную игру, если забыть, что за этими зелёными пятнышками - люди. Живые люди.

И как в компьютерной игре с частично открытой картой верхняя четверть экрана была залита нейтрально-серым: "кума" - командный компьютер глобов - прикрыла расположение миротворцев экранном полем. Серая пелена дышала, но не двигалась: глобы чего-то ждали. И дождались.

Из-под "занавески" вынырнули три фиолетовые искорки, и через секунду анализатор выдал идентификацию: беспилотные летательные аппараты типа "вампир", специально предназначенные для уличных боёв. Радиус действия у них невелик, но "вампиры" способны действовать автономно, без оглядки на "поводыря" - наземную станцию наведения. Скорее всего, прибытия транспортёров с беспилотниками и ждал майор Спрэгью.

Первый "вампир" поймал зенитную "бабочку" почти сразу. Смачно полыхнуло, и беспилотник рассыпался пеплом, словно всамделишный упырь, застигнутый лучами восходящего солнца. Но два других, с невыносимыми для пилотов-людей перегрузками меняя высоту и скорость полёта и сбивая хлесткими лиловыми молниями высоковольтных разрядов устремившихся к ним со всех сторон "бабочек", проскочили.

Второго спалили уже над домами, однако третий пронёсся быстрой тенью, завис, и... Подбрюшье летающей машины распахнулось, и оттуда хлынул плотный серебристый поток.

– "Осы"... - выдохнул Григорий. - Импульс, Прохор, импульс!

Счёт пошёл на секунды. Шелихов видел, как из развалин выскочила вспугнутая воем "вампира" собака и тут же ткнулась кудлатой мордой в землю. Миниатюрные киберы-убийцы самонаводились на теплокровных существ, а нейротоксин действовал мгновенно.

Григория скрутило резкой судорогой. Терпи, казак, иначе все бойцы твоего отряда через полминуты станут мертвецами. "Осы" проникают в любую щель, и против этих тварей мощный электромагнитный импульс - самое лучшее средство.

На асфальт пролился шелестящий дождь. "Осы" падали, маленькие и такие красивые, словно завёрнутые в блестящую фольгу рождественские орешки. Но что случилось с их маткой, Шелихов уже не увидел.

Бункер содрогнулся от страшного удара и вскрылся, термопластовая дверь медленно вывалилась наружу, уступая место густому чёрному дыму. Григория швырнуло; он с трудом удержался на ногах, одновременно ухватив подвернувшуюся ему под руку рукоять шашки.

Атака глобов была комбинированной. Вместе с "вампирами" на повстанцев с трёх сторон ринулись бронепрыги: боевые глайдеры-"блохи", вёрткие и вместительные машины, берущие на борт отделение солдат и способные перескочить через двухэтажный дом.

Большинство из них казаки стреножили "змеюками", но один, самый везучий - или ведомый самым умелым командиром - прорвался к командному бункеру. Бронепрыг шёл по пеленгу и знал, куда бить. И "блоха" успела накрыть цель и даже выбросить десант до того, как получила своё.

Из дыма выдвинулась безликая фигура в броне. Прохор Зыков не успел выстрелить - двадцатимиллиметровый снаряд из подствольника попал ему в грудь. Тело казака дёрнулось, спинная броня лопнула, и по дисплею растёкся, разбрасывая извилистые тонкие струйки, липкий кровавый ком.

Думать было уже некогда, и Григорий Шелихов сделал то единственное, что он ещё мог сделать. Шашка стала продолжением его руки, воплощением его естества, средоточием всего того, что он любил и что ненавидел. И средоточием древней Силы.

Коротко взвизгнувшее лезвие наискось упало на дымчатое забрало, и бронепластик треснул, как молодой лёд под колуном, пропуская сталь. Шашка просекла лицо глоба всего на ладонь, остановленная заушинами шлема, не позволившими клинку срезать голову, но этого хватило - с лихвой.

Григорий взял свой автомат, бросил взгляд на тело Прохора, перешагнул через труп глоба и нырнул в тягучий дым. Автомат он нёс в левой руке - правая намертво прикипела к рукояти шашки.

Вокруг шла яростная стрельба, что-то взрывалось и горело. Шелихов знал - его отряд не остался без командира, кто-нибудь из хорунжих уже принял командование, и управление боем переведено в один из запасных бункеров. И Григорию стало легко - он просто шёл драться вместе со своими казаками и, если будет надо, умирать вместе с ними.

Дым поредел. Григорий увидел мёртвого глоба, лежавшего ничком, чуть поодаль - ещё одного. Напротив руин бункера догорал бронепрыг, завалившийся набок и подмявший под

себя распластанные останки "вампира"; покорёженный асфальт был усыпан "дохлыми" "осами".

И тут над головой зарокотало, словно кто-то раскатил по небу горсть тяжёлых шаров.

Эскадрилья боевых винтокрылов вынеслась откуда-то из-за Дона и густо раскрасила вечернее небо дымными следами пущенных ракет. И над автострадой, там, где окопались миротворцы, расплескалось слепящее зарево, словно туда опрокинули гигантский ковш расплавленного металла.

Пошатываясь - в ушах звенело, перед глазами мельтешили цветные пятна, - Шелихов добрёл до ближайшего дома и сел, прислонившись спиной к уцелевшей стене. Он выпустил автомат и коснулся ладонью земли, на которой за такой длинный сегодняшний день вдоволь попиrowал огонь.

Но вместо горячего пепла рука Григория встретила влажную нежность живой земли.

Земля была тёплой и мягкой, словно щека любимой женщины.

И тихо-тихо зазвучал в сознании Григория Шелихова голос Анюты: "У нас будет сын, Гришенька... Сын...".

Санкт-Петербург, 6-12 декабря 2006 года

AN id=epigraph>

А власть твоя, - уж как хочешь - а поганая власть.

М.Шолохов "Тихий Дон"

Они отбили вторую атаку.

Поднятая разрывами тягучая пыль оседала медленно, словно раздумывая - а стоит ли? Только уляжешься, как тебя снова потревожат и подбросят вверх огненными смерчами...

И всё-таки она оседала, и затянувший всё вокруг густой бурый дым тоже мало-помалу рассеивался. Из-под его тяжёлого полога уже проступили искалеченные домики окраины и развороченный асфальт автострады, перетекавшей в центральную улицу городка. И стал виден уродливый силуэт "диплодока", похожий на гигантскую перевернутую миску.

Тяжёлый штурмовой танк почти прорвал оборону повстанцев. Когда машина вошла в зону плотного огня, её бортовой компьютер оценил степень противодействия и отдал приказ на изменение боевой конфигурации. В ходовом режиме "диплодок" напоминает обводами гоночный электромобиль, только способный с хищной стремительностью перемещаться по любому бездорожью. Но если этому электромобилю что-то угрожает, он мигом втягивает голову под панцирь: бронеплиты ползут и смыкаются в полусферу, пряча многоствольные контейнеры управляемых ракет и кургузое рыло напалмомёта. И взять вражину в этой его ипостаси ой как нелегко...

Однако ж взяли - сподобились. Поймали момент начала трансформации и хлестнули противоположем. "Диплодок" перекосило, "раскорячило вшивую черепаху" - по выражению, брошенному кем-то в коммуникатор в злом азарте боя. Вот тут-то бойцы из первого взвода и вlepили ему под шкуру пару кумулятивных "змеюк". И всё - встал, сволочь, смрадно коптя и похабно выметнув из-под бронированного подола длинные ноги перебитых гусениц.

А вокруг чадающего остова валялись тела глобов. Как только припекло, экипаж быстро покинул разбитую машину, но далеко уйти никому из них не удалось. Самый шустрый успел пробежать шагов тридцать, пока его не клюнула игольчатая пуля, вошедшая между нижним краем шлема и воротником бронекомбинезона. Шелихов видел через бинокюляры забрало убитого, сплошь залитое изнутри красным, - иголки, на которые разделилась эта пуля после попадания, просверлили голову глоба десятками аккуратных сквозных дырок.

Глобы отошли, как только штурмовой танк загорелся, - зрелище полыхающей боевой машины, рекламируемой как "абсолютно неуязвимая", было впечатляющим. "Жлобы", как называли врагов повстанцы (и не только потому, что первая буква слова "globals" называется "джи"), не любили боя грудь в грудь. Смешивать непокорных с землёй в однородную расплавленную массу с безопасного расстояния, сидя перед дисплеем, - это да, такая война им по нраву. А вот если надо посмотреть противнику в глаза, в которых мечется твоя смерть...

Возвращались звуки, съеденные надсадным гулом канонады и грохотом взрывов. Что-то тихонько позвякивало - Григорий даже потряс головой: уж не мерещится ли? Нет, это трепетал под прилетевшим с Дона ветром тоненький металлический лоскут, свисавший с простреленной крыши коттеджа, под которым находился командный бункер.

— Умыли мы их, командир, - негромко произнёс Зыков, оператор электронных систем и заместитель Шелихова. - "Два" - "ноль" в нашу пользу. И ещё умоем, если опять полезут, - спасибо Каргину, боеприпасов у нас до второго пришествия хватит. А там, глядишь, и в столице решат так, как надо... Это наша земля.

"Не совсем "ноль", наверно, - подумал Григорий. - Как там у Константина в первом взводе? Потери большие? "Диплодок" мёл огнём, как заправский Змей Горыныч, - вряд ли всем Костиным бойцам удалось отсидеться за слоями термопласта... Да и остальным было несладко - перепахан весь периметр. А с боеприпасами - да, спасибо атаману. И сам мощной потряс, и другим не дал жадничать - найдётся, чем попотчевать гостей-миротворцев...".

— Запроси о потерях, - коротко распорядился он.

— Есть, командир, - отозвался Прохор и зашелестел клавишами пульта связи. Личные коммуникаторы были у всех повстанцев, но лучше работать по экранированному каналу.

Шелихов переключил визор на панорамное сканирование.

Несмотря на две яростные атаки и на предшествующие им ракетно-артиллерийские обстрелы, притулившийся в излучине реки городок пострадал не сильно. Досталось жилым домикам окраин, но здание автоматизированного завода и окружавшие его параллелепипеды служебных и подсобных помещений остались целёхонькими. И Григорий знал, почему - по этой причине его отряд и зацепился именно за этот городок, и теперь торчал у глобов костью в горле - ни проглотить, ни выплюнуть. А миротворцам непременно надо выковырнуть эту досадную кость, и поскорей. В столице-то оно может по-всякому обернуться...

Панорама разворачивалась неспешно, следуя стандартной компьютерной программе. Безоблачное синее небо и голубая дуга Дона выглядели безмятежно спокойными - и небо, и древняя река вдоволь насмотрелись на дела рода человеческого за века и тысячелетия. И пепельно-рыжая степь, располосованная надвое серым шрамом автомагистрали, тоже была спокойной. Чему ей, седой степи, так уж изумляться, на какую такую диковину дивиться? Видела она разные племена-народы, спешившие, суетившиеся и силившиеся возвести вековечное величие. Прошли они, прокатились и сгнули, позабыв на курганах каменных баб с изъеденными временем лицами. И равно упокоились в безымянных могилах порубленные татарскими саблями и скошенные казачьими пулемётами - им уже всё едино...

И только в одном месте - там, где автострада ныряла в редколесье, - шевелилось что-то, словно там ползали какие-то насекомые. Они. Глобы. Миротворцы, мать их в матрицу...

Глобы пришли на рассвете и с ходу атаковали отряд Григория, не утруждая себя переговорами. Да и о чём им было говорить с теми, кого они считали бандитами? Атаковали - и осеклись, подавились кровавой юшкой. Перегруппировались, прощупали боевые порядки казаков электроникой и пошли снова - уже основательней. И снова получили по зубам - вон он, их хваленый "диплодок" (точнее, то, что от него осталось). А четыре лёгких бронепрыга и вовсе не дошли до переднего края обороны повстанцев - разлетелись ошмётками металла, разодранного прямыми попаданиями. И густо лежат вдоль дороги убитые - шелиховцы не попусту тратили огневой припас.

— Затихли, - пробормотал Григорий, следя за изображением на дисплее визора. - Это вам не...

Он не договорил.

Над деревьями стусилась и задрожала белая завеса. А потом на ней прорисовались чётко различимые чёрные буквы кириллицы, сложившиеся в русские слова.

— Глянь-ка, Прохор, никак "жлобы" побеседовать с нами намерены. О чём, интересно мне знать?

— "Примите парламентёров" - прочёл тот через плечо командира и посмотрел на Григория. - Примем, Григорий Палыч?

– А почему нет? - Шелихов пожал плечами. - Всё равно вестей ждать. Пиши ответ турецкому султану. Можно без оборотов, труднопереводимых на международный. Зыков кивнул и развернул над крышей коттеджа голографический псевдоэкран.

* * *

Они встретились на шоссе, в полукилометре от переднего края обороны. Григорий не собирался принимать парламентёров на позициях повстанцев, где "жлобы" запросто могли обернуться обыкновенными шпионами. Не будешь же раздевать их до трусов... Да и то нет гарантии - мини-сканер можно спрятать и во рту, или в какую другую дырку сунуть.

Глобов было двое. Без оружия - индикатор успокаивающе мигнул зелёным, а что в броне - так она давно уже стала почти повседневной военной формой, особенно в "горячих точках". Оба, судя по всему, не полуфабы, а из мидлов, и оба - смуглокожие.

"У них там все перемешались, - думал Шелихов, вглядываясь в тёмные лица врагов. - Ни в мать, ни в отца, а в проезжего молодца - всякой крови по стакану, в каждой койке папуас погостевал. Да пусть хоть полосатые будут или в горошек - можно подумать, русские сохранили чистоту расы со времён Ярослава Мудрого! Не за цвет кожи я их ненавижу...".

– Вы Григорий Шелихов? - спросил один из глобов - точнее, вопрос прозвучал как утверждение.

– Он самый, - Григорий кивнул, - вы не ошиблись.

"Ещё бы, - промелькнуло у него в голове, - через наших коллаборационистов вы нас разве что под микроскопы не клали. И всё вам обо мне известно - от биометрии до вредных привычек. А ты мужик ничего, крепкий - шея как у бугая... Вояка-профессионал - тебя и в рукопашной не враз заламаешь".

Словно прочитав его мысли, вмешался второй глоб - этот был статью пожиже.

– Мы знаем всех полевых командиров непримиримых, а вы среди них один из самых выдающихся.

– Полагаю, вы прибыли не для того, чтобы говорить мне комплименты? - ответил Григорий, подумав при этом: "А вот ты, парень, не из армейцев. По-русски говоришь чисто и правильно, почти без акцента. Переговорщик - пришёл уговаривать террориста отпустить невинных женщин и детей, да?"

– Мы пришли предложить вам сложить оружие, - холодно произнёс крепкошей. - Кровопролитие бессмысленно - вы обречены. И я, майор Спрэгью, командир семнадцатого батальона миротворческих сил, предлагаю вам сдаться. В противном случае...

– Не пугайте, - оборвал его Григорий. - Вы лучше туда посмотрите, - он показал на отчётливо различимый силуэт сгоревшего "диплодока", - и ещё во-о-он туда, на обочины. Не собрали ещё всех своих битых? Понимаю, понимаю - объём работ серьёзный.

Лицо майора окаменело, и переговорщик поспешил перехватить инициативу.

– Мы рассчитываем на ваше благоразумие, господин Шелихов. Присядем?

С этими словами он снял с пояса небольшой контейнер - Григорий почувствовал, как мгновенно напрягся стоявший рядом с ним Прохор, - и раскрыл его. Послышалось лёгкое шипение, и через минуту у ног переговорщика надулся небольшой, но удобный стул, за ним второй.

– А нам этого не надо, - бросил Григорий, наблюдая за манипуляциями глоба, - нам и на своей земле сидеть мягко. Садись, Зыков, - добавил он, опускаясь на травянистый взгорок у края дороги.

– Это не ваша земля, - вкрадчиво поправил его переговорщик. Майор Спрэгью хранил высокомерное молчание. - Акт купли-продажи совершён на законных основаниях, и ваши действия есть нарушение принципа неприкосновенности частной собственности.

– Расскажите это тем нашим аферистам, которые ловко втюхали чужую землю вашим лохам. А купчую можете засунуть себе в... вот-вот, именно туда, вы меня правильно поняли.

Шелихов хорошо знал, что западные трейдеры не были простаками - они понимали, что

делают, заключая многолетние договоры аренды через своё лобби в правительственных кругах атакуемых стран и осуществляя продуманный план мирного и "законного" захвата чужой территории. Но в нём уже закипало раздражение, и он не смог отказать себе в удовольствии лишний раз щёлкнуть "жлобов" по носу.

— Боюсь, - переговорщик лучезарно улыбнулся, - вы не до конца уяснили ситуацию. В настоящее время, - он мельком взглянул на часы, - в Москве идут переговоры по целому ряду вопросов. И как только решение будет принято...

— А вы уверены, что решение будет в вашу пользу? Вы уже нас взвесили, оценили и вписали в свои файлы? - отпарировал Шелихов. - Кроме "колли", в Москве есть и другие люди. И есть ещё такая штука, как армия, и она молчать не будет.

По лёгкой тени на лице майора, по-прежнему хранившего молчание, Григорий понял, что глобы отнюдь не уверены в благоприятном для них исходе переговоров о вхождении России в United Mankind. Поэтому-то они и торопились выбить повстанцев из городка - судись потом да разбирайся! - и приступили к переговорам только тогда, когда встретили решительный отпор. И о настроениях российских военных "жлобы" - с их-то источниками информации! - осведомлены. Так что - мы ещё поглядим, чья переможет...

— В любом случае ваш отряд считается незаконным вооружённым формированием, - в отличие от майора, глоб-переговорщик куда лучше владел собой. - Территориальная казачья армия не признаётся нашим командованием частью вооружённых сил России.

— Вы хорошо говорите по-русски, значит, вы знаете и наши пословицы. У нас есть и такая: "В чужой монастырь...".

— Я знаю.

— А раз знаете эту, напомним другую: "Вот вам Бог, а вот порог!". Здесь наша земля, и вам здесь делать нечего.

— Не понимаю, - глоб деланно вздохнул. - Вы ведь умный человек и знаете историю. Когда-то люди жили небольшими кланами, потом появились племена, потом державы. Феоды сливались в королевства, рождались империи. А теперь пришло время объединения всего человечества. Это неизбежность, с которой бороться бесполезно - её можно только принять.

— Принять? - Григорий зло сузил глаза. - Сто пятьдесят лет назад наши предки в этих самых местах приняли одну такую неизбежность, обещавшую им светлое будущее и рай на земле. Не устояли перед соблазном и склонились перед силой. Второй раз мы не сделаем ошибки - мы будем жить на своей земле так, как считаем нужным, а не так, как нам будут диктовать. И наши женщины останутся женами и матерями, а не...

— Вы уверены, что все они хотят именно этого? - мягко остановил его переговорщик.

— Кто не хотел - те ушли, мы никого не держали. Оставшиеся - остались, и теперь уйти придётся вам, гости непрошеные. Не хотите - попробуйте нас взять.

— Наивный вы человек, господин Шелихов. Не пытайтесь остановить колесо истории - оно вас раздавит.

— Раздавит? Бывает и так, что колесо ломается, наехав на острый камень. И не о чем мне с вами больше говорить.

— Мы не будем вас брать, - подал голос набычившийся майор. - Мы накроем вас тяжёлыми термобарическими ракетами. Мобильные установки на подходе.

— Тогда мы пошли, - Григорий поднялся. - Я должен быть там, со своими казаками.

...Когда до ближайших домов оставалось шагов сто, Зыков, не проронивший за всё время переговоров ни слова, сказал опасливо:

— Термобарические - это серьёзно, командир. Настоящих бункеров у нас - раз-два и обчёлся, а в окопах не спрячешься. Размазанный взрыв - дело такое, в любую щель затечёт, сучий выкидыш.

— Не будут они бить объёмками, - усмехнулся Шелихов. - Блефуют.

— Почему ты так уверен?

— Потому что знаю. Будем стоять намертво - не место United Mankind на нашей земле.

Этот зверь нам ведом - изучали мы его анатомию.

* * *

— Господа офицеры! - дежурный вытянулся перед входящим в аудиторию седым человеком с погонами генерала, а слушатели военной академии поднялись со своих мест за персональными терминалами. - Господин профессор, двенадцатая группа готова...

— Прошу садиться, - прервал его седовласый. Он занял место за кафедрой-пультом и окинул взглядом амфитеатр аудитории. - Итак, тема сегодняшней лекции: социологическая модель United Mankind - Объединённое Человечество. Теоретические основы этой модели были сформулированы в середине двадцать первого века Айсфельдом, Рамбовски и Мэлори, хотя есть основания полагать, что практическое её построение началось гораздо раньше.

За спиной лектора ожил псевдоэкран, по которому заскользил лучик лазерной указки.

— Апологеты United Mankind считают эту модель наиболее совершенной - более того, единственно приемлемой. Согласно выводам Айсфельда и Мэлори, она на практике доказала своё преимущество перед всеми общественно-экономическими формациями, известными человечеству - как реальными, так и утопическими. Рамбовски же доказывал, что United Mankind органична, поскольку наиболее полно переносит принцип естественного отбора на общество людей.

Размеренный голос человека в генеральском мундире был хорошо слышен в любой точке просторной аудитории - сидевший на шестом ярусе Григорий отчётливо различал малейшие оттенки этого голоса. И Шелихов слушал - слушал очень внимательно.

— Модель достаточно проста - я изложу вам суть, пренебрегая словесной шелухой. Вы слушатели элитного военного учебного заведения, поэтому будем называть вещи своими именами. Общество United Mankind состоит из трёх слоёв, или каст. Нижний слой - это "человеческие полуфабрикаты", компост, питательная и воспроизводящая среда. Полуфабы используются на вспомогательных работах и в сервисе. Это рабочая сила и пушечное мясо. В семьях полуфабов высокая рождаемость - в среднем три-четыре ребёнка. Нижняя каста - фундамент, на котором выстроена вся пирамида United Mankind.

Григорий представил себе возносящийся ввысь сверкающий конус - красивый и тянущийся к облакам. А у его подножья копошилась тёмная безликая масса...

— Далее, - световой луч коснулся ряда разноцветных прямоугольников. - Средний класс, костяк. Квалифицированные работники, медики, учёные, интеллектуалы, военные. К мидлам относятся и те, кто обеспечивают бесперебойное функционирование всей системы - юристы и чиновники, а также предприниматели, не достигшие высот в бизнесе. И наконец - высшая каста, хайлелевы. Вершители судеб, - генерал сделал паузу и оглядел слушателей. - Повелители мира - по крайней мере, считающие себя таковыми... Крупные бизнесмены, финансисты, топ-менеджеры всемирной корпорации, в которой бывшие страны - не более чем департаменты.

Он ещё немного помолчал и продолжил:

— Наименее довольны своим статусом, естественно, полуфабы. Но они - и не только они - находятся под непрерывным воздействием исполинской и отлаженной машины масс-медиа, ориентирующей людей на сиюминутные примитивные потребности. Стереовидение с гипноэффектом, психотропная музыка, новейшие виды наркотических веществ, которые, как вам известно, свободно продаются в странах United Mankind. И самое главное - формально полуфабы не считаются рабами. Они имеют те же гражданские права, что и мидлы, и любой из них может выбиться в среднюю касту, если проявит должную хватку. Негативная энергия раздражения на систему перенацелена на достижение личного успеха и на желание обойти всех конкурентов. И наиболее энергичные полуфабы действительно выходят в люди, подавая пример своим менее удачливым собратьям по касте. Эта возможность заложена в модели United Mankind, более того, она необходима. Всё очень просто, - профессор коснулся пульта.

На экране высветилась диаграмма соотношения численности различных каст.

– Дело в том, что обеспеченный средний класс не слишком склонен обзаводиться детьми. В семьях мидлов даже два ребёнка - большая редкость, не говоря уже о троих. А многие вообще не заводят детей, предпочитая им карьеру и жизненные удовольствия. Эта тенденция проявилась ещё в прошлом веке, сто лет назад, и с тех пор только усилилась. С каждым новым поколением численность обеспеченных слоёв уменьшается, но пополняется за счёт выходцев из низшей касты - баланс соблюден. Хитроумная пирамида завернута в красивую демократическую обёртку - теоретически полуфаб может даже стать хайлелевом. Теоретически, - повторил генерал и усмехнулся, - шансы есть. Вопросы?

– Это и есть естественный отбор по Рамбовски? - флотский офицер со второго яруса первым использовал предоставленную возможность.

– Да, - кивнул профессор. - Похоже, не правда ли? Пробиваются самые энергичные - кого винить, если ты сам не проявил достаточного упорства в достижении намеченной цели? Когда-то это называлось обществом равных возможностей.

Генерал произнёс эти слова ровным тоном, по которому невозможно было понять его собственное отношение к описанной социальной модели, - он информировал, предоставляя слушателям самим делать выводы.

– А почему модель называется "Объединённое Человечество"? - спросил сидевший на третьем ярусе капитан-танкист. - Открытое декларирование поставленной задачи?

– Да, - спокойно ответил генерал, - именно так. Процесс объединения всей планеты в единую структуру идёт полным ходом. Вопрос только в том, какая социальная система будет господствовать. По прогнозам аналитиков, наибольшие шансы у United Mankind.

– Значит, она совершенна? - не выдержал Шелихов.

– Хороший вопрос, ротмистр, - профессор внимательно посмотрел на Григория, - то есть, простите, есаул. Вы ведь из казаков?

– Так точно, господин генерал! - ответил Григорий, подумав про себя: "Ну и зрение у старика - разглядел мои знаки различия...". - Территориальные войска - южная мобильная группа.

По аудитории пронёсся сдержанный шум, и Шелихов ощутил уважительные взгляды. Здесь хорошо знали, что творится на южных границах России...

– Хороший вопрос... - медленно повторил генерал. - Отвечу вам так: совершенных систем не бывает - это противоречит вселенским законам. Что же касается United Mankind, то её недостатки следующие. Во-первых, отсутствие обратной связи между кастами и смены правящей элиты. Да, эта элита пополняется, но приток свежей крови недостаточен для её эффективного обновления. А старая элита костенеет и вырождается, превращаясь в некое подобие наследственной аристократии - каста хайлелевов куда более замкнута по сравнению с мидлами. Во-вторых, идёт сужение слоя хайлелевов - их становится всё меньше. В итоге власть над миром окажется в руках небольшой группы людей, а в предельном случае - одного человека, монарха или диктатора, терминология не имеет особого значения. И в-третьих - хотя это скорее во-первых - сам принцип "естественного отбора по Рамбовски". Я не уверен, что в результате этого отбора на вершине социальной пирамиды действительно окажутся лучшие из лучших - хотя бы потому, что для достижения успеха в обществе глобалистов совсем не нужны совесть, доброта и великодушие. Скорее наоборот... И я не хочу даже думать, во что может превратиться человечество, утратившее понятие "любовь"... И от вас, русские офицеры, - седой человек в генеральском мундире вскинул голову, - во многом зависит, станет наша страна частью United Mankind или нет.

"Кажется, - подумал Григорий, - наш ментор наконец-то скинул маску "человека вне политики и убеждений". Но я его понимаю - на его месте я поступил бы точно так же".

* * *

Шелихов смял пустую консервную упаковку-самогрейку и поискал глазами, куда бы её деть.

В командном бункере было тесновато - аппаратура, аппаратура и ещё раз аппаратура. Многоцелевой дисплей, панель управления, узел связи. Две раскладные койки, вместо кресел - старинная деревянная табуретка, оказавшаяся здесь неведомо как, и пара контейнеров из-под зарядов к ручным ракетомётам. Крохотный стол, впритык притиснутый к пульта. Мозг обороны - какие уж тут излишества.

И причудливо смотрелась в прошитой миганием индикаторов полутьме обнажённая казачья шашка, лежавшая на этом столе по соседству с компьютерными кристаллами.

Разные суеверия бывают у людей, постоянно идущих на войне вдоль зыбкой грани, отделяющей живых от мёртвых. Бойцы Григория носили под бронёй нателные кресты (а кое-кто - и языческие обереги), а сам он перед каждым боем обнажал и клал перед экраном на очередном командном пункте эту вот шашку, полученную им в далёкой юности.

...В станицах молодёжь обучали воинской премудрости - на том испокон веку стояло казачество, - но современной, для которой рубка лозы или умение разворачиваться лавой было уже чем-то вроде ролевой игры. И всё-таки на всю жизнь запомнил пацан Гришка Шелихов, как старый казак Демьян, вихрем пронёсшись на коне вдоль барьера с торчком стоящими на нём тонкими и гибкими ивовыми прутьями, трижды взмахнул шашкой - как бы играючи. И запомнилось Григорию изумление в глазах сверстников при виде наискось срезанных упругих прутьев - верхние их половинки не упали, а воткнулись острыми концами в мягкую землю под бревенчатым барьером. И никому из мальчишек - он был в этом уверен - даже не пришла в голову мысль: "Подумаешь... Что эта железка против боевого лазера...".

Есть у холодного оружия древняя магическая сила.

А когда Шелихов уезжал поступать в военное училище, Демьян неожиданно позвал его к себе и вручил ему шашку с кратким словом-напутствием:

— Храни её. Добрым казаком будешь - чую. Удар с потягом - это уметь надо.

И Григорий хранил подарок. И снились ему иногда странные сны, в которых метался огонь, храпели кони, и капала горячая кровь с узкого голубого лезвия... И не мог понять молодой казак, что это за наваждение такое? Отзвук минувшего, генная память или ещё что-то, доселе неведомое?

А когда он уже стал офицером, и когда зачавкало вдоль южных границ России липкое кровавое месиво, шашка всегда была с ним - всегда и везде. Он не пускал её в ход - война теперь другая, - но всякий раз обнажал перед очередной стычкой и заботливо вкладывал в ножны после боя, обычно заканчивавшегося победой.

Есть у холодного оружия древняя магическая сила...

— Что слышно, Прохор? - спросил Григорий, оторвавшись от воспоминаний.

— Почти ничего, - Зыков отложил прижатую к уху ракушку ресивера. - У глобов в Крыму мощная станция радиоподавления, вот и стараются, заразы. Понял только, что вроде переговоры ещё не закончились. В Москве тихо, и во всех армейских диапазонах тишина - нехорошая тишина, Григорий Палыч.

"Затишье перед бурей? - подумал Шелихов. - Похоже на то, очень похоже...".

Он не сомневался - сегодня всё решится. Тягомотная неопределённость должна была разродиться - вот только чем?

Глобалисты всасывали Россию в структуру United Mankind десятилетиями, медленно, но целеустремлённо и безостановочно. На обострение "жлобы" не шли - чёрт их знает, этих непредсказуемых русских с их ядерной дубиной. Да и зачем рисковать, если есть надёжные и многократно проверенные экономические методы? Норовистого коня можно объездить по-разному.

Опорой для глобов стали "новые нерусские", для которых присоединение России к United Mankind означало возможность наконец-то вздохнуть спокойно, перестать с опаской поглядывать на очередного чересчур самостоятельного российского президента или на не в меру активных сторонников "собственного пути развития" и стать настоящими хайлелевами. Оппозицию убеждали, подкупали или запугивали "жёлтой угрозой" - Поднебесная Империя всё уверенней хозяйничала в Сибири. "Между двумя жерновами не уцелеть, - доказывали со

стереозкранов хорошо одетые ясноглазые люди, - не пора ли стать частью цивилизованного мира? Вы хотите жить так, как живут на Западе? Вы можете - делайте свой выбор!".

Но далеко не все хотели жить "как на Западе". Офицерский корпус сумрачно взирал на суетливую возню политиков, шевеля желваками на скулах, опалённых огнём бесконечных "малых войн". "Лига русских офицеров" имела простой, но ёмкий девиз: "Россия должна быть!" и неукоснительно ему следовала.

И крайне отрицательно относилось к перспективе братания с глобалистами избывшее лихолетье двадцатого века и возродившееся казачество. Крепкие фермеры и умелые бойцы, стойко отбивавшие на юге и на востоке набег "новых бедуинов" и "новых чингизидов", не хотели мира дымных мегаполисов с его искусственной пищей и синтетическими чувствами, грозящего снова - и теперь уже навсегда - порушить привычный жизненный уклад казаков. И всё чаще между отрядами "миротворцев", появившимися на юге России под нажимом "мирового сообщества", и частями территориальной армии происходили "недоразумения", а по сути - прямые вооружённые столкновения.

"Что там, в Москве? - думал Григорий. - Устоит ли президент под совместным натиском "жлобов" и "колли"? А если не сможет устоять - что тогда?"

Как член "Лиги", Шелихов знал: глобы добиваются передачи под контроль "мирового сообщества" ядерного оружия, допуска капитала хайлелевов в ключевые сектора экономики и, конечно, разоружения и роспуска всех "незаконных вооружённых формирований". После этого Россия станет картонным государством с декоративным правительством и её полное растворение в United Mankind будет лишь вопросом времени.

Но знал казачий есаул Григорий Шелихов, с молчаливого одобрения атамана южной мобильной группы пресекавший попытку миротворцев перейти Дон, и многое другое: он знал, что пружина сжата до предела.

Десантные войска в центре России были приведены в полную боевую готовность за неделю до начала переговоров в Москве. И вышли в океан все готовые к походу атомные подводные ракетоносцы - вышли и затаились в глубинах, чутко слушая эфир: что скажет штаб флота? А если штаб промолчит или пробормочет что-то невнятное, капитаны имели право действовать самостоятельно - "по обстановке", как принято говорить среди военных.

К тому же на околоземной орбите висит боевой комплекс "Святогор", под завязку начинённый ракетами с ядерными кассетными боеголовками. И командиром там полковник Александр Сурков: для этого человека слова "Родина" и "честь русского офицера" - не пустой звук. Да, он верен присяге, и он будет выполнять приказы, но вот приказы "колли" - это вряд ли. А с Земли до "Святогора" так просто не дотянешься - если наблюдатели на его борту зафиксируют взлёт орбитальных челноков-истребителей (а они фиксируют, экипажу не запорошило глаза космической пылью), полковник тут же всё поймёт. И тогда он...

Григорий не сомневался в том, что именно сделает командир "Святогора" - они знали друг друга ещё с курсантских времён. Шелихов вспомнил, как когда-то они с Сашкой лежали на берегу моря, на горячих камнях южного полуострова и косили глазом на двух загорелых девчонок, расположившихся неподалёку. Девчонки внешне выглядели индифферентными, однако было заметно без применения средств технического наблюдения, что внимание парней не осталось безответным. Это было ясно хотя бы по ленивым, но наполненным влекущей грацией движениям девушек, когда они поправляли волосы или небрежно-плавно устраивались поудобнее на нагретой солнцем плоской скале.

— Ну, что, казак, на перехват? - в глазах Александра заплясали озорные янтарные чёртики.

— А то!

Саша уже было приподнялся, но тут же помрачнел. Григорий проследил взгляд друга и понял причину.

На фоне синеющих гор и буйной зелени тёмно-серой враждебной кляксы торчали строения военной базы глобов. Очертания их были ломаными, резкими, чуждыми всему здешнему и наполненными угрозой, словно откуда-то из вселенских бездн рухнуло на Землю

злое нечто, угнездилося и теперь прикидывало, что же ему делать дальше. И это нечто тоже разглядывало своими неживыми окулярами и сенсорами девчонок на пляже - разглядывало как законную добычу...

– Мать их в матрицу, - Александр зло сплюнул. - Властители мира...

Да, Григорий знал, как поступит полковник Сурков. Так что - мы ещё поглядим, чья переможет...

* * *

Шелихов не ошибся - глобы не пустили в ход термобарические реактивные снаряды.

Причиной был завод, выстроенный на инвестиции United Mankind и принадлежащий кому-то из хайлелевов. Майор Спрэгью прекрасно понимал, что за ущерб, причинённый по его вине священной чужой частной собственности, ему придётся отвечать. Вот люди - это другое дело, они ничьей собственностью не являются, и в суд исковое заявление никто не подаст. Правда, общественное мнение на Западе очень болезненно воспринимало сообщения о потерях контингента миротворческих сил, однако из двух зол выбирают меньшее. К тому же солдаты-полуфабы - они полуфабы и есть, а информацию о потерях и причесать можно, эка невидаль.

...Солнце давно перевалило за полдень и катилось к вечеру, выжимая из разбитых домов угловатые удлинняющиеся тени. Глобы молчали, не делая попыток начать третью атаку и никак не выдавая своих намерений. Потери казаков оказались невелики, а мирные жители городка в большинстве своём переправились на другой берег Дона ещё вчера.

– Чего они ждут? - вслух размышлял Прохор, прогоняя на дисплее компьютерную модель периметра обороны. - До их "кумы" бы дотянутся - я б ей устроил чесотку. Жаль, не могу - "занавеску" повесила, парша подхвостная...

Григорий взглянул на экран, где разноцветными символами были высвечены бункеры, окопы и врывшиеся в землю бронеконконы генераторов силовых полей, и где среди красных, синих и жёлтых квадратов, треугольников и ромбов, обозначавших орудия, ракетомёты и прочее убийственное железо, пульсировали зелёные точки. Похоже на компьютерную игру, если забыть, что за этими зелёными пятнышками - люди. Живые люди.

И как в компьютерной игре с частично открытой картой верхняя четверть экрана была залита нейтрально-серым: "кума" - командный компьютер глобов - прикрыла расположение миротворцев экранном полем. Серая пелена дышала, но не двигалась: глобы чего-то ждали. И дождались.

Из-под "занавески" вынырнули три фиолетовые искорки, и через секунду анализатор выдал идентификацию: беспилотные летательные аппараты типа "вампир", специально предназначенные для уличных боёв. Радиус действия у них невелик, но "вампиры" способны действовать автономно, без оглядки на "поводыря" - наземную станцию наведения. Скорее всего, прибытия транспортёров с беспилотниками и ждал майор Спрэгью.

Первый "вампир" поймал зенитную "бабочку" почти сразу. Смачно полыхнуло, и беспилотник рассыпался пеплом, словно всамделишный упырь, застигнутый лучами восходящего солнца. Но два других, с невыносимыми для пилотов-людей перегрузками меняя высоту и скорость полёта и сбивая хлесткими лиловыми молниями высоковольтных разрядов устремившихся к ним со всех сторон "бабочек", проскочили.

Второго спалили уже над домами, однако третий пронёсся быстрой тенью, завис, и... Подбрюшье летающей машины распахнулось, и оттуда хлынул плотный серебристый поток.

– "Осы"... - выдохнул Григорий. - Импульс, Прохор, импульс!

Счёт пошёл на секунды. Шелихов видел, как из развалин выскочила вспугнутая воем "вампира" собака и тут же ткнулась кудлатой мордой в землю. Миниатюрные киберы-убийцы самонаводились на теплокровных существ, а нейротоксин действовал мгновенно.

Григория скрутило резкой судорогой. Терпи, казак, иначе все бойцы твоего отряда через полминуты станут мертвецами. "Осы" проникают в любую щель, и против этих тварей

мощный электромагнитный импульс - самое лучшее средство.

На асфальт пролился шелестящий дождь. "Осы" падали, маленькие и такие красивые, словно завёрнутые в блестящую фольгу рождественские орешки. Но что случилось с их маткой, Шелихов уже не увидел.

Бункер содрогнулся от страшного удара и вскрылся, термопластовая дверь медленно вывалилась наружу, уступая место густому чёрному дыму. Григория швырнуло; он с трудом удержался на ногах, одновременно ухватив подвернувшуюся ему под руку рукоять шашки.

Атака глобов была комбинированной. Вместе с "вампирами" на повстанцев с трёх сторон ринулись бронепрыги: боевые глайдеры-"блохи", вёрткие и вместительные машины, берущие на борт отделение солдат и способные перескочить через двухэтажный дом.

Большинство из них казаки стреножили "змеюками", но один, самый везучий - или ведомый самым умелым командиром - прорвался к командному бункеру. Бронепрыг шёл по пеленгу и знал, куда бить. И "блоха" успела накрыть цель и даже выбросить десант до того, как получила своё.

Из дыма выдвинулась безликая фигура в броне. Прохор Зыков не успел выстрелить - двадцатимиллиметровый снаряд из подствольника попал ему в грудь. Тело казака дёрнулось, спинная броня лопнула, и по дисплею растёкся, разбрасывая извилистые тонкие струйки, липкий кровавый ком.

Думать было уже некогда, и Григорий Шелихов сделал то единственное, что он ещё мог сделать. Шашка стала продолжением его руки, воплощением его естества, средоточием всего того, что он любил и что ненавидел. И средоточием древней Силы.

Коротко взвизгнувшее лезвие наискось упало на дымчатое забрало, и бронепластик треснул, как молодой лёд под колуном, пропуская сталь. Шашка просекла лицо глоба всего на ладонь, остановленная заушинами шлема, не позволившими клинку срезать голову, но этого хватило - с лихвой.

Григорий взял свой автомат, бросил взгляд на тело Прохора, перешагнул через труп глоба и нырнул в тягучий дым. Автомат он нёс в левой руке - правая намертво прикипела к рукояти шашки.

Вокруг шла яростная стрельба, что-то взрывалось и горело. Шелихов знал - его отряд не остался без командира, кто-нибудь из хорунжих уже принял командование, и управление боем переведено в один из запасных бункеров. И Григорию стало легко - он просто шёл драться вместе со своими казаками и, если будет надо, умирать вместе с ними.

Дым поредел. Григорий увидел мёртвого глоба, лежавшего ничком, чуть поодаль - ещё одного. Напротив руин бункера догорал бронепрыг, завалившийся набок и подмявший под себя распластанные останки "вампира"; покореженный асфальт был усыпан "дохлыми" "осами".

И тут над головой зарокотало, словно кто-то раскатил по небу горсть тяжёлых шаров.

Эскадрилья боевых винтокрылов вынеслась откуда-то из-за Дона и густо раскрасила вечернее небо дымными следами пущенных ракет. И над автострадой, там, где окопались миротворцы, расплескалось слепящее зарево, словно туда опрокинули гигантский ковш расплавленного металла.

Пошатываясь - в ушах звенело, перед глазами мельтешили цветные пятна, - Шелихов добрёл до ближайшего дома и сел, прислонившись спиной к уцелевшей стене. Он выпустил автомат и коснулся ладонью земли, на которой за такой длинный сегодняшний день вдоволь попиrowал огонь.

Но вместо горячего пепла рука Григория встретила влажную нежность живой земли.

Земля была тёплой и мягкой, словно щека любимой женщины.

И тихо-тихо зазвучал в сознании Григория Шелихова голос Анюты: "У нас будет сын, Гришенька... Сын...".

Санкт-Петербург, 6-12 декабря 2006 года

Последний из бледнолицых

*" У меня братишки нет,
У меня сестрёнки нет,
Говорят, с детьми хлопот невпроворот.
Что же будет на Земле,
Через сто ближайших лет,
Если мода на детей совсем пройдёт ?"*
(Из популярной эстрадной песенки 70-х годов прошлого века)

"Сколько у меня осталось патронов? Посчитать? А зачем? Даже если бы у меня был лучевой дезинтегратор, это ничего уже не изменит... Да и не продают такое оружие белым - нигде в пределах этой страны и, наверно, всего мира. Вот и приходится рассчитывать только на древнюю "М-16", принятую на вооружение больше ста лет назад. Музейный экспонат, конечно, но убивать - убивает..."

Над водной гладью великого озера Онтарио стлался утренний туман, втягиваясь белыми языками между стволов могучих деревьев - молчаливых свидетелей минувшего. Трава была мокрой от росы, словно на неё пролились все слёзы женщин народа, некогда владевшего этими краями. Где они сейчас, эти племена? - Сгинули без следа и памяти... А теперь настала очередь и самих победителей, слишком безмятежно почивавших на лаврах...

Притаившийся в кустах человек в пятнистой защитной одежде был очень стар. Время избородило морщинами кожу его лица и заострило черты, придав им хищное выражение. Глаза поблекли, но остались по-прежнему зоркими, спина не согнулась, а руки его так же бугрились мускулами, как и во времена безвозвратно ушедшей молодости. Вот только вряд ли это уже имело какое-то значение.

"Откуда они появятся? И на чём? Свалятся прямо на голову на винтокрыле или примчатся по озеру на слайдере? Пока маскировочное поле держит, меня не разглядят ни с орбиты, ни через систему континентального слежения. Экранировка полная - стражам сил поддержания общественного порядка не помогут даже новейшие детекторы, реагирующие не только на тепло тела, но и на тончайшее дрожание человеческой ауры".

Человек сидел на самой оконечности далеко вдававшегося в озеро узкого мыса, густо поросшего орешником. Этот уголок в своё время по одной из федеральных программ сделали заповедным - таких мест на всём континенте осталось совсем мало, - и здесь по соседству с молодыми деревцами сохранились кряжистые дубы, помнившие ещё

первопроходцев, тех...

...что шли через лес, чутко вслушиваясь в шорохи и держа наготове длинноствольные карабины. Прежние хозяева этих мест не любили пришельцев, - и было за что! - и в любой момент из-за зелёного полога листвы могла скользнуть стрела. Дикари искусно прятались в чаще и метко стреляли, но всё равно не смогли устоять под натиском бледнолицых. Гордые воины полегли в неравных боях, жалкие остатки некогда могучих и грозных племен загнали в резервации, а индейки стали жёнами (в лучшем случае) и служанками победителей. На месте лесов выросли шумные многолюдные города и пролегли автомагистрали, и лишь кое-где уцелели крохотные островки природы, смутно помнящие былое...

Человека звали Нат - Натаниэль Бампо. Он жил в этих краях лет тридцать - с тех пор, как ему стало невозможно жить среди людей. Нет, эти люди не были откровенно враждебными, напротив, они следовали тому, что некогда назвали политкорректностью, но все они были чужими, и Натаниэль был для них тоже чужим. И он ушёл - устроился рейнджером, а потом и вовсе осел в здешних лесах. Свобода от опостылевшего ему мира была иллюзорной - Нат зависел от этого мира, от денег, хранившихся на его счету, от магазинов и от всего того, что называется благами цивилизации. И он стал бороться, чтобы стать независимым.

Это было невероятно трудно - человек XXI века был намертво привязан к обществу тысячами незримых нитей, разорвать которые казалось невозможным. Но само это общество менялось, и другого выхода не было. Натаниэль не мог жить так, как жили здесь люди триста лет назад - рыбы в озере почти не осталось, а за нелегальный отстрел оленя можно было запросто угодить за решётку, - и поэтому был вынужден периодически наведываться на своём древнем автомобиле с допотопным двигателем внутреннего сгорания в ближайший городок, где кусочек пластмассы с кодом личного счёта мог превратиться в продукты и одежду. Хорошо ещё, что его зарплата - а потом и пенсия - регулярно переводились на этот самый счёт, так что контакты с внешним миром можно было свести к минимуму.

Всё изменилось, когда в продаже появились синтезаторы пищи. Первые образцы были крайне несовершенными и стоили кучу денег, но Натаниэль не колебался ни секунды. Он выждал ровно столько, сколько потребовалось - пока синтезаторы не стали более-менее надёжными. Тогда Натаниэль продал свой старый дом - тот самый дом, где они с Джейн когда-то любили друг друга, - купил синтезатор (участок земли у берега озера он пожизненно арендовал как рейнджер-ветеран заповедника) и окончательно ушёл в лес. Пропади оно всё пропадом! Ах, Джейн, Джейн...

* * *

...Всполохи голубого света заливали тёмный зал. Они перемешивались с ритмичной, давящей на сознание музыкой так, что было не понять - то ли это звучит свет, то ли звук сделался видимым. T-shirts¹ парней и топики девушек отливали феерическими оттенками пронзительно-фиолетового, а белые световые пятнышки, отбрасываемые вращающимися многогранными блестящими шарами, засыпали танцующих призрачной снежной метелью.

Эту девчонку Нат приметил сразу. Она танцевала самозабвенно, не видя никого и ничего вокруг - так, наверно, извивались в ритуальных эротических танцах жрицы каких-нибудь древних богов. Нат ловко ввинтился в толпу и скоро оказался возле девушки - лицом к лицу. Поначалу она не обратила внимания на возникшего перед ней парня, но вскоре Нат ухитрился поймать взгляд её отрешённых глаз - травки, что ли, покурила? - и заметил под густыми ресницами девчонки тень неприкрытого интереса к неожиданному партнёру. Нат определил этот интерес безошибочно - не впервой. Он был завидным парнем - атлетически сложенным (его даже прозвали Конаном-варваром) и к тому же не обиженным мозгами

¹ T-shirt (англ.) - спортивная рубашка, футболка.

(преподаватели предрекали ему блестящую карьеру), - и многие девчонки спешили стащить с себя трусики и забраться к нему в постель. Пуританская мораль давно пошла трещинами, а новые birth control achievements² позволяли любвеобильным девушкам не бояться ненужных последствий - так почему бы не получить удовольствие от секса с таким аппетитным парнем?

– Как тебя зовут? - выкрикнул Нат, уловив момент, когда сотрясавшие зал децибелы чуть смирili на время свою ярость.

– Джейн! - прокричала девушка ему в ухо. Губы её при этом коснулись щеки парня, и Натаниэль почувствовал, как по хребту его пробежала жгучая искорка.

– А меня Нат, - представился он в ответ и тут же напрямик предложил: - Удерём?

Девушка секунду подумала, улыбнулась, утвердительно тряхнула копной рыжеватых волос - в голубом свете они выглядели мраморными - и без колебаний протянула Натаниэлю руку. Он приобнял Джейн и ощутил кончиками пальцев, какое у неё горячее тело - там, под тонкой тканью лёгкого топики, в ложбинке вдоль спины.

С некоторым трудом выбравшись из зала, где бушевала дискотека, они первым делом обнялись, потом жадно целовались до тех пор, пока у обоих не перехватило дыхание, - у Ната даже мелькнула мысль содрать с девчонки джинсы и завалить её прямо тут, в тёмном закутке под лестницей, среди пустых пластиковых упаковок и банок из-под пива и "кока-колы", - а потом очень скоро и очень естественно оказались в комнате Натаниэля. В кампусе студенты жили по двое, но товарищ Ната в этот вечер отсутствовал, что пришлось как нельзя кстати. Джейн отнюдь не противилась - и даже не пыталась имитировать робкое сопротивление, - когда Нат расстегивал ей "молнию" на джинсах, и позволила себя раздеть и уложить на постель. Она так же послушно развела ноги, но когда Натаниэль коснулся её, тихонько ойкнула и вздрогнула. И только тогда Нат с изумлением понял, что впервые в жизни встретил девственницу.

Это открытие настолько ошеломило парня - как это так, такая красивая девчонка, и до сих пор ни-ни? - что он, - после того, как всё кончилось, - даже не спросил у расслабленно-томной Джейн своё расхожее: "Ну, тебе было хорошо, подружка?". Вместо этого Нат вдруг произнёс - неожиданно для самого себя:

– Слушай, давай поженимся?

К его удивлению, девушка отнюдь не впала в щенячий восторг. Она довольно долго размышляла, потом потянулась всем телом, прильнула к Нату, обняла, потёрлась носом о его щеку и спросила:

– А зачем? Все эти хлопоты с белыми платьями, гостями, расходами... Давай просто: ты будешь моим парнем, а я - твоей девушкой. - И жарко выдохнула: - Мне понравилось... Ты - супер!

При этих словах Джейн Нат вдруг почувствовал раздражение - он никак не ожидал, что его благородное, по его мнению, предложение будет так встречено. Ко всему прочему, - и Нат это явственно понял, - эта девчонка его здорово зацепила, и ему хотелось видеть её именно своей женой, а не какой-то там очередной girl-friend. Подружка - она ведь подружка и есть: сегодня она с тобой, а завтра с кем-нибудь ещё.

Он высвободился из её объятий, сел на смятой постели и посмотрел на матово светящееся в темноте обнажённое стройное тело лежавшей рядом с ним Джейн.

– Или ты выйдешь за меня замуж, - глухо бросил Нат, - или заводи себе какого-нибудь другого "супера". Я с тобой спать не буду, - добавил он, намереваясь встать.

На этот раз Джейн отреагировала мгновенно. Она порывисто приподнялась, прижалась к груди Ната и прошептала:

– Я согласна... Просто я не ожидала такого, извини... Милый, - зовуще прошелестела она, снова ложась и увлекая за собой парня, - иди ко мне...

² Birth control achievements (англ.) - достижения в области противозачаточных средств.

И только много позже Натаниэль понял, что причиной согласия Джейн была вовсе не пылкая страсть (причина, которую хотят видеть за согласием женщины все мужчины), а холодный расчёт - Нат уже заканчивал учёбу и получил пару очень хороших предложений от солидных фирм. И Джейн, - а она задолго до их знакомства обратила внимание на этого парня и прекрасно знала о его высоком рейтинге, - решила, что глупо упускать завидного партнёра, способного обеспечить ей безбедное существование на всю жизнь (да ещё такого, который испытывает угрызения совести по поводу её нарушенной девичьей невинности).

Но даже это понимание ничего не изменило в их отношениях - Натаниэль искренне любил свою Джейн.

* * *

...Медовый месяц они провели в Европе. Близился Миллениум, и весь мир стоял по этому поводу на ушах. Джейн хотела отправиться на тихоокеанские острова, чтобы там одной из первых - она обожала быть первой - встретить первый рассвет нового тысячелетия. И она настояла бы на своём, но Нат сумел объяснить молодой жене, что третье тысячелетие наступит только через год, а 1 января 2000 года - это всего лишь 1 января последнего года второго тысячелетия, и незачем тратить уйму денег только для того, чтобы умножить собой толпу кретинов, плохо учивших в школе арифметику. И Джейн уступила - уступила второй раз в жизни. Первый раз она уступила, согласившись выйти за Натаниэля замуж - то, что она отдалась ему через полчаса после их знакомства, было с её стороны вовсе не уступкой, а всего лишь её собственной прихотью - этого хотелось ей самой.

...Париж не произвёл на них особого впечатления - он выглядел каким-то сереньким и невзрачным. Не слишком интересовавшимся классической литературой молодёжкам ничего не говорили имена Дюма и Гюго, и Сена показалась им всего лишь мутноватой неширокой речушкой - ручеёк по сравнению с Миссисипи! - лишённой какого бы то ни было романтического ореола. Однако - раз уж деньги заплачены! - они добросовестно обошли все достопримечательности: побывали в Лувре, осмотрели Центр Жоржа Помпиду, посетили Плас Пигаль с её красной мельницей, пили кофе в кафе возле Нотр-Дам, поглядывая на гротескные лики химер знаменитого собора, фотографировались на фоне Эйфелевой башни и Сакре-Кёр, любовались огнями ночного Парижа с борта bateau-mouche³ и даже заказали всклокоченному бородавтому художнику на Монмартре портрет счастливой новобрачной.

Они спускались в метро - станции метро в Париже понатыканы густо, - и Натаниэль, машинально скользнув взглядом по кучке темнокожих парижан у ограждавшего спуск в подземку каменного парапета, подумал: "Да их тут не меньше, чем у нас в Оклахоме или Луизиане! Вот тебе и Европа...". И тут он услышал возмущённые крики.

Полный француз с добродушным лицом - вероятно, какой-нибудь клерк средней руки, - проходя мимо оживлённо болтающих афрофранцузов, нечаянно задел плечом темнокожую женщину, явно бывшую центром внимания этой мини-тусовки. И тут же вся компания превратилась в стаю яростно галдящих галок, набросившихся на недоумённо вращающего головой голубя.

— Vous etes raciste! Vous etes raciste!⁴ - Натаниэлю показалось даже, что вместо рук у негров крылья, и что они вот-вот начнут дружно клевать растерявшегося и что-то робко бормочущего прохожего. Однако до драки дело всё-таки не дошло, и когда ошарашенный клерк проходил мимо наблюдавшей за склокой молодой пары, Нат с Джейн услышали его детски-обиженное:

³ Bateau-mouche (франц. .) - речной трамвайчик.

⁴ Vous etes raciste! (франц. .) - Вы расист!

– Non, je ne suis pas raciste...⁵

Джейн только фыркнула, а Натаниэль вдруг ощутил неприятный холодок в спине - ощутил впервые в жизни. Впрочем, через двадцать минут они были уже в гостинице, начали заниматься любовью прямо в душе, продолжили на широкой (несомненно, только для этого и предназначенной) постели и быстро забыли об этом неприятном случае.

* * *

...Через десять лет у них уже было всё - купленный в кредит роскошный собственный дом, оборудованный по последнему слову техники, три новенькие автомашины - Джейн, Ната и семейная, для совместных выездов на уик-энды, - престижная и высокооплачиваемая работа и солидный счёт в надёжном банке. Натаниэль стал одним из ведущих специалистов "High Tech Corporation" - крупной компании, занимавшейся разработками и промышленным внедрением новейших технологий, - а Джейн работала в этой же корпорации экспертом по маркетингу. Звёзд с неба она не хватала, но сидеть дома отказалась категорически.

– Ты что, приверженец ислама, который советует держать жён под паранджой? - решительно заявила она мужу. - Нет уж, мой дорогой, я не собираюсь проводить лучшие годы среди кастрюль - не для этого я заканчивала университет. В наше время женщина может очень многого достичь!

И она действительно добилась многого, чем вызвала некоторое удивление Натаниэля, знавшего о скромных талантах своей супруги. До него доходили сплетни о том, что, дескать, карьерные достижения Джейн связаны с несколько иными её способностями, отличными от чисто деловых, но как настоящий мужчина и любящий муж, он пропускал эти сплетни мимо ушей, а однажды прямо заявил разоткровенничавшемуся с ним на эту тему доброхоту:

– Слушай, парень, попридержи свой вонючий язык, иначе я тебе его вырву и засуну тебе же в задницу, о'кей?

Собеседник поперхнулся на полуслове, оценил ледяные глаза Ната и его широкие плечи и счёл за лучшее не вступать в чреватую травмами дискуссию. После этого случая никто больше не пытался "открыть глаза простаку Натти Бампо на недостойное поведение его супруги". Да и было ли оно, это недостойное поведение? Джейн в ответ на осторожный вопрос мужа устроила настоящий скандал с битьём посуды и потоками слёз, суть которого сводилась к старинному изречению "не пойман - не вор!". Правда, Джейн изложила эту самую суть в несколько иных, более энергичных выражениях типа: "А ты что, выгребал использованные презервативы с заднего сидения моей машины?".

Да, у них было всё - кроме детей.

– А зачем они нам? - вполне искренне удивилась Джейн, когда Натаниэль завёл в очередной раз разговор на эту тему, выбрав, как ему показалось, наиболее подходящий момент - они лежали в супружеской постели, отдыхая после любви.

– Как это зачем? - не понял Нат. - Странный вопрос...

– Ну почему же странный? - снова удивилась Джейн, слегка покалывая своими острыми ноготками обнажённую грудь мужа. - Я действительно не понимаю, зачем тебе это нужно! Мы с тобой молоды, перед нами весь мир, в котором столько всего интересного и приятного, у нас есть деньги, которые можно со вкусом потратить на массу полезных вещей и удовольствий, а ты заморачиваешься какими-то там детьми! Всю жизнь мечтала - ходить с пузом, переваливаясь с боку на бок, как глупая толстая гусыня; потом мучаться, пока этот кусок мяса будет выползает из моего тела, орать от боли, а потом ещё возиться с мокрыми памперсами! И для чего? Чтобы лишиться себя всех доступных нам удовольствий? Только ради этого?

– Подожди, подожди, - Нат перехватил руку жены, целеустремлённо и в тоже время

⁵ Non, je ne suis pas raciste (франц.) - Нет, я не расист.

словно ненароком переместившуюся с его груди на живот и ниже. - Но ведь мы же не вечно будем молодыми - мы состаримся! И потом, ведь до тебя миллиарды женщин рожали, и...

- Знаешь что, дорогой, - Джейн вырвала свою руку из его пальцев, пружинисто села на кровати, и Натаниэль почти физически ощутил, как в ней закипает раздражение, - я не собираюсь следовать заветам прабабок, игравших в свиноматок! По-твоему, основное назначение женщины - это быть родильной машиной, так, да? Только не надо сказок про стакан воды, который тебе подадут на старости лет благодарные отпрыски! Да они прежде всего буду думать о том, как бы поскорее спровадить эту старую руину - то есть тебя - в крематорий и получить наследство! Да, да, именно так! Нужно зарабатывать деньги, и тогда тебя до самой смерти будут заботливо облизывать нанятые няньки-сиделки, и безропотно выносить за тобой дерьмо, потому что ты им за это будешь платить - и хорошо платить, вот так! А дети... - и она брезгливо сморщилась. - А что до рассказней о продолжении рода - оставь это пасторам, лепечущим что-то про рай и ад! Мне лично наплевать, что будет здесь, на это дрянной планете, после того, как я сдохну и стану бесплатным ланчем для червей. Живём один раз, и поэтому надо взять от этой жизни всё, что можно - и даже то, что нельзя! А если тебе так надо о ком-то заботится - если тебе меня мало, - давай заведём собаку: хлопот меньше, а удовольствие то же. А пользы - пользы даже больше: хорошая собака - это престижно.

Натаниэль смотрел на жену, на её длинные волосы, упавшие на тугую грудь, на глаза, светящиеся в полутьме спальни, как у кошки, и думал, что она чертовски хороша. И ещё он вдруг вспомнил, как Джейн без всяких угрызений совести пошла на эвтаназию своей матери, прикованной к постели, - после того как врачи сказали ей, что старушка никогда уже не встанет, но протянет ещё не один год, мучая себя и других...

И всё-таки она уступила ему - третий раз в жизни. Уступила после того, как пару раз перехватила взгляды Ната, которые он бросал на женщин с маленькими детьми - такие ещё иногда встречались в элитном районе, где они жили. Джейн поняла своим обострённым, каким-то поистине звериным чутьём, что её муж не успокоится; и дело может кончиться тем, что их уютное гнёздышко в один не очень прекрасный день развалится - если в нём не запищит птенец. Так родилась Кэролайн.

Весь период беременности жены остался в памяти Натаниэля как один непрерывный сюрреалистический бред на грани шизофрении - Джейн измучила его до предела своими беспричинными истериками и непредсказуемыми капризами. Он терпел, утешая себя тем, что ей, бедняжке, так трудно - ведь она такая нежная и хрупкая! - и только много лет спустя догадался: на девяносто процентов весь этот театр абсурда был срежиссирован и поставлен ни кем иным, как самой Джейн, желавшей таким способом обезопасить себя на будущее от возможного повторения подобного эксперимента. А родила она легко и быстро, несмотря на своё худощавое телосложение.

- Поздравляю вас с первенцем, мистер Бампо, - сказала ему сиделка-филиппинка в родильном доме, куда счастливый молодой отец явился с огромным букетом цветов, чтобы забрать Джейн и новорождённую дочь. - Ваша девочка - просто ангелочек! Вам так повезло - Господь щедро наделил вашу жену здоровьем, она вам и десяток детишек нарожает!

- Спасибо, - поблагодарил Нат, грустно подумав про себя: "А вот это вряд ли..."

Сама Джейн отнюдь не выглядела безмерно счастливой - скорее наоборот. Она очень быстро перестала кормить дочь грудью (чтобы не испортить фигуру), не вставала к малышке ночью, когда та начинала хныкать, и не купала её, предоставив эти заботы мужу. Натаниэль ждал, что у жены вот-вот проснутся древние материнские инстинкты, но этого не произошло - нежеланный ребёнок так и остался нежеланным и нелюбимым; крохотный верещащий комочек красной плоти не вызывал у Джейн ничего, кроме брезгливости. И даже когда Кэролайн немного подросла и сделала свои первые робкие шаги, мать осталась к дочери равнодушной - в лучшем случае она её замечала, но не более того. И девочка чувствовала это - когда Джейн изредка обращала на неё внимание, ребёнок тут же заходился плачем, и успокаивался только тогда, когда Нат брал малышку на руки. Отец ухаживал за девочкой сам

- в пределах возможного, работу он бросить не мог, - а потом в доме появилась пожилая дебелая мексиканка-baby-sitter. Двум молоденьким смуглым и темноволосым претенденткам на эту должность, явившимся по объявлению, Джейн мгновенно - только взглянув мельком на их ноги и бёдра - дала от ворот поворот, а "мама Роза" её вполне устроила и избавила молодую мать от необходимости самой заниматься Кэролайн.

* * *

Шло время, и вроде бы всё было хорошо.

Кэролайн росла. Она уже задорно носилась по лужайке у дома наперегонки с Бобби - громадным чёрным корсиканцем⁶, безоговорочно признавшим малышку своей любимицей и хозяйкой и безропотно терпевшим потуги Кэролайн, когда она, сопя от усердия, тягала пса за уши или за хвост. Кличку псу дала Джейн, считавшая, что он очень похож на полицейских, которых они видели в Лондоне. Натаниэль не находил в собаке особого внешнего сходства с бравыми британскими блюстителем порядка, но охранником Бобби оказался превосходным - любой выказавший (пусть даже в шутку) недобрые намерения по отношению к Кэролайн, очень сильно рисковал: клыки у этой заботливой няньки и компаньона по детским играм были весьма внушительные.

Кэролайн росла, и в её характере всё чётче проступали черты, всерьёз беспокоившие Ната - упрямство и откровенный эгоизм. Она привыкла к любви отца и к немому обожанию Бобби, привыкла к тому, что все её капризы тут же удовлетворяются, и привыкла считать себя центром внимания. Сам Натаниэль был единственным ребёнком в семье, но он помнил слова деда, сказанные им когда-то давно своей дочери - матери Ната. "Ты дура, Рэйчел! У ребёнка должны быть братья и сёстры - только тогда он поймёт, что не ради него одного сотворён весь этот мир. А иначе... Вот раньше - нас было пятеро в семье, и мы..." - "Перестань, dad⁷, - досадливо оборвала его Рэйчел. - Оставь ты эти свои фермерские замашки - теперь другие времена! Ты знаешь, сколько нужно денег, чтобы вывести в люди хотя бы одного ребёнка? Цены растут, как на дрожжах, жизнь дорожает, а я не хочу, чтобы мой Нат чувствовал себя хоть в чём-то обделённым". - "Дура ты, Рэйчел, - повторил старик, тяжело вздохнув, - мало я тебя драл в детстве, а теперь - теперь уже поздно..."

Однако первую же попытку Натаниэля заикнуться на тему второго ребёнка Джейн пресекла немедленно и яростно. Сначала она закатила мужу грандиозный скандал - "ты что, смерти моей хочешь, я чуть не померла от боли в этой гнусной родилке!", - а потом, зная пиетет Ната перед печатным словом, пустила в ход тяжёлую артиллерию.

— Вот почитай, что тут умные люди пишут! - с этими словами она швырнула на стол увесистый журнал, развёрнутый на странице с заголовком "Дети опасны для здоровья".

— Профессор социологии госпожа Робин Саймон и её коллеги из университета Флориды подтвердили то, что все родители давно подозревали: дети действительно сводят с ума своих пап и мам, - вслух прочитал Нат и недоумённо поднял глаза на жену. - Что за бред?

— А ты дальше читай, а потом скажешь, бред это или нет, - настаивала Джейн. - Ты читай, читай!

И Натаниэль прочёл. Группа Саймон воспользовалась данными национального опроса семей, проведённого в США ещё четверть века назад, в конце восьмидесятых и в начале девяностых годов прошлого столетия. Опросом было охвачено свыше тринадцати тысяч мужчин и женщин, и в результате учёные пришли к выводу - статус родителя не только не

⁶ Кане корсо - собака из породы итальянских молоссов. Иметь собаку такой породы стало модным в начале XXI века.

⁷ Dad - папа, отец (англ.).

приносит никаких ощутимых выгод, но и попросту вреден для психического здоровья.

"Самым поразительным в полученных нами данных, - писала профессор Саймон, - является то, что не нашлось такого родителя, которого депрессия мучила бы в меньшей степени, чем бездетного человека. И мы считаем, - продолжала автор статьи, - что устоявшаяся точка зрения, будто бы дети являются ключом к личному развитию, а без ребёнка жизнь пуста и бессмысленна - не соответствует действительности. Наше исследование окончательно это доказывает"⁸.

Нат отложил журнал, задумчиво посмотрел в окно, за которым на зелёной траве под присмотром "мамы Розы" играла с Бобби заливающаяся счастливым смехом Кэролайн, и перевёл взгляд на Джейн.

- И ты этому веришь? - спросил он, глядя ей прямо в глаза.

- Я не только верю - я чувствую это на себе! - без промедления отозвалась Джейн. - Позавчера эта маленькая паршивка добралась до моего любимого косметического набора и разрисовалась до самых ушей! И ещё она пыталась накрасить помадой нос Бобби, а этот сукин сын только облизывался и смотрел на неё умильными глазами. Я чуть с ума не сошла, мне её прибить захотелось!

- Ну-ну... - неопределённо хмыкнул Нат, и Джейн, чутко следившая за настроением мужа, тут же сменила тактику.

- Ты ведь любишь меня, правда? - прошептала она, положив ему руки на плечи и упершись лбом в его лоб. - Ты ведь не хочешь, чтобы мне было плохо, а? У нас есть дочь, я родила её тебе, и не надо нам больше! Она действительно меня жутко раздражает - мне даже кажется, что когда-нибудь она меня просто убьёт... Я боюсь её! - голос Джейн дрогнул, а глаза наполнились слезами. - Боюсь...

"Да, убьёт, - подумал Нат, - так же, как ты убила свою мать. Очень может быть..."

Но вслух он ничего не сказал. Он чувствовал, что жена с ним искренна - несмотря на некоторую театральность её поведения. И она действительно на грани нервного срыва - за пятнадцать лет Натаниэль немного изучил её характер. В конце концов, нельзя же требовать от человека того, что он не в силах сделать...

* * *

Но с мужем Джейн была нежна - никудышная мать оказалась хорошей и заботливой женой. Были у неё какие-то интрижки на стороне, не были - никто не мог сказать этого наверняка, но сама она старалась не давать мужу ни малейших поводов для ревности. Скорее наоборот - она не спускала глаз с него самого, моментально пресекая любые попытки любых особ женского пола в возрасте от шестнадцати до шестидесяти хотя бы приблизиться к границам допустимой вежливости между мужчиной и женщиной, не говоря уже о том, чтобы попробовать перешагнуть эти границы. Как-то раз Нат, разговаривая с женой по сотовому видеофону, забыл включить канал визуализации собеседника - Джейн не видела, где находится её муж, и чем он занят. Через две минуты (супруги работали на разных этажах громадного здания "High Tech") она влетела в его офис с видом спецназовца, врывающегося в гнездо опаснейших террористов - ей понадобилось гораздо больше времени для того, чтобы убедиться в отсутствии "состава преступления" и успокоиться.

Однако столь жёсткий контроль с лихвой окупался заботами Джейн о доме и о муже. Ни одна из тех бесчисленных бытовых мелочей, из которых соткана повседневная жизнь человеческая, не оставлялась ею без должного внимания. Для Ната, с полным правом считавшего себя ухоженным мужем, само собой разумеющимся было то, что в доме чисто, что постельное бельё всегда свежее и ароматное, что выглаженная рубашка всегда под рукой, а на туалетном столике всегда стоит полный тюбик крема для бритья. Джейн следила

⁸ Подлинная цитата из статьи профессора социологии Р.Саймон, 2006 год.

за уютом в своём трудолюбиво свитом гнёздышке тщательно, и стоило любой уложенной в это гнёздышко веточке - будь то маленькая трещинка в одной из кафельных плиток бассейна или строптивая травинка, чуть выбившаяся вверх посередине аккуратно подстриженного газона, - встопорщиться, как Джейн тут же устраняла своим клювиком замеченный беспорядок. Она сумела и Кэролайн, смирившись с фактом существования дочери, сделать неотъемлемой частью общего имиджа полного благополучия семейства Бампо - со вкусом одетая хорошенькая бойкая девочка неизменно вызывала восторженные ахи и охи гостей и знакомых. Конечно, далеко не всё Джейн делала своими руками - её работа в "High Tech" требовала времени и сил. Но эта же работа, будучи основой благосостояния, позволяла ей нанять прислугу - кроме "мамы Розы", ставшей почти членом их семьи, Джейн помогали по дому приходящие кухарка и уборщица, а также садовник-пуэрториканец, одновременно выполнявший обязанности дворника. И - не в последнюю очередь - умная домашняя автоматика, реагирующая на голоса хозяев.

Джейн следила и за собой, тратя массу времени и уйму денег на фитнес, шейпинг и врачей-косметологов. Крохотная морщинка в уголке глаза рассматривалась ею как стихийное бедствие, соизмеримое по своим последствиям с тропическим ураганом или землетрясением, и Джейн не успокаивалась до тех пор, пока эта злополучная морщинка не исчезала бесследно. И труды эти не были напрасными - в свои без малого сорок миссис Бампо выглядела лет на пятнадцать моложе. А питание вообще стало для неё чем-то вроде хобби - она выискивала самые замысловатые диеты и незамедлительно опробовала на себе их эффективность. "Ты рассчитываешь калорийность нашего ужина куда скрупулёзнее, чем специалисты из НАСА траектории космических аппаратов" - пошутил как-то Натаниэль, наблюдая за тем, как Джейн, сморщив нос и шевеля губами, следит за появляющимися на жидкокристаллическом дисплее домашнего компьютера символами. "Отстань, - буркнула она в ответ, не прекращая священнодействовать, - мне плевать, куда улетит запущенная в космос железка - мне от этого ни жарко, ни холодно. А вот то, что мы с тобой съедим - это действительно важно!".

В конечном счёте все многоплановые усилия Джейн были подчинены одной-единственной цели. Она следовала - почти инстинктивно - древнему постулату, почти не изменившемуся за тысячи лет развития цивилизации: "Что нужно мужчине дома? Тепло очага и ласковая, всегда готовая к любви женщина!". И тогда этот мужчина сделает всё, что этой женщине нужно - причём сделает охотно и даже с радостью.

Джейн очень быстро отметила сексуальный темперамент Ната, и с тех пор интимная сторона их супружеской жизни сделалась для неё предметом повышенного внимания. Джейн придавала большое значение подбору косметики, духов и нижнего белья с тем, чтобы быть и оставаться для своего мужа единственной желанной женщиной - желанной всегда и везде, в любое время, в любом месте и при любых обстоятельствах. Впрочем, это не требовало от неё чрезмерного напряжения - Джейн и сама была большой охотницей до любовных утех и могла вымотать Натаниэля в постели до состояния выжатого лимона. Зато на борту лайнера, совершавшего круиз по островам Вест-Индии, их принимали за молодожёнов - и совсем не потому, что оба супруга молодо выглядели. Джейн и Нат постоянно были рядом, держались за руки и оказывали друг другу мелкие знаки внимания, что обычно присуще только-только познакомившимся юным влюблённым, но никак не мужу и жене, прожившим вместе двадцать лет. Они казались счастливой парой, и действительно были счастливы - в том смысле, который вкладывается в это понятие цивилизованным обществом на планете Земля в XXI веке.

* * *

Компания "High Tech Corporation" уверенно занимала свою нишу на мировом рынке высоких технологий, занимаясь перспективными направлениями в микроэлектронике, энергетике и молекулярном синтезе. Девиз у "High Tech" был простой, но очень ёмкий - "От

изобретения до внедрения", - и руководство компании неукоснительно ему следовало. При этом важно было не ошибиться в оценке перспективности того или иного проекта, иначе запросто могло выйти так, что время, силы и средства будут затрачены на эфемерные - пусть даже очень заманчивые - прожекты, тогда как куда более скромные, но сулящие быстрый экономический эффект реальные изобретения останутся без должного внимания.

Угроза глобального энергетического кризиса из-за истощения природных запасов углеводородного сырья становилась всё более реальной, и все развитые страны проявляли повышенный интерес к любым альтернативным энергоисточникам. "High Tech Corporation" не оставалась в стороне - аналитики компании отслеживали печатные и сетевые публикации на эту тему и выдавали рекомендации отделу персонала о целесообразности приглашения для работы в "High Tech" учёных из любых стран мира. "Мозги будут работать на того, кто будет им хорошо платить!" - любил говорить начальник отдела персонала Джереми Бойл, отстаивая перед советом директоров размеры щедрых окладов для "высасываемых мозгов". И он обычно оказывался прав - затраченные деньги возвращались сторицей.

Компания не стала заниматься космическими лучами сверхвысокой энергии - самым мощным, по оценкам теоретиков, источником энергии во Вселенной после Большого взрыва, - не привлекли её внимания и поиски гипотетической "энергии времени". Принцип "синицы в руках" не предполагал концентрации усилий на фантастических проектах, которые могли быть реализованы лишь в отдалённом будущем - отдача требовалась как можно скорее.

Зато корпорация могла похвастаться осязаемыми достижениями в области новых типов аккумуляторов для электромобилей, водородных реакторов и солнечных батарей. "Ладошки Мэгги" - так неофициально (по имени жены руководителя проекта "Solar Palm"⁹) называли эти миниатюрные изделия - имели очень высокий коэффициент полезного действия и могли работать в любую погоду, пока солнце в данной точке планеты не уходило за горизонт.

Компания охотно выполняла заказы военного министерства и правительства, принимая участие в разработке системы континентального слежения "Глаз Бога", позволявшей с точностью до ярда определить местонахождение вышедшего в Сеть компьютера или мобильного телефона - и не только это; работала она и над созданием "малоразмерных автономных боевых средств, способных выполнять специальные функции при борьбе с терроризмом", как было указано в техническом задании.

Но главным успехом "High Tech" стали молекулярные синтезаторы. Задача была сформулирована очень просто: органические вещества имеют одну и ту же молекулярную структуру - что в мясе, что в древесине. Разница в содержании белков, жиров и углеводов не качественная, а количественная, значит, можно перестроить молекулярные цепочки так, чтобы в результате получить из стога сена жареную индейку. Нужен лишь источник энергии и программа, по которой будет осуществлена такая перестройка. И именно группе Натаниэля удалось впервые получить из недр причудливого и громоздкого агрегата горячий брикет искусственной пищи. По структуре, запаху и вкусу этот брикет сильно отличался - причём в худшую сторону - от ресторанных деликатесов, но это была еда, пригодная для усваивания человеческим организмом. А всё остальное - дело техники, точнее, технологии. Никто из коллег Ната не сомневался в том, что лет этак через десять их синтезаторы начнут бойко выплёвывать искусственные гамбургеры, неотличимые от настоящих.

Успех группы - и самого Ната - не остался незамеченным руководством компании, и вскорости Натаниэль Бампо стал руководителем отдела (в который превратилась его группа), занимавшегося исключительно пищевыми синтезаторами. Прямым - и весьма порадовавшим Джейн - следствием такой реорганизации стал существенный рост доходов четы Бампо: через три года они полностью рассчитались с кредитом и стали владельцами своего дома. Правда, иногда Нат, увлекавшийся работой до одержимости, засиживался за компьютером и дома, причём до поздней ночи. Однако его жена быстро нашла панацею от этого заболевания

⁹ Solar Palm (англ.) - солнечная ладонь

- стоило ей появиться в рабочем кабинете мужа в пеньюаре облегченного типа и прошептать магическое: "Я уже ждалась тебя...", как Натаниэль тут же шёл за ней в спальню - порой даже забывая выключить компьютер.

* * *

Политикой супруги не интересовались - после того, как на официальном уровне было заявлено, что в случае проведения "Аль-Кайдой" на территории Соединённых Штатов террористического акта с применением оружия массового поражения ответом будет одновременный удар ядерными боеголовками по всем мусульманским святыням, кошмарная угроза терроризма ушла в тень. И никто - или почти никто, в том числе и на самом верху, - не обращал внимания на тенденцию, изменившую в итоге лицо всего мира.

Белокожие жители Америки - сытые, здоровые, получившие прекрасное образование - занимали свои престижные места в офисах банков и компаний, шелестели там клавишами компьютеров, осуществляя самый справедливый делёж всего того, что производилось, покупалось и продавалось во всём мире, и не мыслили себе иной работы. Если по каким-то причинам кто-то из них выбывал из гонки за престижем и становился безработным, он - или она - отнюдь не спешили податься в уборщики мусора или в мойщики стёкол, предпочитая жить на вполне приличное пособие и ждать, пока удача снова не повернётся к ним лицом. Или даже не ждать, а просто ничего не делать и радоваться жизни в пределах возможного минимума - причём минимум этот оказался бы верхом изобилия в очень многих странах мира. А за станками, за рулями тяжёлых грузовиков и автобусов, на стройплощадках и на палубах кораблей, в кассах супермаркетов и в приёмных покоях больниц, за стойками баров и в рецепциях гостиниц белых сменяли смуглокожие люди - иммигранты из Индии и с Филиппин, из Латинской Америки и арабских стран. Они брались за любую работу - ведь здесь за неё платили так, как никому из них и не снилось у себя дома. Кое-кто из них возвращался на родину, но многие оседали здесь, доказывали свою полезность для дальнейшего процветания самой могущественной страны мира и получали американское гражданство. И они действительно были нужны этой стране - не всем же быть директорами корпораций и топ-менеджерами. И рождались в их семьях дети - много детей, ставших гражданами США уже по праву рождения. Дети росли, и смотрели на окружающую их роскошь с завистью и жадностью, и ждали своего часа.

Прокатившаяся в начале века по всей Европе - начиная с Франции - волна беспорядков на расовой почве не задела Америку. "Это где-то там, далеко, и нас не касается, - привычно считал законопослушный гражданин США. - Да и что с них взять, с этих бестолковых европейцев? У нас такого не может быть, потому что не может быть никогда!". Некоторое беспокойство - и то в определённых кругах, прекрасно понимавших, чем это может кончиться, - вызвало введение единой арабской валюты, быстро пошедшей в гору, зато события на Дальнем Востоке России не привлекли почти никакого внимания. И реакция Запада на эти события была несколько своеобразной.

...Огромная толпа китайцев на берегу широкой реки, транспаранты, флаги, трибуна с ожесточённо жестикующим оратором... Русские танки и лица солдат и офицеров - напряжённые и сосредоточенные, как это всегда бывает в ожидании приказа к атаке, и в то же время какие-то растерянные - это что же творится-то, а? Заседание Государственной Думы России - и та же растерянность на лицах депутатов... Лицо случайного прохожего на улице Москвы и поднесённый к нему корреспондентский микрофон. "Что вы обо всём этом думаете?" - "Я? Да я..." (вместо ответа - судя по мимике, весьма красноречивого, - следует длинная череда писков, заменяющих вполне определённые энергичные выражения). Кадры видеохроники сменяются компьютерным изображением карты России, на которой на месте Хабаровского края и Приморья расплзается обширное жёлтое пятно... Заседание Совета Безопасности ООН: "России следует отказаться от своих имперских амбиций - они давно уже стали достоянием прошлого. Соединённые Штаты с искренним уважением относятся к праву

всех людей планеты, независимо от их цвета кожи и вероисповедания, жить по своим обычаям и традициям, в условиях свободы и демократии... Соединённые Штаты намерены признать суверенитет Малого Китая и установить с ним дипломатические отношения... Американский народ всегда..."

— Так им и надо, - равнодушно бросила Джейн, сидя на мягком диване рядом с мужем и глядя на стереозэкран новенького домашнего медиа-центра, где шёл репортаж "Си-Эн-Эн" о провозглашении на территории России китайской автономии. - Врагами были, врагами и остались! Им, - добавила она, имея в виду русских, - надо было не с нами тягаться, а следить за тем, чтобы эти желтолицы не обосновались по-хозяйски в их собственном доме. Слава Богу, у нас такого быть не может.

Натаниэль промолчал - уж очень неприятным было зрелище многотысячной толпы, исступлённо скандирующей что-то под плакатами с красными иероглифами, похожими на насосавшихся крови пауков. А Джейн взяла пульт и лёгким движением пальца с ухоженным ногтем переключилась с программы новостей на развлекательный канал, где сияющий белозубой улыбкой ведущий в окружении умопомрачительных смуглых девиц с минимумом одежды на соблазнительных гибких телах приглашал всех телезрителей принять участие в почти беспроектном интерактивном шоу с главным призом в миллион долларов.

* * *

Кэрролайн уже училась в школе. Учёба давалась ей легко - она без всякого напряжения стала одной из первых учениц, радуя родителей - в первую очередь, конечно, Натаниэля. И даже Джейн не забывала при случае вернуть в разговоре с соседкой: "А моя Кэрри вчера получила самый высокий балл при тестировании по истории!", делая при этом акцент на местоимении "моя", хотя её отношения с дочерью по-прежнему напоминали вооружённый нейтралитет.

Обычно детей развозил по домам жёлтый школьный автобус, но иногда Нат и сам заезжал за дочкой. Вот и сегодня у него неожиданно высвободилось пара часов времени, и он решил доставить Кэрролайн - и себе, конечно, - маленькое удовольствие. Девочке будет приятно, что папа приехал за ней на недавно приобретённой шикарной машине - такой покупки требовал статус руководителя отдела, и "High Tech" строго следила за тем, чтобы её сотрудники соблюдали статусные требования, - а ему хотелось лишний час побыть с Кэрри. "А то из-за этой чёртовой работы совсем не остаётся времени для простых человеческих радостей..." - думал Натаниэль, подъезжая к школе.

Он припарковался неподалёку - так, чтобы Кэрролайн сразу его увидела, - и стал ждать, не выходя из машины. Он ждал довольно долго - ребяташки выбегали шумной гурьбой из-за сетчатой ограды, и Натаниэль обратил внимание, что среди них почти нет белых. Были всякие - смуглокожие, желтокожие, бронзовокожие, совсем чернокожие, - однако чисто белокожих было немного. Какая-то непонятная мысль начала оформляться в сознании Ната, но тут появилась Кэрролайн, радостно взвизгнула и бросилась к нему со всех ног. Он вышел из машины, поймал дочку и поднял высоко вверх, к солнцу. Кэрри весело верещала, ничего не боясь в крепких отцовских руках. Натаниэль поставил покрасневшую девочку на землю, открыл перед ней дверцу машины и склонился в шутовом поклоне, подавая Кэрри руку. Та, принимая игру, с самым серьёзным видом оперлась на его ладонь и забралась на мягкое сидение с достоинством маленькой принцессы. Мотор мурлыкнул и заработал почти бесшумно, машина тронулась, и тут Натаниэль ощутил взгляды многих десятков детских глаз, смотревших на него, на Кэрролайн и на его автомобиль, похожий своими обводами на космический корабль из фантастического фильма. В этих взглядах было многое, и зависть - зависть была тоже. И он вдруг представил себе этих ребят лет через десять-двенадцать - представил стоящими толпой под плакатами с причудливой арабской вязью и исступлённо что-то скандирующими. И Нат почувствовал неприятный холодок в спине - второй раз в жизни - совсем как в Париже двадцать лет назад при виде той дурацкой сцены у метро.

* * *

Лежавший на коленях Натаниэля небольшой плоский прибор издал еле слышный писк, и тут же засветился маленький дисплей. "Хорошо, что я успел расставить "глаза" по всему периметру участка, - подумал Нат, наблюдая за светящейся точкой, неторопливо ползущей по крохотному экрану. - Их найти не так просто - разве что стражи выпускают "ос", - а я могу видеть всё вокруг. А пока поле не погаснет, и "осы" ни черта не разглядят. Правда, уровень энергии в аккумуляторах уже заметно снизился, но это не страшно: скоро взойдёт солнце и тогда "ладошки", собирающие не только прямой, но и рассеянный солнечный свет, быстро восполнят затраченное за ночь".

Точка укрупнилась до размеров пятнышка, и микрокомпьютер выдал идентификацию, заодно выведя на дисплей данные о расстоянии, курсе и скорости летящего объекта. "Флаер - понятное дело. А ты думал, они пойдут через лес на своих двоих, словно трапперы времён войны за независимость? Ведь эти двое - те, что остались там, возле моего дома, - приехали, а не пришли. Правда, эта самоуверенная парочка не ожидала от меня того, что я сделал... И зря не ожидала...".

Нат знал, что лишних движений сейчас делать не стоит - разрешающая способность полицейских детекторов позволяет засечь шевеление мыши в траве с высоты тысячи футов. Маскировочное поле - штука хорошая, однако "ищейки" классифицируют цели по многим параметрам, в том числе и по динамике, и они набиты всякой хитрой электронной дрянью под завязку. Те же "осы", например, - маленькие автономные летательные аппаратики (именно такие разрабатывались в своё время в специальном отделе "High Tech Corporation" для "антитеррористических операций"), способные проникать в любую щель, подслушивать там, подглядывать, а если надо, то и атаковать по приказу, молниеносно впрыскивая под кожу человека парализующий яд. Вот ведь пакость какая - палить в них из винтовки бесполезно, "осы" чуть крупнее пули. Их, насколько было известно Нату, можно оглушить мощным электромагнитным импульсом - так, что они дождём посыпятся вниз, - вот только нечем ему сгенерировать такой импульс. Значит, надо сидеть смиренно.

"Ищейка" - флаер сил поддержания общественного порядка (из тех, что пришли на смену старинным полицейским вертолёткам), - со свистом прошла над головой Натаниэля. Он не пошевелился, только проводил флаер глазами. Винтовка под рукой, и при желании старый рейнджер мог бы всадить в голубовато-серое акулье брюхо "ищейки" чуть ли не весь магазин, но смысл? Эту рукотворную бестию завалишь разве что ручной зенитной ракетой "суперстингер-2" или "шариатом" - тем самым лучевым дезинтегратором, которого у него нет, и который белым нигде не продают. Да и чёрт с ним, с дезинтегратором... "Ищейка" просто принохивается - ну что ж, пусть попробует его учуять!

* * *

В двадцать четвёртом случилось то, что должно было случиться - рано или поздно. Обитатели трущоб, предместий и городов-спутников, облепивших гигантские мегаполисы, многочисленная иммигрантская молодёжь (хотя почему же иммигрантская, все они уже были гражданами этой страны и считали себя американцами); неприкаянная аморфная масса, умело направляемая невидимыми режиссёрами и желающая незнамо чего (хотя почему же незнамо чего - они хотели того же, что было у обеспеченного среднего класса, хотели независимо от суммы своих собственных усилий, затраченных на достижение такого благосостояния); взрывчатое вещество, масса которого достигла критической, - всё это выплеснулось на улицы горячим обжигающим варевом. Особых беспорядков, впрочем, не было - так, кое-где били стёкла магазинчиков, переворачивали и поджигали машины, имели место драки, не достигшие размаха массовых побоищ. Национальная гвардия - название "силы поддержания общественного порядка" появилось позже - и полиция довольно быстро

утихомирили буянов. В Конгрессе шли бурные дебаты о принятии надлежащих мер, обсуждался новый пакет обширных социальных гарантий так называемым "обделённым слоям населения", который после некоторых споров и незначительных поправок и был принят. Политкорректность восторжествовала - близились очередные президентские выборы, и все кандидаты буквально охотились за голосами "разноцветного" электората, растущего с каждым годом пугающими темпами. Жертв почти не было, но в это крайне незначительно "почти", исчисляющееся единицами, попала Джейн.

Какая нелёгкая дернула её оказаться в ненужное время в ненужном месте? Или Джейн изменило её знаменитое чутьё, не раз выручавшее маркетолога "High Tech Corporation" и в профессиональной деятельности, и в жизни вообще? Или её ангел-хранитель решил именно в этот день отдохнуть и забыть на время о своей святой обязанности? Как бы то ни было, но...

...возвращаясь домой, Джейн быстро добралась по хайвею до въезда в центр города, заселённый почти исключительно белыми. В воздухе витал терпкий запах встревоженности - она явственно ощущала этот запах. Магазины и многочисленные кафе были закрыты, их окна закрывали опущенные металлические жалюзи. Людей на улицах почти не было видно, припаркованные машины сиротливо жалась к тротуарам, но когда Джейн подъехала к кольцевой дороге, являвшейся своеобразной границей элитного района, она увидела впереди плотное автомобильное стадо. Машин здесь собралось около сотни, а над их разноцветными спинами возвышались угрюмые туши двух пятнистых бронетранспортёров с задранными вверх хищными стволами автоматических пушек. Национальная гвардия перекрыла проезд - в узкой щели, образованной стальными бортами бэтээров, стояли солдаты в бронежилетах и в касках, с автоматами наперевес. Действия гвардейцев диктовались благими побуждениями - проверяя ID у водителей въезжавших в центр автомашин, они старались не допустить "инфильтрации нежелательных элементов" в охваченный паникой элитный район, однако Джейн совсем не улыбалось проторчать в этой искусственно созданной пробке бог весть сколько времени. Кэролайн была уже дома - она звонила матери пять минут назад - одна, точнее, вдвоём с Бобби. "Мама Роза" ещё два дня назад попросила недельный отпуск, а Натаниэль улетел по делам фирмы в Нью-Йорк и должен был вернуться только завтра. И Джейн хотелось как можно скорее оказаться дома. Беспокоилась ли она за дочь? Или ей самой было страшно одной на таких знакомых, но ставших вдруг в одночасье такими неуютными и даже враждебными улицами?

Закусив губу, она секунду размышляла, а потом решительно развернула машину. "Так будет быстрее, - думала Джейн, поворачивая руль. - объеду центр по Ривер-стрит - авось на следующем въезде посвободнее. Да и до нашего дома оттуда ближе..."

Улицы по-прежнему оставались пустынными, только вдалеке над крышами невысоких домов поднимался тягучий столб чёрного дыма - там что-то горело, - да тротуары сплошь были усыпаны стеклянным крошечком от выбитых витрин. Джейн уже сворачивала на улицу, ведущую к следующему въезду в благословенный элитный район, который казался ей сейчас землёй обетованной, как вдруг машину резко дернуло влево, и Джейн услышала негромкий хлопок. Руль повело - впечатление было таким, что автомобиль споткнулся и охромел на переднюю левую ногу.

Зачем она вышла из машины? Вызвала бы по сотовому видеотелефону помощь и спокойно дожидалась приезда "аварийки", сидя за бронированными стёклами (с недавнего времени среди чужавшей надвигающегося неладное белой элиты пошла мода превращать свои авто в подобие боевых машин морской пехоты). Но Джейн вышла и увидела, что...

...левое переднее колесо её автомобиля сплюсилось чуть ли не до самого обода. Покрышка не просто лопнула - она была взрезана, и причина этого тут же стала ясна: на мостовой были густо набросаны скрученные в узлы обрезки железа с торчащими концами, заточенными до бритвенной остроты. Джейн смачно выругалась, глядя на это оружие "уличного терроризма" и на результат его применения, и в ту же секунду по лакированному боку её машины щёлкнул камень.

На противоположной стороне неширокой улицы возле кучи щебня, приготовленного

для дорожных работ, как из-под земли появилась группа смуглокожих подростков. Джейн не разобрала, кто это были - "чиканос"¹⁰, арабы или мулаты, - её охватил ужас при мысли о том, что вот сейчас эти малолетние подонки всем скопом изнасилуют её прямо здесь, на грязном асфальте, возле её собственной машины.

Однако нападавшие, похоже, не имели такого намерения - они просто забрасывали попавшую в их засаду "крутую тачку" и её белую владелицу градом камней из так кстати подвернувшейся кучи. Один из камней больно ударил Джейн в коленку, другие отскакивали от стёкол и капота автомобиля. Каждое попадание сопровождалось замысловатой руганью на разных языках - Джейн разобрала лишь "Так её! Бей белую сучку!". Она втянула голову в плечи и закрыла лицо правым локтем, пытаясь левой рукой нашарить ручку дверцы. И тут раздался вой полицейской сирены.

Увидев приближающуюся машину с мигающим на крыше разноцветным маячком, Джейн испытала невероятное облегчение - ну вот, всё уже позади.

– Сюда! Скорее! Спасите! - закричала она, призывно размахивая обеими руками.

Подростки бросились врассыпную, и в это время брошенный кем-то из них камень - последний! - с дьявольской точностью попал ей прямо в висок. Камни - не пули, Джейн так и отделалась бы испугом да парой царапин-ссадин, если бы не этот острый и увесистый осколок гравия...

...Тело стало вдруг чужим и бессильным, а небо начало быстро-быстро разваливаться на куски. Нет, Джейн не вспомнила всю свою жизнь со всеми её радостями, не вспомнила она и ласки Натаниэля. Последней мыслью, промелькнувшей в её гаснущем сознании, было: "Я не успела сделать в этой жизни что-то очень важное... Кэролайн... Прости меня, моя девочка..."

...Джейн погибла нелепо и глупо, хотя разве внезапная насильственная смерть - да и вообще смерть - бывает умной?

* * *

Виновных не нашли - разве найдёшь в муравейнике именно того муравья, который так больно укусил? Натаниэль выслушивал соболезнования соседей, знакомых и сослуживцев - когда искренние, когда продиктованные правилами приличия, - и молчал: внутри него медленно растекалась, заполняя и затопляя душу, гулкая и немая пустота. Он любил Джейн, любил, несмотря на всю несхожесть их натур, но только сейчас, потеряв жену, понял, насколько он её любил. Ему было больно - нестерпимо больно, так больно, что Нат хотел тут же взять винтовку, отправиться туда, где погибла Джейн, и уложить нескольких первых попавшихся ему на глаза обитателей этого района - независимо от их пола и возраста. Он не сделал этого только потому, что прекрасно понимал полную бессмысленность такого поступка. И у него оставалась Кэролайн - значит, жить ещё стоило.

...Ночь Нат провёл без сна. Он лежал на спине, глядя в потолок невидящими глазами, словно силясь найти там ответ на безответный вопрос: "За что?". Он даже не заметил, как в его комнату проскользнула Кэролайн - Натаниэль понял, что она здесь только тогда, когда девочка прижалась к отцу всем своим худеньким, вздрагивающим от рыданий тельцем. Он гладил её плечи и рыжеватые - точь-в-точь как у Джейн - волосы, пытаясь утешить. Утешить молча - нужных слов у него не было. "Мамочка... - прошептала вдруг Кэролайн, - мамочка...". Впервые дочь назвала так свою холодную и прагматичную мать - назвала тогда, когда её уже не стало...

Через месяц "мама Роза" попросила расчёт.

– Я уже не нужна вам, мистер Бампо, - сказала она, пряча глаза. - Кэрри подросла, и ей уже не нужны мои заботы. А у моей младшей дочери родился четвёртый ребёнок, и она

¹⁰ Чиканос (амер. сленг) - выходцы из Латинской Америки.

просит меня помочь. Я привыкла к вам, мистер Бампо, и к вашей малышке, но... Отпустите меня, мистер Бампо, - я вам больше не нужна.

– Хорошо, миссис Фуэго, - ответил Натаниэль, внимательно глядя на старую добрую женщину, столько лет бывшую для Кэролайн второй (если не первой) матерью. - Но... у вас ведь есть и ещё какая-то причина уйти от нас?

– Да, мистер Бампо, - призналась "мама Роза" после минутной заминки, - есть. Среди наших... - она снова замялась. - Ну, вы понимаете, о ком я говорю... Они начали на меня косо поглядывать - мол, хватит служить белым господам. Нехорошие времена наступают, мистер Бампо, - я не хочу быть тут, когда на улицах начнут стрелять...

– Хорошо, миссис Фуэго, - повторил Нат. - Вы, наверно, по-своему правы. Хотя мне жаль, мама Роза, - мы с Кэролайн так к вам привыкли, особенно Кэрри.

– Храни вас Господь, мистер... Натаниэль, - голос мексиканки дрогнул. - И вас, и вашу девочку. Храни вас Господь! - И с этими слова "мама Роза" по-матерински поцеловала Ната в щёку, покрытую двухдневной щетиной - после гибели Джейн Натаниэль перестал бриться по выходным, когда ему не надо было никуда идти.

От остальной прислуги Нат тоже вскоре отказался - их всех нанимала Джейн, и они напоминали Натаниэлю о ней. Да и не было особой нужды в помощниках - Кэролайн уже сама умело справлялась со всем автоматизированным домашним хозяйством. Она заказывала продукты, которые им привозили прямо на дом, а потом программировала кухонный компьютер, управлявший плитой, микроволновой печью и всеми прочими овощерезками-кофеварками, на приготовление тех или иных блюд. Полы подметал робот-пылесос, стиркой тоже занималась машина. Кэролайн оставалось лишь сменить постельное бельё да протереть пыль в углах, но ни отец, ни дочь - по молчаливому уговору - не дотрагивались до картин, развешенных когда-то Джейн, и до статуэток, расставленных ею. И на этих предметах, помнящих руки ушедшей хозяйки, мало-помалу скапливалась пыль, словно вещи медленно седили...

А потом внезапно умер Бобби. Именно внезапно - пёс был хоть уже и в преклонных годах, однако на здоровье не жаловался и прежней прыти не утратил.

Собака издохла ночью - под дверью комнаты Кэролайн. Почему умный пёс выбрал именно это место для того, чтобы переселиться в лучший мир? Может быть, он чувствовал, что его обожаемая маленькая хозяйка всего через несколько лет навсегда покинет этот дом, и хотел преградить ей дорогу? Кто знает...

Отец и дочь остались вдвоём.

А жизнь - жизнь шла своим чередом.

* * *

Друзей у Бампо не было - понятие "дружба" не очень котирировалось в прагматичном обществе XXI века, однако после гибели жены он сблизился с двумя своими коллегами по работе - с язвительным и сухощавым программистом Ричардом Мэрфи и с финансовым аналитиком Джоном Колдуэллом, флегматичным и добродушным толстяком. Все трое были одногодками, и их судьбы оказались чем-то схожими: Мэрфи развёлся несколько лет назад, а Колдуэлл принадлежал к породе закоренелых холостяков. А разностью натур они, как это нередко случается, только дополняли друг друга. Приятели частенько проводили уик-энды в доме Ната за пивом (с добавлением стаканчика-другого-третьего виски) и за неспешными разговорами о разном. И как-то раз, после того как объёмистая бутылка "Black Label" уже показывала дно, Натаниэль рассказал им о том, как ему хотелось взяться за оружие в чёрный день похорон Джейн.

– Глупости это, Нат, - резюмировал его рассказ Мэрфи. - Чего бы ты добился? Попал бы под суд, и больше ничего! Времена покорения Дикого Запада с его законом мистера Кольта и благородными шерифами прошли давным-давно. Конечно, ты бы в конце концов выкрутился - месть, состояние аффекта, и всё такое, - вот только эти прощелыги-адвокаты

изрядно высосали бы из тебя денег.

— А жаль, что те времена прошли, - задумчиво проговорил Колдуэлл, глотнув пива. - Парни, куда мы катимся? Их, этих браун-скинов¹¹, развелось столько, что патронов не хватит - даже если разрешили бы отстрел.

— Не изображай из себя наследника "Ку-клукс-клана", Кол, - досадливо поморщился программист. - Да, стрелять надо было, но только из другого ружья, и не холостыми патронами, как мы привыкли это делать, а боевыми!

— Не понял тебя, Дик, - поднял бровь финансовый аналитик. - Из какого такого ружья надо было палить направо и налево?

— Из того, что у тебя в штанах, Джон, - невозмутимо ответил Мэрфи. - И ты верно подметил: и направо надо было палить, и налево. Детей надо было делать, вот что, и как можно больше. Посчитай сам - ты же у нас хорошо разбираешься в математике, верно? - если у ста супружеских пар рождается по одному ребёнку, то в следующем поколении детей будет уже не сто, а всего пятьдесят; ещё через одно поколение - только двадцать пять. И это я ещё пренебрегаю погрешностями вроде бездетных пар и убылью людей детородного возраста из-за болезней и несчастных случаев. А дальше сообрази - через сколько поколений на Земле не останется ни одного белого человека? Мода-то на детей у нас прошла уже давно!

"А ведь он прав, чёрт бы меня побрал, прав, - думал Нат, слушая Ричарда. - Что там говорила по поводу детей моя Джейн? И наверняка так думала далеко не она одна - вон он, результат, бегаёт по нашим улицам..."

— Ну, прямо, - проворчал Колдуэлл, - нашёл корень всех бед! Я что ли, должен был рожать этих детей? Иметь или не иметь бэби - тут, как ни крути, последнее слово за женщиной. А мы что? Наше дело несложное...

— То-то ты даже от этого несложного дела отлыниваешь всю жизнь, - съязвил Дик, набулькивая себе в стакан с кубиком льда очередную порцию "скотча". - Феминизм, охрана чести и достоинства женщины от сексуальных домогательств - мы дружно поём это песню вот уже лет пятьдесят. Вот и допелись, и доохранялись, умники! А теперь вступает в действие закон природы - энергично размножающаяся популяция человекообразных животных подавляет и вытесняет другую, пренебрегающую основным инстинктом. Всё очень просто. Да ещё смешанные браки - мы растворяемся в арабах, неграх, китайцах. Их кровь заменяет нашу - пройдёт ещё лет сорок, и на Земле не останется ни одного чистокровного белого, а вместе с нами уйдёт и вся наша культура. Наши женщины охотно ложатся в постели биологических победителей и рожают здоровых метисов - тут чутьё им не отказывает!

— Тебе бы вещать с амвона о наступлении Апокалипсиса, Дик, - не выдержал Нат. - После такой проповеди остаётся только застрелиться! Можно подумать, что белые девушки напрочь пренебрегают белокожими парнями!

— Скажи это своей дочери, Натти, - усмехнулся Мэрфи. - Она у тебя уже большая и наверняка уже посматривает на парней. Нет, ребята, всё будет именно так, как я вам говорю, попомните моё слово! Вы знаете, почему евреи выжили, несмотря на все обрушивавшиеся на их голову гонения и холокосты, а? Я вам скажу - они берегли чистоту крови и трепетно относились к детям. А мы - мы пренебрегли этой древней мудростью. Знаете, почему я развёлся со своей стервой? Нет? Она не хотела иметь детей - видите ли, прибыль не окупает затраченных инвестиций! Конечно, я могу взять себе хоть завтра какую-нибудь филиппинку, которая нарожает мне целую кучу детёнышей, но, - он сделал яростный глоток, - этого не хочу уже я! - И немного помолчав, спросил у хозяина дома, показывая на пустую бутылку. - Слушай, надеюсь, это не последняя боеголовка в твоём арсенале? А то что-то разговор у нас пошёл больно тоскливый...

Разговор действительно оставил в душе Ната неприятный осадок - тем, что доводы

¹¹ От английского словосочетания brown skin - коричневая кожа.

Дика Мэрфи несли в себе какую-то первобытную правду, опровергнуть которую было очень трудно.

* * *

А Кэролайн действительно выросла, как-то незаметно превратившись из угловатой девочки-подростка в красивую девушку, притягивающую мужские взгляды и чувствующую свою привлекательность. Она заканчивала школу, и Натаниэль частенько разрешал Кэрри устраивать в их доме - благо места хватало - молодёжные вечеринки, во время которых по углам обнимались и шушукались парочки. "Ты расправляешь крылышки, малышка, - думал Нат, перехватывая направленные на дочь взгляды её сверстников (и не только сверстников), - только смотри, не обожги их..."

Как-то раз Натаниэль вернулся домой днём - он взял с работы компакт-диск и решил обработать кое-какие данные на своём домашнем компьютере, не без основания полагая, что эта работа затянется далеко за полночь. И был очень удивлён, увидев перед домом изящный электромобиль с шутливой надписью "Carry Carrie!"¹² на борту - эту машину он сам подарил Кэролайн на шестнадцатилетие, чтобы она ездила на нём в школу.

"Почему Кэрри не на занятиях? - подумал Нат, отпирая магнитным ключом входную дверь. - Последний год учёбы, экзамены... Уж не заболела ли она?". Пройдя на кухню и не обнаружив там дочери, он вернулся в холл и уже собирался было окликнуть её - "Где ты есть?" - как вдруг услышал тихий смех, донёсшийся из комнаты Кэролайн.

Натаниэль поднялся по лестнице на второй этаж, по привычке - без стука - распахнул дверь в комнату дочери и остолбенел.

Его маленькая Кэролайн лежала нагишом на смятой постели в обнимку с каким-то смуглым парнишкой, тоже абсолютно голым, - не нужно было иметь высшее образование, чтобы догадаться, чем они тут занимались.

Кэрри вскинулась на звук отворяющейся двери, а её приятель откатился в угол и сжался испуганным зверьком, сверкая блестящими от страха и от не схлынувшего ещё возбуждения глазами.

— Папа?!

— Кэрри... ты... ты... Что ты...

— Я уже большая, папа, - быстро заговорила Кэролайн, ничуть не стесняясь пикантности ситуации и предупреждая зреющую вспышку ярости отца. - А это мой boyfriend, он хороший парень, его зовут...

— Меня не интересует, как его зовут, - в голосе Натаниэля прорезались рычащие нотки. - Он - такой, как он! - убил твою мать! И после этого ты... - Он сделал шаг вперёд. - Я его порву пополам, этого твоего...

— Папа, папа! - Кэролайн соскочила с постели и раскинула руки, загораживая собой замершего от ужаса парня. - Там были арабы, а Редди индус, и то не чистокровный, его мать англичанка, и он...

— Какого чёрта... - прохрипел Нат, натолкнувшись на острые груди дочери. - Ты что, не могла себе найти белого парня? Что у этих браун-скинов, мёдом между ног намазано?! "Боже, что я несу..."

— А среди белых нет нормальных парней! - отрезала Кэрри с неожиданной злостью. "Как она похожа на Джейн - вот тебе и папина дочка...". - Они больше присматриваются к попкам друг друга! У нас в классе половина белых парней - завсегдатаи гей-клуба! А один даже хвастался, что живёт с каким-то старым педиком, и что тот ему ни в чём не отказывает, и что даже машину ему купил! - Кэрри почти тараторила, словно боясь, что отец её перебьёт, не дав договорить до конца. - И что остаётся делать нам, девушкам? Тоже лизать друг друга?

¹² "Carry Carrie!" (англ.) - "Вези Кэрри!"

Нет уж, извини! Мне такая любовь не по нутру!

"Вот тебе и маленькая Кэрри, которую я совсем недавно носил на руках... - смятенно подумал Натаниэль. - Семнадцатилетняя девчонка - и столько цинизма! Хотя нет, это уже не цинизм - это нормальные рассуждения взрослой женщины... Как же быстро ты выросла, моя девочка...". Но вслух он не сказал ничего - резко развернулся и вышел из комнаты, так хлопнув дверь, что жалобно звякнули оконные стёкла...

* * *

После этого случая отец и дочь начали потихоньку отдаляться друг от друга. Нет, теплота осталась, но что-то было утрачено - безвозвратно. Кэролайн пошла своенравностью в мать - она не терпела, когда хоть что-нибудь шло вразрез с её мнением и желаниями. Нат, смирившись, - что ж теперь поделаешь! - предложил дочери: пусть её возлюбленный живёт у них. Этим давно уже никого не удивишь - молодые парни и девчонки уже лет пятьдесят приводят домой своих избранниц или избранников и начинают жить с ними псевдосемейной жизнью на глазах у родителей. Он уже знал, что этот англоиндус - студент университета, хотя где и как они с Кэролайн познакомились, так и осталось для него тайной - дочь упорно отмалчивалась, когда отец пытался осторожно коснуться этой темы. Однако студент - это всё-таки не бездельник из предместья, и если Кэрри его выбрала, значит, он того заслужил. Кэролайн приняла отцовскую логику, но от предложения жить со своим boy-friend'ом под отцовской крышей отказалась. Они продолжали встречаться, и девушка даже приводила своего приятеля к себе, но только тогда, когда была полностью уверена в том, что отца нет дома, и что он не появится в самый неподходящий момент.

Окончив школу, Кэрри поступила в университет - естественно, в тот же, где учился её Редди. Вступительные экзамены она сдала без труда - её не зря считали в школе одной из лучших учениц. Но в отличие от матери, заканчивавшей обучение, когда Нат уже работал в "High Tech Corporation", Кэролайн так и не окончила университет. Через два года она вышла замуж за своего Редди, получившего к этому времени диплом, бросила учёбу и уехала вместе с мужем в Индию - как оказалось, Редьярд Шриванса был сыном крупного промышленного магната и собирался, получив образование в Соединённых Штатах, продолжить отцовское дело у себя на родине.

Свадьбу справляли дома, расставив столы прямо под открытым небом. Приготовлением блюд занималась сама невеста - к удивлению Ната, Кэрри уже очень неплохо разбиралась в индийской национальной кухне и загрузила в кухонный компьютер целый пакет новых и необычных программ. Гостей было несколько десятков человек: приятельницы Кэролайн по школе и университету и сокурсники Редьярда - индийцы. Белых парней было всего двое, и тем не менее праздник, на котором звучала не только протяжная индийская музыка, удался. Было много цветов и улыбок, и возникали стремительные романы - вряд ли кто-нибудь из гостей провёл последовавшую за этим вечером ночь в гордом одиночестве.

Натаниэль искренне пожелал молодым счастья (Кэрри даже всплакнула на плече отца), но после отъезда дочери за два океана он потерял самое дорогое из того, что у него осталось. Они общались, конечно, по видеофону и по электронной почте, но это было уже не то. Через год Кэрри родила сына, затем дочь и ещё одного сына, и регулярно присылала отцу по Сети фотографии и видеофильмы, чтобы стареющий Нат мог видеть, как растут его внуки. И Нат заботливо развешивал по стенам своего кабинета цветные объёмные картины, на которых на фоне пальм и дома из белого камня сидел на зелёной траве сначала один малыш, потом двое, потом трое. А больше всего нравился Натаниэлю снимок, где все трое ребятишек облепили большого чёрного кане корсо, удивительно похожего на Бобби, - как видно, Кэролайн не забыла преданного пса, верного друга её безмятежного детства.

"Интересно, - думал Нат, в который раз разглядывая эту свою любимую фотографию, - а души собак тоже возвращаются? Что там говорит об этом индийская религия? Они тоже

реинкарнируют, как люди? Тогда очень может быть, что этот пёс - наш старый Бобби, снова нашедший свою маленькую хозяйку...". Собака на фото молчала, но в глазах её было такое выражение, как будто она слышит мысли Натаниэля и более того, соглашается с ними. А дети - дети на снимке были смуглыми и темноволосыми...

Кэролайн неоднократно звала отца к себе в гости, но он так и не поехал, сославшись на деловую занятость. На самом деле причина была в другом - в памяти Ната гвоздём засела фраза Ричарда Мэрфи "женщины охотно ложатся в постели биологических победителей", и Натаниэль не смог себя пересилить, хотя ему очень хотелось увидеть своими глазами и дочь, и внуков. И главное - он не мог забыть смерти Джейн. Почему Кэролайн была так уверена в том, что соотечественники её избранника непричастны к трагедии? Ведь виновных так и не нашли! Да и не была Кэрри уверена в своей правоте - ей просто хотелось найти себе оправдание. Джейн всегда поступала именно так: если очень хочется сделать что-то, что окружающие не слишком одобряют, значит, надо найти вескую причину, оправдывающую этот поступок.

Да, его дочь выросла очень похожей на свою мать - и внешне, и по характеру. На ту самую Джейн, которая за четверть века совместной жизни уступила своему мужу всего лишь три раза. Ах, Кэролайн, Кэролайн...

* * *

Флаер не вернулся - вместо него на озере появился экраноплан. Натаниэль узнал о его приближении задолго до того, как серебристая машина выскочила из редящего тумана, - "глаза" работали исправно, - но всё равно экраноплан возник неожиданно: его хищный силуэт словно соткался из белой дымки. "Понятно, - мысленно усмехнулся Нат, - "ищейка" нашла на месте моего дома только дымящуюся чёрную яму да клочья металла, вот они и хотят разобраться, что же там произошло. С воздуха несподручно - надо посмотреть с воды. А потом, когда они не заметят ничего подозрительного, - а они не заметят! - экраноплан выберет местечко, где можно пристать к берегу - не будет же он высаживать стражей в воду, они ведь ножки промочат!".

Нат не ошибся - через десять минут острый нос экраноплана нацелился туда, где на стыке мыса с общей береговой линией был крохотный заливчик, окаймлённый полоской песка. Отрезали отступление - но разве ему, Натти Бампо, есть куда отступать? Натаниэль сжал ствол винтовки, не отрывая глаз от дисплея. "Сколько вас там? - думал он, следя за сигналами "шпиона". - Двое? Нет, трое. Четверо! Ну что ж, давайте, парни, идите... Вы, конечно, в бронекомбинезонах, но это ничего. "Шариата" у меня нет, зато бронебойными пулями с сердечниками из обеднённого урана я всё-таки сумел разжиться. Патронов с такими пулями у меня немного, но вам - вам хватит. И вашу броню они прошивают превосходно - это уже проверено...".

* * *

"Мама Роза" ошиблась - стрелять на улицах не начали, хотя белые американцы, напуганные беспорядками двадцать четвёртого года, активно запасались огнестрельным оружием. Покупали пистолеты, помповые ружья и даже куда более серьёзные игрушки - вплоть до гранатомётов и тяжёлых многоствольных пулемётов. Владельцы оружейных лавок потирали руки, подсчитывая бешеные барыши, а домохозяйки занимались в стрелковых клубах, старательно решая молчаливые мишени. Но до настоящей стрельбы дело так и не дошло - события развивались совсем по-другому.

"Новые варвары" не штурмовали твердыни белой цивилизации, не взламывали таранами неприступные стены, не забрасывали на зубцы башен крючья верёвочных лестниц. Их пригласили внутрь этих крепостей сами их обитатели - пригласили для того, чтобы варвары подметали двор, чистили котлы на кухне, ухаживали за скотом и прислуживали

господам. А потом - потом случилось неизбежное: многочисленные пришельцы заявили о своих претензиях на место под солнцем.

Коренное белое население Америки и всех развитых стран Европы старело. Стариков становилось всё больше и больше, молодых - всё меньше и меньше. По закону всего живого и дышащего старики уходили, уходили рано или поздно, несмотря на все достижения медицины и на увеличение продолжительности срока жизни, и некому было их сменить - у господ было мало детей и ещё меньше внуков, не говоря уже о правнуках.

А рядом бушевал и кипел жизненной энергией совсем другой мир, отличный от сытого и упорядоченного мира белых. Этот мир молодел, ему было уже тесно в своих естественных границах, и молодые, полные сил выходцы из этого мира искали применение своим силам. И находили - в стареющем и дряхлеющем мире белых.

К середине тридцатых политическая карта планеты начала изменяться. Рождался Новый Халифат - арабские страны объединялись. Процессу объединения способствовала экономическая интеграция - единая арабская валюта оказалась ниткой, сшившей отдельные лоскуты веры, обычаев и традиций в общий ковёр сверхдержавы.

Новый Халифат стремительно расширял свои границы. Африканские страны одна за другой входили в его состав - волна катилась с востока на запад и с севера на юг, от Египта до Мавритании и Марокко и от Ливии до Мадагаскара и Южно-Африканской республики. Движение шло и на север - бывшие среднеазиатские республики исчезнувшего Советского Союза становились владениями Нового Халифата. Россия съёживалась до границ XVI века, оскаливаясь клыками ядерных боеголовок в ответ на попытки "новых бедуинов" проверить прочность её рубежей. Однако страсти кипели и внутри России - мусульманские республики - Татарстан, Башкирия, Калмыкия - требовали выхода из состава федерации с тем, чтобы воссоединиться с единоверцами и стать частью Халифата.

Турция легко рассталась с европейскими ценностями, быстро возвращаясь во времена Сулеймана Великолепного и Османской империи, и на Балканах - в который уже раз за долгую историю этим мест - всё туже затягивался узел противоречий. "Возьмут ли новые варвары Рим?" - вопрошали итальянские газеты, а в Испании всерьёз поговаривали о новой Реконкисте, если мавры вновь захватят Кастилию и Арагон. Франция, формально оставаясь президентской республикой, всё больше напоминала восточный эмират, а потомки викингов, селясь оградить свой дом от наплыва пришельцев с востока, ужесточали иммиграционные законы. Проправнуки сипаев появились в британском парламенте, и Шотландия с Ирландией заявили о своём выходе из Соединённого королевства.

А на Дальнем Востоке и в Тихоокеанском регионе во весь голос заявила о себе другая сила. Япония, Китай и Корея образовали Азиатский Союз "жёлтых драконов" - технические достижения Страны Восходящего солнца соединились с неисчерпаемыми человеческими ресурсами Поднебесной империи. Новорождённый Союз, запустив щупальца в Сибирь и вобрав в себя Малайзию с Индокитаем и множество мелких островных государств Тихого океана, энергично проникал в страны Центральной и Южной Америки, используя застарелую неприязнь латиноамериканцев к бледнолицым гринго и прибирая к рукам нефтяные поля Венесуэлы. Индия, Индонезия и Филиппины оказались на границе сфер влияния арабского мира и "жёлтых драконов", и мусульманские сепаратисты играли в этих странах роль мины замедленного действия. И чесали головы меланхоличные австралийцы, размышляя, удастся ли остановить новый самурайский натиск, куда более масштабный, нежели тот, который был отбит в прошлом веке. И что лучше - женщины в парандже на улицах Мельбурна или девушки в кимоно на пляжах Сиднея?

Глобальный процесс набирал силу и в Соединённых Штатах Америки - смуглокожие американцы карабкались вверх по ступеням общественной пирамиды. Им было труднее, нежели их белым собратьям, они встречали сопротивление - когда скрытое, а когда и явное, - однако браун-скины брали упорством и главное - числом. Белой молодёжи было слишком мало, чтобы полностью заменить тех, чьё время истекало; белые старики вынужденно уступали свои места людям с другим цветом кожи, и они становились мэрами городов,

конгрессменами и губернаторами штатов. Работал естественный отбор и закон чисел: если из тысячи человек найдётся сотня энергичных личностей, рвущихся к власти, то среди десяти тысяч таковых наберётся минимум пятьсот, а при прочих равных условиях, обеспечиваемых демократией, - и вся тысяча. А если ещё к тому же на выборах их поддерживают многочисленные единоплеменники... И набирали силу восточные религиозные конфессии, опирающиеся на миллионы и миллионы верующих.

Проникновению выходцев с востока в большой бизнес способствовали арабские нефтяные капиталы - золотой динар уверенно теснил доллар. К тому же кое-кто из старой финансовой элиты, почуявшей, откуда дует ветер, без колебаний переходил на сторону победителей. Динар или доллар - какая, в конце концов, разница? Деньги - они ведь не имеют цвета кожи. А менеджеры среднего звена давно уже "посмуглели" - бизнесмены тоже люди, и они тоже стареют, и они тоже смертны.

Дольше всех удерживали свои позиции военные. Генералы и адмиралы оказывали всемерную поддержку любому мало-мальски перспективному белому, пробивающемуся к заветным большим звёздам на погонах и притормаживали его конкурентов. Но беда в том, что любой генерал когда-то был лейтенантом, а среди выпускников военных училищ всё больше появлялось смуглокожих лейтенантов. И браун-скины становились командирами атомных подводных лодок и авианосцев, ракетных баз и крупных войсковых соединений. А белые ветераны, помнившие "Бурю в пустыне", уходили в отставку, с тоской вспоминая "старые добрые времена".

Мир менялся - изнутри.

* * *

Да, до уличных боёв дело не дошло, но кровь - кровь всё-таки пролилась. По-другому, наверно, и быть не могло.

Их называли эйпиррами¹³. Движение это родилось стихийно, хотя почти наверняка за ним стояли кое-кто из сильных мира сего - из числа тех, для кого перемены означали утрату богатства, власти и влияния. А ряды боевиков пополняли простые обыватели, ошалевшие, напуганные и не понимающие, что происходит - привычная и размеренная жизнь рушилась на глазах, словно подмытый бурным течением обрывистый берег. Страх трансформировался в злобу, в неистовое желание найти того, кто во всём этом виноват, и спросить с него по полной. Люди меньше всего склонны винить в своих бедах и несчастьях самих себя - возложить вину на других всегда легче и удобнее.

Никакой политической - или иной - программы у эйпирров не было. Они следовали примитивному девизу: "Бей цветных, пока они не съели белых!", следовали тупо и яростно. Движение было подавлено в течение нескольких лет, хотя отдельные вспышки расовой ненависти продолжались гораздо дольше. Преступления такого рода против граждан страны в новой Америке рассматривались как преступления против государства, и реакция властей была жёсткой. Главари эйпирров попали на электрический стул (а кое-кому из них, следуя новым веяниям, отрубили головы), уцелевшие рядовые исполнители рассеялись и затаились. Движение эйпирров было обречено изначально, но оно запомнилось целым рядом кровавых побоищ - жестоких и бессмысленных.

— Сограждане! - голос миловидной дикторши-мулатки дрожал от волнения, а в глазах явственно просматривалась тень испуга. - Сегодня, в семь часов утра, мы стали свидетелями нового преступления эйпирров. В одном из пригородов Чикаго...

"Идиоты, - подумал Натаниэль. - Неужели они не понимают, что таким способом ничего не исправишь? Браун-скинов слишком много, и они не замедлят принять ответные меры..."

¹³ Эйпирр - аббревиатура от Adherents of the Pureness of the Race (англ.) - ревнители чистоты расы.

Он сел перед экраном, отставив в сторону чашку с недопитым кофе. Приходя домой, Нат сразу же включал медиа-центр, чтобы быть в курсе новостей - на работе ему было не до этого. Он обычно ужинал, слушая новости, но эта новость заставила его забыть о еде.

На экране стлался чёрный дым, прошитый острыми языками пламени, а голос за кадром комментировал события:

– Группа эйпиров - по предварительным данным, их было около двадцати человек, - ворвалась в этот район на автомашинах. Люди мирно спали в своих жилищах, а нападавшие открыли огонь из гранатомётов. Точное число погибших...

"Этот коттедж сложился от попадания, как карточный домик, - вряд ли хоть кому-то удалось выбраться из-под развалин. И этот тоже, и тот - да, эти парни не жалели зарядов..."

– Но самое страшное произошло потом...

Нат увидел искореженный остов жёлтого школьного автобуса, завалившийся набок.

– Эйпиры подожгли этот автобус - подожгли вместе с детьми. Никто из детей не спасся - уцелевших добивали автоматными очередями...

Дети лежали неподалёку от автобуса, и никто из них не подавал признаков жизни. А затем стали видны согнутые фигуры людей в тёмных комбинезонах, с оружием в руках. Они торопливо залезали в машины, которые, надсадно взревев моторами, исчезали в клубах дыма и пыли.

– Смотрите, вот их лица! Обязанность каждого законопослушного гражданина страны известить власти, если кто-то из этих людей появится...

"Положим, лиц не разобрать, - подумал Нат, когда на экране появилось укрупнённое изображение, - они в масках. Но всё равно - не завидую я этим парням. Теперь их будут травить, как бешеных волков, травить, пока не затравят. Эти снимки сделаны через систему континентального слежения - вряд ли в это время и в этом месте мог оказаться дотошный корреспондент с видеокамерой. После соответствующей компьютерной обработки на основе этих фотографий можно получить портреты нападавших - пусть даже примерные. И тогда... Помнится мне, у нас в "High Tech" работали на этой задаче ещё лет пятнадцать назад. А эту запись, наверно, гоняют целый день - ведь сейчас уже..."

Он посмотрел на большие настенные часы - их когда-то купила Джейн, - и тут запищал сигнал: кто-то стоял у ограды его дома, и этот кто-то явно хотел войти.

Бампо бросил взгляд на миниатюрный монитор камеры внешнего обзора. Да, так и есть - у ворот переминался с ноги на ногу человек, одетый в короткую коричневую кожаную куртку поверх тёмного комбинезона.

Сигнал повторился. Нат выдвинул ящик стола, достал оттуда автоматический пистолет, сунул его за пояс и вышел на улицу. Он шёл по дорожке, ведущей от двери дома к воротам, не спеша - он уже знал, кто там стоит, и ему хотелось подумать, как поступить.

– Брат! - выдохнул человек у ограды, когда Натаниэль подошёл к воротам и включил "привратника" - дисплей, позволяющий гостю и хозяину видеть друг друга и говорить. - Белый брат! Мне нужно пересидеть до утра, пока эти собаки не успокоятся. А утром...

Нат молчал, глядя в глаза эйпира - в безумные глаза, где были перемешаны злоба и страх, - и видел перед собой сначала восковое лицо Джейн в морге, потом смеющуюся Кэролайн в белом платье, с фатой на голове; и снова Джейн, и снова Кэролайн, но уже с детьми, которых он так и не видел никогда в реале. А потом он увидел горящие дома, остов сожжённого школьного автобуса и разбросанные в беспорядке детские тела, разорванные пулями со смещённым центром тяжести, нелепые в уродливых позах смерти, словно сломанные игрушки... Нат молчал бесконечно долго - наверно, целую минуту, - а потом сурово произнёс каким-то чужим голосом, как будто говорил не он, Натаниэль Бампо, руководитель департамента новых разработок "High Tech Corporation", а человек из другого времени или даже из другого мира:

– Я тебе не брат. Уходи. Я не буду прятать в своём доме убийцу детей. Если ты ступил на тропу войны, войю с мужчинами, а не расстреливай из автомата ребятшек. Я всё сказал.

Парень судорожно сглотнул - кадык на его горле дёрнулся вверх-вниз, - повернулся и

побежал вдоль ограды, затравленно озираясь по сторонам. Нат долго смотрел ему вслед, пока фигура в мешковатом комбинезоне не растаяла в сгустившейся темноте.

Но в полицию он звонить не стал.

* * *

"High Tech Corporation" процветала по-прежнему, несмотря на то, что в её штате всё больше было смуглокожих сотрудников, причём отнюдь не только на должностях курьеров или секретарш. Ведь мозги у всех людей устроены одинаково, всё зависит лишь от уровня общего и специального образования, а университеты год за годом выпускали тысячи и тысячи "небелых" выпускников. И они оказывались ничуть не худшими специалистами, чем их белые предшественники, и приносили компании солидную прибыль, зачастую поражая даже ветеранов "High Tech" своими нестандартными техническими решениями. "Ладошки" и "супераккумуляторы" давно появились на рынке, и уже пошли в серийное производство первые пригодные для массового потребителя образцы пищевых синтезаторов.

В тридцать девятом Натаниэль получил новый, сокрушительный удар - совершенно неожиданный и оттого особенно болезненный. В коридорах многоэтажного головного офиса "High Tech Corporation" давно уже циркулировали неясные слухи о каких-то грядущих уже в скором будущем серьёзных переменах, но всё случилось как-то слишком быстро. Сначала почти полностью сменился совет директоров, а однажды утром в кабинете Ната замурлыкал коммуникатор, и вкрадчивый голосок секретарши проворковал:

– Мистер Бампо, вас хочет видеть директор по персоналу господин Аль-Мансур!

"Аль-Мансур? Это что ещё за хрень? А куда девался старина Бойл? - недоумевал Нат, поднимаясь на скоростном лифте на административный этаж. - И что ему от меня надо?"

Аль-Мансур оказался стройным, безукоризненно одетым моложавым арабом. Вежливо предложив Бампо сесть, он без промедления перешёл к делу, явно демонстрируя неплохое знакомство со старой истиной "время - деньги".

– Мистер Бампо, - английский у Аль-Мансура был превосходным, с едва уловимым акцентом, - компания высоко ценит ваш огромный опыт и ваши заслуги. К сожалению, обстоятельства против нас - вы прекрасно знаете, что такое конкурентная борьба. Нас теснят, и мы вынуждены защищаться. В сложившейся ситуации у нас нет другого выхода - нам придётся уменьшить заработную плату большинству служащих "High Tech". Конечно, мы не можем платить вам, - директор по персоналу выдержал короткую паузу, - в вашем прежнем статусе главы департамента новых разработок меньше, чем платили раньше. Это было бы несправедливо, - ещё одна пауза, -...и мы предлагаем вам стать инструктором по подготовке молодых специалистов. Зарплата у вас будет меньше, но и работы тоже будет меньше - гораздо меньше. Да и ответственности тоже будет куда меньше.

– А кто придёт на моё место? - спросил Нат, сохраняя спокойствие. Сотрясать воздух патетическими высказываниями вроде "Я никогда не боялся ответственности!" или задавать идиотский вопрос "Но почему?" было бессмысленно - ясно ведь, что всё уже решено.

– На ваше место, - глаза Аль-Мансура похолодели, - придёт новый перспективный работник. Из Саудовской Аравии - такова политика нового руководства компании. Вам хватит трёх дней на передачу дел?

– Я... могу подумать? - ошеломлённо выдавил Нат.

– Думайте. До завтра, но не больше, - жёстко произнёс Аль-Мансур. - Вам до пенсии ещё несколько лет - вряд ли стоит отказываться от выгодного предложения. Особенно принимая во внимание, - добавил он, глядя в глаза Натаниэлю, - настоящие и будущие перемены. Вы меня понимаете? - закончил директор по персоналу, вставая и давая понять, что аудиенция окончена.

Вернувшись к себе в офис, Бампо отключил внешнюю связь и вышел через свой личный терминал в базу данных своего департамента. Ещё пару лет назад с помощью Мэрфи он создал на одном из жёстких дисков укромный уголок - настолько укромный, что его

объём даже не отображался на диаграмме заполненности диска, а открыть его можно было только еженедельно менявшимся кодом, известным лишь самому Нату. В этот скрытый сектор он записывал свои последние идеи и разработки, касавшиеся маскировочного поля - "шапки-невидимки", как его называли. Введя код доступа, Натаниэль подождал, пока на экране появится запрос на подтверждение, и снова набрал код, изменив в нём всего один из пятнадцати символов. "Неверно! - тут же появилось на экране. - Внимание! Повторная ошибка приведёт к уничтожению массива!". Нат усмехнулся и повторил неверный код. Дело сделано - программа-убийца запущена, и всё то, что Натаниэль сюда записывал, стёрто без возможности восстановления.

Нат отнюдь не обольщался - над "шапкой-невидимкой" работало множество людей, и рано или поздно кто-нибудь из них додумается до того, что уже пришло в голову ему, Нату. Один человек не остановит технический прогресс - наивно на это надеяться. Но как бы то ни было, он, Натаниэль Бампо, не будет помогать новым хозяевам его страны.

А что именно случилось с "High Tech Corporation", Нату этим же вечером разъяснил Колдуэлл - разъяснил предельно доходчиво, несмотря на то, что они на пару осушили целую бутылку виски.

— Нас купили с потрохами, старина, - сказал Джон угрюмо. - Арабский мир сколотил огромные деньги на продаже нефти - настолько большие, что Восток уже не в силах их переварить! Арабы уже давно - где-то с конца прошлого века - активно инвестируют эти деньги в западную экономику, получая на этом бешеные дивиденды. Потом началось долевое участие, а затем и скупка контрольных пакетов акций. Потомки бедуинов наловчились владеть ultimate weapon¹⁴ современности - деньгами - не хуже, чем их предки владели кривыми саблями... Ты не найдёшь сейчас на всём нашем континенте ни одной мало-мальски значащей фирмы, где не был бы задействован арабский капитал! Эр-Рияд заинтересовался нашими разработками, - кстати, и разработками твоего отдела по синтезу пищевой органики, - и решил прибрать всю корпорацию к рукам. Ты представляешь, какие им светят прибыли, если удастся наладить серийный выпуск синтезаторов в промышленных масштабах? А мы с тобой, - Джон горько покачал головой и со щелчком распечатал банку пива, - отработанный материал. Тот, кто тебя сменит, - он ведь выходец из саудовской элиты, так что брыкаться бестолку. Тем более что ты - белый.

— Я не буду учить браун-скинов тому, что знаю и умею сам, - глухо сказал Нат. - Они убили Джейн.

На следующий день Натаниэль подал заявление об увольнении. Его не удерживали, хотя выразили вежливое сожаление. Причитающие ему деньги он получил полностью, до последнего цента, - никто не собирался обманывать его по мелочам и добивать упавшего.

* * *

Целый год Нат ничего не делал, благо за без малого сорок лет работы в "High Tech" его текущий счёт изрядно вырос. Он не знал, куда себя деть, и зачастую просто сидел на кухне, тупо наблюдая, как по оконному стеклу стекают дождевые капли. И одна и та же мысль назойливо стучала в его голове - раз за разом: "Мы проиграли демографическую войну - остаётся только подписать безоговорочную капитуляцию...". "Мы растаяли, как кусочек холодного белого сахара в чашке горячего чёрного кофе..." - думал Натаниэль, размешивая сахар и глядя на поднимающийся над фарфоровой чашкой лёгкий дымок.

Он почти никуда не выходил, покидая свое одинокое жилище только в случае крайней необходимости, а Дик Мэрфи и Джон Колдуэлл навещали его нечасто - у них хватало своих проблем. "Каждый выживает в одиночку" - похоже, это циничное выражение становилось будничным.

¹⁴ Ultimate weapon (англ.) - абсолютное оружие.

Иногда Нат по многолетней привычке возвращался мыслями к работе, размышлял о векторе напряжённости маскировочного поля, о его конфигурации, об эмиттерах и о расходе энергии, но он тут же гнал эти мысли прочь. Всё, с прошлым покончено, и возврата нет.

Однако были и другие мысли, которые Натаниэль анализировал, стараясь довести до логического завершения. Белые проиграли - это факт, но это всего лишь констатация факта. Остаётся ещё вопрос: почему это произошло? Почему энергичная раса, преобразившая мир и достигшая невиданных доселе высот, тянущаяся к звёздам и к тайнам материи, вдруг начала угасать, совершая то, что можно было с полным правом назвать расовым самоубийством?

Нат думал. Времени у него было предостаточно, а привычка думать над той или иной проблемой вошла в плоть и кровь. Освободившись от жесткого ритма, навязываемого всем образом жизни и работой в корпорации, он вдруг получил возможность поразмыслить над темами, которые раньше полагал отвлечёнными, бесполезными, поскольку от них вряд ли можно было ожидать реальной экономической выгоды, исчисленной в денежных единицах.

"Мы жили хорошо, даже очень хорошо - у нас было всё. Мы поднялись на вершину, огляделись и... поняли, что дальше идти некуда, да и незачем. И нам стало тепло и уютно, и мы перестали понимать тех сумасбродов, которые когда-то плыли через бушующие моря, ломались сквозь непролазные джунгли и карабкались по скалам. Хотя нет, мы их понимали - если в конце пути героев ждали груды золота или алмазные россыпи. Тогда да, тогда стоит сворачивать шеи на преградах и в кровь обдирать руки. Но для нас всё это было уже позади - мы шагали по протоптанным дорогам, точнее, мчались по ним на своих роскошных машинах. Нам не надо было ломать голову над тем, как нам жить - рецепт уже приготовлен. Добейся успеха и наслаждайся жизнью - регламентированной и до последней клеточки расчерченной жизнью, где каждому отведено соответствующее место. Нам объясняли, что хорошо и что плохо, что надо кушать и как нужно одеваться, какую машину купить и какую передачу смотреть, какой пастой чистить зубы и за какого кандидата голосовать на выборах. И мы слушались, и следовали предписаниям, и радовались тому, как хорошо всё у нас устроено - мы ведь искренне в это верили. И когда нам говорили, что дети нам не нужны, потому что они сводят с ума своих родителей и мешают им жить, мы тоже этому верили. И мы забыли о том, что любой народ живёт только до тех пор, пока продолжает себя в детях.

Нас приучили к тому, что нам некуда больше стремиться - мы уже всего достигли. А раз так, то зачем заботиться о тех, кто придёт тебе на смену? И мы расслабились... Мы жили для себя - только для себя. Мы начали воспринимать необходимость заботиться о ком-то другом как досадную помеху нашему безмятежному существованию. Мы перестали думать о будущем - зачем, когда есть прекрасное настоящее? Только вот сами ли мы додумались до этого мудрого откровения, или же нам его ненавязчиво подсказали?"

* * *

В сороковом году президентом США стал негр. Это событие никого особо не удивило - в Европе подобное наблюдалось сплошь и рядом. Президентом Франции был араб, премьер-министром Великобритании - индус, канцлером Германии - турок, а на последних президентских выборах в России победил чеченец.

Однако Натаниэля это событие, как ни странно, встряхнуло - он вышел из состояния душевного оцепенения. Просматривая объявления в Сети, Нат обнаружил вакансию, которая пришлась ему по душе - прежде всего потому, что эта работа предполагала минимум общения с людьми. Так Натаниэль Бампо стал рейнджером заповедника Великих Озёр.

Новые обязанности оказались несложными - с ними физически сильный и энергичный мужчина справлялся без всякого труда. Зато теперь он мог часами бродить по лесу и дышать его древними запахами - Нат словно остановился на бегу и с изумлением увидел, что рядом есть другой мир, которого он прежде не замечал в сумятице дел; мир, с которого и началась та Америка, где он родился и вырос. Рейнджерам по штату и по традиции полагалось носить оружие, и Нат быстро выучился метко стрелять, влёт прошибая из винтовки подброшенную

высоко вверх пустую жестянку из-под пива или кока-колы.

А ещё он пристрастился к чтению - и новейших АV-книг¹⁵, и особенно старинных бумажных. Нат и не предполагал, что это занятие может оказаться настолько увлекательным. Долгими вечерами, сидя в своём лесном доме у горящего камина, он перелистывал таинственно шуршащие белые страницы, наполненные мыслями и переживаниями людей, живших до него на маленькой планете по имени Земля. Так он узнал, к своему удивлению, что триста лет назад по этим самым местам бродил его тёзка - охотился на оленей, сражался с кровожадными ирокезами и спасал попавших в беду бледнолицых девиц. "Вот ведь как интересно, - подумал Нат, прочтя книгу, - всё кончается там, откуда начиналось. Как там звали этого последнего из могикан?"

...И оживал лес за стенами дома, и звучали таинственные голоса, и мелькали неясные тени. И холодил ладонь гранёный ствол карабина, и надо было пройти через враждебную тёмную чашу, полную недобрых и зорких глаз, чтобы известить коменданта форта о том, что гуроны вновь вступили на тропу войны, и что нужно быть начеку. И что надо укрыть от случайной стрелы женщин и детей - в первую очередь детей, потому что иначе...

А другая книга - сборник рассказов Джека Лондона, отчаянного парня, жившего сто пятьдесят лет назад, оставила горький осадок. Вернее, горечь вызвала не вся книга, а один из рассказов, называвшийся "Лига стариков" - про старика-индейца, вступившего в неравную и заведомо безнадёжную борьбу с могучей расой белых пришельцев. А больше всего поразила Ната одна фраза, сказанная дюжему полисмену этим стариком, увидевшим хорошенькую белокурую девушку: "Как такие хрупкие скво могут рожать таких сильных мужчин, как ты?". "Знал бы ты, индеец, - с горечью подумал Натаниэль, - что придёт время, и эти скво перестанут рожать воинов... Тебе тогда, наверно, легче было бы умирать..."

* * *

Покидать своё лесное жилище Натаниэль старался как можно реже - особенно после того, как вышел на пенсию. Он делал это только тогда, когда надо было посетить ближайший городок и сделать там необходимые закупки. Кончено, Нат мог бы оформить доставку всего нужного и на дом, но он не хотел, чтобы кто-то нарушал его уединение. Уж лучше самому выбраться на час-полтора в этот чужой мир - тогда, когда ты сам этого захочешь, - чем позволить этому миру стучаться в твою дверь, когда это будет удобнее ему.

И только один раз Натаниэль ночевал в своём старом доме в городе - в последний раз.

...Агент по недвижимости - шустрый метис лет тридцати - не скрывал своей радости. Ещё бы - приобрести такой великолепный дом в прекрасном районе по цене гораздо ниже той, которую он ожидал. Этот бледнолицый старик не стал торговаться, хотя легко мог бы получить процентов на сорок больше, и агент уже прикидывал в уме, сколько он заработает на продаже этого роскошного жилища.

— Вы хотите забрать что-нибудь ценное, сеньор Бампо? - спросил он хозяина - уже бывшего хозяина.

— Нет, сеньор Мендес, - ответил Нат, окинув взглядом холл. "Все действительно для меня ценное, - подумал он, - фотографии Кэрри и внуков, картины и статуэтки - память о моей Джейн, книги - я уже забрал. Это уже не дом - это пустая скорлупа"

— Вот и прекрасно. Распишитесь, - агент зашуршал бумагами, - вот здесь, здесь, и ещё вот тут. Вы как хотите получить деньги - динарами или долларами? Если вы собираетесь хранить их в банке, то особой разницы нет, а вот в магазинах сейчас куда охотнее принимают динары. Зачем терять процент при конвертации, верно?

— Всё равно, - равнодушно бросил Натаниэль - Хотя... Давайте динарами - вот на эту карту, - он протянул агенту пластиковый прямоугольник, - с доступом на всю сумму.

¹⁵ АV-книга - электронная форма книги на аудиовидеоносителе (на диске или на кристалле).

Сеньор Мендес вставил карту в портативный сканер и проворно набрал комбинацию цифр, усердно шевеля при этом своими аккуратными чёрными усиками.

– Готово, - сказал он, возвращая Нату кредитку. - Проверьте, всё ли правильно.

Бампо кивнул, активировал доступ и скользнул глазами по семизначному числу, высветившемуся в окошке банк-сканера.

– Всё верно, - подтвердил он. - Вы знаете свою работу, сеньор Мендес. Набор ключей - от дверей, от ворот, от гаража - возьмите. Если новый владелец захочет сменить коды, то это несложно.

– Да, да, конечно. - Глаза агента поблёскивали - его распирало от удовольствия, и он не мог молчать. - А вы знаете, сеньор Бампо, на ваш дом уже есть покупатель. Бизнесмен-араб - у него три жены и тринадцать детей! Такая большая семья - им нужно много места. А в вашем доме... - но тут Мендес осёкся, заметив выражение глаз Ната. - Извините, сеньор Бампо, я не хотел... Извините...

– Не извиняйтесь, сеньор Мендес, - спокойно произнёс Натаниэль, - я всё понимаю. Могу ли я здесь переночевать? Уже поздно, а мне довольно далеко ехать. А утром я просто захлопну дверь - она запирается автоматически.

– Да, да, конечно, - закивал головой незадачливый агент, кляня себя за то, что коснулся столь щекотливой темы, и явно обрадованный тем, что собеседник не стал её развивать. - Я приеду завтра, часов в десять, не раньше, и вы...

– Я уеду в восемь, - перебил его Нат всё тем же ровным тоном. - Так что прощайте, сеньор Мендес. Вряд ли мы с вами снова увидимся - недвижимости у меня больше нет.

Ночью Натаниэль долго не мог уснуть, думая о том, что этот дом он так и не сумел наполнить детским смехом, и что за него это сделают другие. А дом молчал, и даже призраки прошлого - если они здесь были - безнадежно вязли в толстом слое пыли, скопившемся за долгие годы необитаемости этого жилища.

* * *

Продавец был подчёркнуто вежлив и предупредителен - ещё бы, не часто появляются покупатели, готовые сделать такую крупную покупку. А то, что этот белый - интересно, сколько ему лет? пятьдесят? шестьдесят? семьдесят? - действительно хочет купить пищевой синтезатор, а не просто разглядывает эту занимательную и очень дорогую игрушку, Хасан понял очень быстро. Понял он и то, что этот парень - спец, и что пытаться рассказывать ему сказки о невероятных возможностях синтезатора нет никакого резона.

– Разъём стандартный, а источник можете подключить любой - хоть водородный реактор, хоть аккумулятор. Можете даже подсоединиться к автомобильному генератору - только вот расход топлива... На полфунта еды вы затратите столько бензина, сколько вам хватит на двести миль езды. Куда экономичнее использовать систему "ладошек", тогда...

Нат слушал молча, не перебивая, лишь изредка кивая головой. "Да, они довели наших мастодонтов до кондиции, - думал он, рассматривая изящный блестящий корпус с откидной крышкой. - И вес - первые опытные образцы мы перетаскивали вчетвером, пытаясь от натуги, а этот я легко унесу один - на руках".

– Подробная инструкция, - продавец показал толстенную книжицу, похожую на иллюстрированный журнал, - и набор программ, - он извлёк пачку разноцветных компакт-дисков. - Диапазон исходного органического сырья, пригодного для переработки, не столь обширен, как хотелось бы, но в гарантийное обслуживание входит и модернизация агрегата в течение трёх лет - без дополнительной оплаты. Если, конечно, вы не будете оформлять долгосрочный кредит - в этом случае...

– Я заплачу всё сразу, - прервал его Нат, заметив, как при этих его словах округлились глаза продавца.

– Динарами? - осторожно поинтересовался Хасан. - Хотя, конечно, я приму и доллары, если вам так удобнее.

– Динарами, - усмехнулся Натаниэль. - Меня уже предупредили. Зачем терять процент при конвертации, верно?

От помощи - довольный Хасан вызвался лично донести синтезатор до машины - Нат отказался. Уже уходя, он встретился в дверях с женщиной в тёмном платье и в хиджабе.

– Здравствуй, почтенный Хасан, - певуче произнесла она, лишь мимоходом зацепив взглядом Натаниэля.

– Здравствуй, почтенная Мариам, - приветствовал её продавец, и его улыбка, в отличие от официально-вежливой, с которой он разговаривал с Бампо, была искренней. - Я слышал, твоя средняя дочь уже родила первенца! Это правда?

Что ответила Хасану женщина, Нат не услышал, но когда он уже выходил на улицу, до него донёслось негромкое:

– Эти бывшие ещё попадают на наших улицах. А я думала, они уже все вымерли...

В глазах у Натаниэля потемнело, он скрипнул зубами, но сдержался. Уложив покупку в багажник, он захлопнул заднюю дверцу и тут заметил невдалеке двух смуглокожих детей лет четырёх-пяти - мальчика и девочку. Они с явным любопытством смотрели на... Нет, не на автомобиль - эта древняя колымага их ничуть не заинтересовала. Дети рассматривали блестящими глазёнками самого Ната - с таким видом, словно перед ними появилось вдруг сказочное существо, которое невозможно встретить в обычной жизни.

* * *

За событиями в мире Натаниэль следил, и очень внимательно: в отличие от Ната Бампо XVIII века Нат Бампо века XXI располагал куда более совершенной техникой.

В пятьдесят четвёртом две новые сверхдержавы, оспаривавшие друг у друга власть над изменившимся миром, столкнулись - разразился тихоокеанский кризис. И Натаниэль поймал себя на том, что испытывает чувство, очень похожее на откровенное злорадство - пусть бьют друг друга! Но когда конфликт между Новым Халифатом и Азиатским Союзом вплотную подошёл к той грани, за которой начинается широкомасштабная война, ему стало не по себе. "Неужели всё это, - думал он, следя за скользящей над гладью озера белокрылой чайкой, - и этот лес, и эта птица в один миг может рассыпаться радиоактивным пеплом?". А потом Нат вспомнил о Кэролайн, и его обдало леденящим холодом - если над Индостаном встанут атомные грибы, то у его маленькой Кэрри с детьми (неважно, что они уже выросли) не будет ни единого шанса уцелеть.

Соединённые Штаты, формально оставаясь независимой страной, практически вошли в состав Нового Халифата. Однако активного участия в противостоянии они не принимали - хватало внутренних проблем. Всё тихоокеанское побережье - от Калифорнии до Аляски - было охвачено этническими беспорядками, в которых схлестнулись латиноамериканцы и китайцы из многочисленных диаспор с одной стороны и тёмнокожие мусульмане - с другой. О происходящем по официальным каналам сообщалось глухо и невнятно, хотя дело шло к самой настоящей гражданской войне. Число жертв с обеих сторон исчислялось десятками тысяч, и обоюдная жестокость далеко превзошла ту, с которой действовали двадцать лет назад приснопамятные эйпирры.

В полыхающие штаты восточного побережья Америки были введены отряды наскоро сформированного корпуса "сил поддержания общественного порядка" и правительственные войска. Они именовались миротворцами, хотя частенько превращались в обыкновенных карателей - информационные каналы Азиатского Союза захлёбывались сообщениями о расправах над проживающими на территории "полыхающих штатов" китайцами и японцами. Китайские подводные лодки прорывались к берегам Калифорнии и выплевывали из своих торпедных аппаратов прямо на песчаные пляжи самоходные капсулы-контейнеры с оружием для желтокожих "повстанцев", как их называли в Пекине и Токио, а через мексиканскую границу потоком шло японское военное снаряжение.

Тем временем флот Нового Халифата высадил десант в Индонезии, поддерживая

мусульманских сепаратистов. Горели джунгли, и арабские винтокрылы расстреливали с воздуха джонки и сампаны, переполненные беженцами. Вдоль индо-пакистанской границы разгорелись ожесточённые встречные бои бронетанковых соединений, а сверхзвуковые "джинны" заливали напалмом и забрасывали термобарическими бомбами города Кашмира и Пенджаба. Кровавый "мятеж на Минданао", по терминологии "желтых драконов", - или "восстание", выражаясь языком "новых бедуинов", - был беспощадно подавлен китайскими войсками, и Филиппины вошли в состав Азиатского Союза. Японо-индийская эскадра пресекла попытку высадки отборных частей африканской морской пехоты - "Зулусов Зимбабве" - на Цейлон. На дно пошли сотни кораблей, волны выбрасывали на берег обломки и трупы, акулы обжирались человеческим мясом, и тогда Новый Халифат потянулся к атомной бомбе. На улицах европейских столиц многотысячные толпы под зелёными знамёнами призывали покарать "неверных азиатов", а в России было введено военное положение. И люди, затаив дыхание, смотрели на стереоэкранах домашних медиа-центров переписанные на кристаллы старинные хроники времён Второй Мировой, где были сирены, рушились дома и полосовали чёрное небо узкие белёсые клинки прожекторных лучей - неужели всё это повторится? К счастью, до обмена ядерными ударами дело всё-таки не дошло - враждующие стороны сумели придти к разумному компромиссу.

В результате долгих переговоров Индия сохранила свою независимость, а Индонезия была разделена на два государства. Было принято решение о массовой депортации "лиц азиатской национальности" с территории США - транспортные корабли Азиатского Союза перевозили вынужденных эмигрантов в Южную Америку в течение трёх лет. В качестве компенсации США передали Японии Гавайские острова - через сто с лишним лет после Пёрл-Харбора над Оаху и Мидуэем поднялись флаги Страны Восходящего солнца.

Конфликт затих, оставив тлеющие искры, угрожавшие новой вспышкой. А рейнджер заповедника Великих озёр Натаниэль Бампо испытал новую утрату: в бою у берегов Шри-Ланки получил прямое ракетное попадание и затонул со всем экипажем фрегат индийских военно-морских сил "Бенгал", на котором служил сублейтенант Джонатан Шриванса - его старший внук.

* * *

Кэрлайн связалась с отцом по Сети. Это было не так просто - несмотря на мирный договор между Новым Халифатом и Азиатским Союзом и на прекращение военных действий в районе Тихого океана, Индия отныне считалась врагом Соединённых Штатов, и частные контакты граждан США с этим врагом пресекались. Кэрри плакала, и Нат заметил, как она сразу постарела - а ведь ей не было ещё и пятидесяти. Она сказала отцу, что двое других её детей, Лакшми и Радж, живы и здоровы, и что их дом не попал в зону бомбёжек. А ещё она сказала, что Лакшми уже замужем, и что скоро у Натаниэля будет правнук. И это немного утешило старого Бампо - жизнь продолжается. Но этот сетевой разговор отца с дочерью оказался последним - провайдеры блокировали связь с "враждебной державой".

Натаниэль остался совсем один.

А в шестьдесят седьмом году начались волнения на Аляске. Сеть переполнял поток противоречивых сообщений, разобраться в которых было не так просто. И только сравнивая новости из разных источников и отменяя бред о "сумасшедшем бледнолицем генерале", якобы угрожавшем запуском ракет с кассетными водородными боеголовками из шахт на Аляске чуть ли не по всем крупным городам планеты, Натаниэль смог составить более-менее чёткую картину происходящего.

Этот конфликт назревал давно. Немногочисленное население Аляски сумело сохранить прежний этнический состав - суровые условия севера не слишком нравились выходцам из жарких стран. И спаянные теми же суровыми условиями белые жители этого края не забыли чувство локтя и простую истину "любой народ живёт до тех пор, пока продолжает себя". До поры до времени аляскинцы так и жили особняком, но когда дело дошло до принудительной

исламизации, они воспротивились.

Командующий ракетными войсками на Аляске генерал Юджин Уайт поднял мятеж. Строго говоря, мятежом это выступление можно было назвать разве что с юридическо-казуистической точки зрения, поскольку генерала поддержало практически всё население штата. Жертв почти не было - двое оказавших сопротивление при аресте и застреленных на месте офицеров-браун-скинов не в счёт, - однако в Вашингтоне на эти события реагировали очень болезненно. Правительственные радикалы потребовали направить к берегам Аляски соединения боевых кораблей и немедленно подавить "мятеж сепаратистов" силой. Ситуация явно накалялась, но "сумасшедший бледнолицый генерал" оказался не так прост.

Аляска заявила о своём суверенитете, в считанные часы провела референдум, а затем и президентские выборы, на которых Юджин Уайт одержал безоговорочную победу, став таким образом легитимным президентом новорождённой республики. После этого он тут же обратился к лидерам Азиатского Союза с просьбой защитить его страну от агрессии в обмен на долгосрочные концессии по разработке аляскинских полезных ископаемых. "Жёлтые драконы" плотоядно облизнулись, оскалили зубы, и японские тяжёлые ракетные крейсера преградили дорогу торопившимся к Анкориджу и Кадьяку американским авианосцам и десантным судам. Ко всему прочему, независимая Республика Аляска располагала ядерным оружием - ракетные базы были созданы там ещё сто лет назад - и недвусмысленно дала понять, что применит его, если её не оставят в покое. Тем не менее, Аляска стала новым яблоком раздора, вокруг которого сошлись интересы самых могущественных сил планеты - к границе Канады с Аляской шли колонны американской бронетехники, над арктическими льдами сменяли друг друга самолёты, оснащённые крылатыми ракетами, а возле Алеутских островов скользили в тёмной глубине Тихого океана обтекаемые тела атомных субмарин.

Из всего этого Натаниэль сделал очевидный вывод - вся эта история непременно коснётся и его самого, отсидеться в сторонке, как в прошлый раз, не удастся. Конфликт имел ярко выраженный религиозно-расовый характер, причём между браун-скинами и белыми, а значит... Значит, новые хозяева новой Америки будут "зачищать тылы" - обязательно будут.

И Нат снова почувствовал неприятный холодок в спине - знакомое, хоть и забытое ощущение. Ну да, конечно, - он уже дважды чувствовал этот холодок: первый раз в Париже, в двухтысячном году, а второй раз - в две тысячи двадцать втором, возле школы, в которой училась Кэрри.

И старый Бампо начал готовиться к неизбежному, несмотря на то, что здравый смысл подсказывал ему - любое сопротивление заведомо безнадежно.

* * *

Нат истратил все свои сбережения - зачем они ему теперь? - но не сумел бы сделать и десятой доли задуманного, если бы не помощь Мэрфи. Натаниэлю удалось разыскать его по Сети, и Ричард искренне обрадовался вызову старого друга. Они не виделись четверть века, с того времени, как Натаниэль подался в рейнджеры, но Дик не забыл Ната.

А вот с Колдуэллом связаться не удалось. На вызовы он не отвечал, и Натаниэль так и не узнал, что с ним случилось - уехал ли Джон куда-то очень далеко или, скорее всего, уже переселился в лучший мир.

Мэрфи прибыл на невзрачном старом грузовичке, доверху набитом разнокалиберными ящиками и коробками - Нат в общих чертах рассказал ему, что от него требуется. Ричард стал совершенно седым и как-то усох, сделавшись похожим на старого воробья. Но этот воробей всё ещё хорохорился - его движения не утратили знакомой Нату порывистости, и глаза Дика Мэрфи всё так же вызывающе-колюче смотрели на мир из-под поредевших седых бровей.

Заметив удивление во взгляде Натаниэля, когда тот увидел допотопное транспортное средство, Мэрфи только усмехнулся.

— Так надёжней, Натти, и безопаснее, - объяснил он, - меньше привлекает внимание.

Было бы как-то не с руки, если бы стражи вдруг заинтересовались моей машиной да хорошенько порылись в содержимом её кузова. Хотя браун-скинов и не очень волнует моя скромная персона, но всё-таки... А так - старый чудаковатый бледнолицый отправился в гости к приятелю на древнем драндулете, на котором они когда-то вместе возили девчонок на пикники, - ну и пусть себе прослезятся, вспоминая былое!

— Так ведь и рыться-то не обязательно, - возразил ему Нат, - можно и через систему континентального слежения посмотреть. Она сейчас, я так думаю, куда совершеннее, чем тридцать лет назад.

— А вот на этот случай, - снова ухмыльнулся Дик, - у меня кое-что имеется. - Он извлёк из нагрудного кармана куртки небольшой цилиндрок, подбросил его и ловко поймал. - Кнопка от складного "зонтика" - блок управления портативным генератором локального маскировочного поля. "Глаз Бога" узрел бы только коробки с пивом да пакеты с едой, что стоят сверху. Ну, об этом мы с тобой ещё поговорим - тебе ведь, как я понял, это и нужно. Соберём тебе такую же "шапку-невидимку", соберём - только помощнее. Пойдём-ка в дом, старина, опрокинем по стаканчику да побеседуем.

Насчёт "скромной персоны" Ричард явно преувеличивал - это Нат быстро уяснил. Мэрфи сумел устроиться - и неплохо - при "новом порядке" благодаря своему таланту хакера высочайшего класса. Конечно, специалистов обучают, и незаменимых людей нет, но истинные таланты - в любых областях - попадают крайне редко, и их ценят. И Дика ценили - он даже получил статус "гражданина вне подозрений", и это несмотря на белый цвет кожи. А когда приятели разгрузили машину, Натаниэль понял, что две трети того, что находилось в кузове, он сам не купил бы нигде и ни за какие деньги - связям Мэрфи можно было только позавидовать. Нат рассчитался с другом, перебросив через банк-сканер деньги со своего счёта на его счёт, и Ричард не отказывался.

— Деньги как были деньгами, так ими и остались, - сказал он, пряча пластиковую карту, - в этой стране они по-прежнему решают всё. Но вот это, - и он протянул Натаниэлю увесистый металлический ящичек, - подарок. Бронебойные патроны к "М-16" - сто штук. Из экспериментальной серии. Пришлось потревожить коллекционеров и музейных крыс - они тоже любят деньги. Правда, "шариат" я тебе так и не достал - уж не взыщи.

...Они работали неделю, работали как одержимые, прерываясь только для того, чтобы наскоро перекусить и поспать часов пять-шесть. Маленький Дик оказался двужилым - не обиженный здоровьем Нат не переставал удивляться кипучей энергии своего друга.

Они собрали из привезённых Мэрфи комплектующих дополнительную энергосистему миниатюрных солнечных батарей - "ладошек Мэгги" девятого поколения, - смонтировали эмиттер маскирующего поля и всю периферию следящего устройства - "шпиона". А потом Ричард долго возился с программным обеспечением, изредка бормоча под нос замысловатые ругательства, вышедшие из обихода лет двадцать тому назад.

Закончив, друзья уселись за стол и потихоньку осушили бутылку "Black Label" - совсем как в старые добрые времена, - закусывая ломтиками искусственного бекона, вышедшими из утробы синтезатора. Правда, пили осторожно, не мешая виски с пивом, - всё-таки им обоим было уже очень хорошо за восемьдесят, а не пятьдесят, как когда-то. И выпив, Ричард не повеселел, а сник, и в глазах его появилось грустное выражение.

— Наша жизнь кончилась, Натти, - негромко произнёс он, глядя в огонь камина, - и наша, и нашего народа. Здесь теперь совсем другая страна - не та, которую мы с тобой так хорошо знали. И люди - люди тоже другие. Нет, они не гонят нас, как паршивых собак, - пока не гонят, - но мы здесь чужие. И мы, последние из бледнолицых, потихоньку уходим, уходим один за другим. И никто не замечает нашего ухода...

— Оставь, Дик, - попытался ободрить его Натаниэль, - ты же сам сказал - деньги по-прежнему решают всё в этой стране. Неужели у тебя не хватает долларов, то есть, тьфу, динаров, чтобы обеспечить себе пожизненные услуги опытной сиделки?

— А ты знаешь, как это выглядит, а, Нат? - Дик посмотрел на друга, и Бампо поразила тоска, до краёв затопившая взгляд бойкого "старого воробья". - Да, конечно, эта сиделка

добросовестно выполняет свои обязанности - она меняет бельё, она моет тебя, и она будет сидеть рядом с тобой, пока твоё сердце не перестанет биться. И сиделка отметит - отметит равнодушно и холодно, что лучик на дисплее медицинского компьютера больше не пляшет.

— А не всё ли тебе равно, что она подумает в этот миг? - спросил Натаниэль, положив свою тяжёлую ладонь на худое плечо друга. - Тебе-то - не всё ли равно?

— Нет, Натти, нет, - возразил бывший ведущий программист "High Tech Corporation" с неожиданной горячностью, - мне не всё равно! Провожать стариков без грусти - это как зачинать детей без любви. У браун-скинов мудро устроено - они уважают своих стариков, уважают - и дети, и внуки, и правнуки. И старики уходят легко, потому что знают - их есть кому вспомнить. А мы - мы не бросили в землю семя, и теперь позади нас не поле с цветами, а голая пустыня, закиданная использованными презервативами. Так-то, Натти...

* * *

Они расстались на следующий день - расстались навсегда, это чувствовали оба.

— Бросил бы ты эту свою затею, а? - сказал Ричард на прощанье. - Глупость всё это. Кому и что ты докажешь?

— А ты можешь помочь мне перебраться на Аляску? - спросил его Натаниэль вместо ответа. - Можешь или нет?

— Нет, старина, этого я не могу, - чуть виновато произнёс Мэрфи и развёл руками, - туда сейчас и скунс не проскользнёт. А идти официальным путём... - он безнадежно покачал головой. - Это совсем глухо. А браун-скины совсем взбесились: их там вдоль границы - как муравьёв в муравейнике. Новый Халифат вот-вот объявит джихад Республике Аляска, и наши, конечно, тоже в стороне не останутся.

— У аляскинцев есть атомные бомбы, - медленно проговорил Нат. - И Азиатский Союз - они ведь тоже решительно настроены. Это всё может очень плохо кончиться, Дик.

— Может, - согласился Дик. - Ещё как может, Натти. Но на Аляску тебе не попасть.

И Нат знал, что Мэрфи прав, и не переоценивал свои силы. Он, Натаниэль Бампо, далеко уже не юноша - ему не прорваться через канадские леса, кишящие солдатами, тем более что в приграничной полосе, насквозь просматриваемой самыми современными техническими средствами, он будет выглядеть "белой вороной" - в прямом смысле этого слова. "И почему я не спохватился раньше? - подумал Нат, когда раритетный грузовичок Мэрфи исчез за поворотом дороги. - Лень было оторвать задницу от уютного кресла. Ждал-ждал, и дождался! А теперь уже поздно сожалеть..."

И он не сожалел - он работал. На мысе Натаниэль вырыл себе убежище - с помощью парочки механических землероек-киберов, тоже доставленных Мэрфи, - на дом надежды не было. Землеройки оказались великолепными машинами - Нат загрузил в их управляющие микрокомпьютеры программы с объёмной моделью будущего подземелья, и киберы врылись в податливый мягкий грунт. Они работали безостановочно, расширяя и углубляя каверну, прокладывая подземные ходы и утрамбовывая стены и пол. Машины работали посменно - пока одна трудилась, другая подзаряжалась - сотни "ладошек" с лихвой обеспечивали землероек энергией. Нату оставалось только следить за подзарядкой да за маскировочным полем, которое он активировал сразу же, как только начал строить убежище. Попутно он разобрался с системой "шпиона" и проверил в работе "ведьмин пояс" - носимое, точнее, надеваемое устройство, стирающее следы. Примятая трава распрямлялась, и опечатки ног разглаживались - мощное узконаправленное поле "ведьминого пояса" восстанавливало структуру почвы. Правда, "пояс" был очень прожорлив, но энергии у Ната хватало. Да и не собирался он бегать кругами по лесу, сбивая со следа свору собак, - ему надо будет пройти от дома к озеру всего один раз, не оставив при этом никаких следов.

Убежище было готово за шесть дней. "Я словно Господь Бог, - подумал Нат, оглядывая стены своего нового - и судя по всему, последнего - жилища, - который создал мир за шесть дней. Правда, мирок это несколько тесноват, но ничего - один я тут как-нибудь помешусь".

Натаниэль перенёс в подземелье пищевой синтезатор (благо пригодной для переработки растительной органики тут имелось вдоволь), центральный энергоблок (сами "ладошки" солнечных батарей последних моделей были почти неотличимы от широких листьев) и вообще всё самое ценное, в том числе и книги. Убежище станет ему домом на весь остаток жизни - Натти Бампо надеялся встретить здесь свой девяностый день рождения, до которого осталось совсем немного.

* * *

...Он чуть-чуть не успел всё закончить - оставалось лишь запустить таймер-детонатор и уйти, навсегда простившись с домом, в котором он прожил столько лет, - гости прибыли раньше.

Они приехали под вечер на слайдере-амфибии - территорию заповедника пересекало прекрасное шоссе, пригодное и для колесных автомашин, и для этих новомодных штучек. Приехали вдвоём на трёхместке - третье место, как потом понял Нат, предназначалось ему, Натаниэлю Бампо.

Он был в это время в доме, в последний раз оглядывая стены своего жилища, и не сразу понял, что означает басовитое урчание за дверью - не понял потому, наверно, что не хотел верить очевидному: за ним приехали. Секунду помедлив, он тяжело вздохнул, отложил в сторону пульт дистанционного управления таймером, открыл дверь и шагнул за порог. Со своей антикварной "М-16" Нат не расставался - он ведь всё ещё числился рейнджером, имел право носить это оружие, и винтовка всегда висела у него на плече.

Каплевидный слайдер убрал воздушную подушку и сел, примяв сочную зелёную траву. Обе его дверцы поднялись вверх, словно надкрылья гигантского жука, из машины вылезли двое в бронекомбинезонах - в боевой форме сил поддержания общественного порядка - и пошли к нему. Скорее всего, эти молодые парни, годящиеся Натаниэлю в правнуки, не испытывали к нему лично никакой неприязни - они просто выполняли приказ. К тому же они не ждали никаких неожиданностей от этого замшелого осколка прошлого, и поэтому их короткоствольные "рашиды" не были взяты наизготовку, а тонированные забрала шлемов остались поднятыми.

— Гражданин Натаниэль Бампо, рейнджер заповедника Великих озёр? - осведомился один из них, со значком сержанта, остановившись в шаге от Ната.

Нат молча кивнул, разглядывая лицо сержанта - смуглое ("Браун-скин - а ты что, ожидал увидеть белого?"), с тонкими правильными чертами и красивыми чёрными глазами.

— Тогда прослушайте предписание, - вежливо, но твёрдо произнёс сержант, вынул из кармашка на поясе небольшую чёрную коробочку и вставил в неё прозрачный пластиковый диск.

— Внимание и повиновение, - эмоций в механическом голосе было не больше, чем в ящике с гвоздями. - Повелением верховного муфтия североамериканского континента - да продлит Аллах его дни! - вам надлежит...

Что именно надлежит, Нат понял сразу. Его направляли в RRR - резервацию расовых реликтов, нечто среднее между зоопарком и хосписом, где Нату предстояло окончить свои дни. "Если бы не угроза войны с белой Аляской, меня бы не тронули, - с тоской подумал Натаниэль, - но теперь власти хотят обезопасить себя от любых случайностей..."

— Сдайте оружие! - сурово сказал сержант, протягивая руку. - И не беспокойтесь - ваша собственность не пострадает. Мы оценим стоимость всего вашего имущества, и все средства будут переведены на ваш счёт, которым вы будете пользоваться в резервации.

Второй страж тем временем настроил портативный сканер-оценщик и направил его на дом, чуть шевеля губами при виде замелькавших на дисплее прибора цифр и символов. Да, парни знали свои обязанности и не теряли времени зря. Но одну большую ошибку они всё-таки сделали, опрометчиво сочтя Натаниэля дряхлым и никчёмным стариком.

Нат медленно снял с плеча винтовку, взял её за верхнюю скобу, и...

Он даже не осознал, как и почему его тело вдруг - само! - выполнило единственное нужное движение, как будто он, Натаниэль Бампо, всю жизнь прослужил в "коммандос" и ничем другим не занимался. Или это проснулась генная память, впитавшая в себя навыки поколений воинственных предков? Или распрямилась пружина, которую сжимали годами?

Перехватив винтовку второй рукой, Нат со страшной силой ударил прикладом в лицо сержанта - в молодое смуглое лицо с тонкими правильными чертами и красивыми чёрными глазами. Сержант рухнул как подкошенный, второй браун-скин уронил сканер и схватился за парализатор, но щёлкнул выстрел, и в нагруднике стража появилась аккуратная чёрная дырочка - как раз напротив сердца.

Третьим движением Нат повернулся к упавшему, секунду смотрел, как тот, давясь осколками выбитых зубов и захлёбываясь кровью, силится дотянуться до тревожной кнопки, и выстрелил вторично.

"Хорошо, что я догадался зарядить свою старушку бронебойными, - отрешённо думал старый рейнджер, глядя на мёртвые тела. - А ведь эти парни ни в чём не виноваты - во всём виноваты мы сами; мы, упустившие подаренное нам судьбой... А этим - этим просто не повезло: приедь они на полчаса позже, остались бы живы".

Потом он загнал слайдер в примыкавший к дому гараж, затащил туда же убитых, зашёл в своё обречённое жилище и запустил таймер. Уходя, он аккуратно - как будто это имело какое-то значение - закрыл за собой дверь и зашагал в лес. Натаниэль не оглянулся ни разу - даже тогда, когда земля под его ногами вздрогнула. Он не поскупился, минировав свой дом, - такое количество взрывчатки превратило бы в груды щебня многоэтажное бетонное здание. Нат был уверен: и бунгало, и гараж, и амфибию, и тела стражей разметало так, что теперь даже не установить, сколько именно людей погибло при взрыве.

* * *

Неподалёку чуть слышно хрустнула ветка. На дисплее "шпиона" прорисовался белёсый призрачный силуэт. Страж - один из тех, что прибыли на экраноплане. Идёт сюда - уверенно и спокойно, не скрываясь. А чего ему опасаться? Он идёт по своей земле - разве может кто-нибудь стать на его пути? Нат невидим - точнее, дистанционно необнаружим поисковыми приборами, - но когда страж наткнётся на него, в ход пойдёт древнейший инструмент, имеющийся у любого здорового человека: обыкновенное зрение. Браун-скин просто увидит Натаниэля Бампо - без всяких ухищрений.

Люк под ногами, активатор - на поясе. Стоит старому рейнджеру коснуться пальцем сенсорной кнопки, и он бесшумно и стремительно скользнёт вниз, и крышка люка тут же закроется над его головой. На крышке слой земли в полтора ярда, с травой и молодыми побегами деревьев, идеально совпадающий с окружающей почвой, - не зная, что здесь что-то есть, страж равнодушно пройдёт мимо. А Нат укроется в убежище - в обширной каверне со сложной системой ходов, тянущихся на десятки метров. Он затаится там, невидимый и неслышимый, чутко следя "глазами" "шпиона" за всем происходящим наверху. А страж вернётся к своим и доложит - так, мол, и так, ничего не обнаружено. И другие браун-скины не найдут ровным счётом ничего - они осмотрят громадную воронку, оставшуюся на месте бунгало рейнджера, и изложат начальству вполне правдоподобную версию случившегося - старый свихнувшийся бледнолицый взорвал свой дом и себя вместе с ним. К сожалению, при взрыве погибли и двое бойцов сил поддержания общественного порядка - на то воля Аллаха! И анализ подтвердит наличие микрочастиц органики - следов распылённых вихрем взрыва человеческих тел. А проверка записей системы континентального слежения ничего не даст - дом был под "зонтиком", а к моменту взрыва Нат уже вошёл в зону действия эмиттера маскировочного поля убежища, и "ведьмин пояс" затёр все следы.

На этом всё и кончится, а Натаниэль Бампо останется жить под землёй. На здоровье он не жалуется и сможет протянуть ещё долго - синтезатор пищи надёжен, а "ладошки" обеспечат его энергией и для "шапки-невидимки", и для повседневных нужд. Да, последний

бледнолицый в окрестностях Великих озёр наверняка - особенно если не будет лишний раз пользоваться Сетью - доживёт до того часа, когда у него не хватит сил открыть выход и выйти наружу, чтобы в последний раз взглянуть на солнечный свет. Он будет тянуться немеющими пальцами к активатору, тянуться - и не дотянется. И подземная нора, заботливо выстроенное им самим убежище, станет его могилой.

Правда, есть и другой вариант - принять бой. Браун-скины ещё ничего не подозревают, и он сможет перестрелять их всех поодиночке. А если постараться, то можно отправить на дно и экраноплан, имитировав, например, взрыв пошедшего вразнос двигателя. Но даже если удастся проделать всё это незаметно - что очень и очень проблематично, стражи наверняка поддерживают непрерывную двустороннюю связь со своим штабом, - покоя уже не будет. Два странных несчастных случая подряд - это многовато для простой случайности. Браун-скины вернутся - и уже не вчетвером. Они буквально перероют весь этот участок, и тогда...

Высокая фигура в бронекомбинезоне появилась в двадцати шагах от Ната из-за ствола старого дуба, помнящего, наверно, ещё боевые кличи краснокожих воинов. Тёмное забрало шлема опущено - страж похож на оживлённую злыми чарами безликую статую, ломящуюся сквозь кустарник. Натаниэль Бампо глубоко вздохнул, поднял винтовку, прицелился чуть ниже и правее нижнего края забрала и плавно нажал на спуск.

...Вспугнутая звуком выстрела пичуга сорвалась с вершины высокого дерева, описала в воздухе круг, суматошно трепеща короткими крылышками, и вернулась обратно. В гнезде её ждали голодные птенцы, и их надо было кормить. И это было для неё самым главным.

Санкт-Петербург, весна 2006 года

Последний алхимик

"Всё моё", - сказала злато;

"Всё моё", - сказал булат.

"Всё куплю!", - сказала злато;

"Всё возьму!", - сказал булат.

А. С. Пушкин. "Золото и булат", перевод анонимной французской эпиграммы.

— Хо-хо, благородный сэра! Да на этом огне, - и граф Гай Карнарвон, хозяин замка, небрежным жестом указал на пламя, пляшущее в громадном камине, - можно зажарить не только кабана, но и дракона, да! Целиком!

Веселье в пиршественном зале дошло уже до той буйной стадии, когда присутствие высокородных дам сделалось несколько обременительным - как для пирующих, так и для самих дам. Тонкие заморские вина уступили место грубому ячменному пиву, и выпитое в огромном количестве спиртное смыло тонкий налёт куртуазности с гостей графа. Сэр Гай умел не терять головы ни в яростной сече, ни в гульбе и взглядом посоветовал своей дочери

леди Вивьен удалиться. Он искренне любил её и не хотел огорчать, но вместе с тем не желал и доставлять неудовольствие гостям, только-только входящим во вкус настоящего разгула.

– Дракона? - живо отозвался барон Бургиньон, ловко разделявая боевым кинжалом жареное мясо. - Где же вы возьмёте дракона, благородный сэр? Они все давным-давно вымерли!

– Вы уверены? - усмехнулся хозяин, жестом приказывая слуге наполнить чашу. Он убрал из зала и всех служанок, оставив только слуг. Граф ценил женскую красоту и берёг своих девушек - совсем ни к чему, чтобы им начали задира́ть юбки прямо на деревянных скамейках. Если кто из гостей ещё сохранит к концу пира силы и желание насладиться трепетным женским телом - что ж, щедрый хозяин угостит их и этим деликатесом, но только не здесь, а на ложах гостевых комнат. А тут, в зале, на каменных плитах пола, бедняжек и покалечить недолго...

– Уверен ли я? Г-хм... умф... - барон шумно отхлебнул. - Драконов нет! Неужели благородный Гай Карнарвон верит в эти крестьянские сказки? - Бургиньон откинул голову и гулко захохотал; по его подбородку стекала струйка пива, смешанная с мясным жиром.

– Благородный Гай Карнарвон, - в голосе графа лязгнула сталь, - не бросает слов на ветер. Хотите удостовериться? Пожалуйста! В северных горах, на границе моего лена и дикой пустоши, живут самые настоящие драконы - или, по крайней мере, один. Эта тварь обитает в глубокой пещере - стережёт золото, накопленное за тысячелетия. Дракон редко выбирается наружу - поохотиться на горных коз или испить воды из водопада, - но его видели там в прошлое полнолуние. Он огромен и страшен - пастухи тряслись, рассказывая о чудовищном виде этого монстра...

– Золото? - переспросил сэр Анри, пропуская мимо ушей сентенцию о кошмарном облике чудовища. - И... много там золота? - В кабанных глазках барона блеснул жадный огонёк.

– Много. Очень много.

– Но если в драконьей пещере действительно много золота, то почему же тогда вы, благородный сэр, до сих пор не отобрали это золото у чудовища своим славным мечом? Ваша отвага известна всем - о ваших подвигах поют менестрели!

– Да, я ничего не боюсь, - граф принял грубую лесть барона как должное, - из того, что можно одолеть простой честной сталью. Однако есть легенда, что это золото проклято - его можно взять силой, омыв драконьей кровью, но... Этот дьявольский металл, если верить легенде, отравит все будущие поколения нашего мира и будет жадно и ненасытно требовать крови - человеческой крови.

– Сэр Карнарвон, - барон чуть покачнулся и опёрся локтем о стол, угодив в блюдо с объедками, - золото - это всё! Мы отправляемся за тридевять земель, в холодные моря, в жаркие пустыни и в густые леса за этим благословенным металлом, и нас ничто не может остановить! А кровь, досточтимый граф, - она дешевле вот этого доброго пива! - Бургиньон опрокинул в рот объёмистый кубок, утёрся рукавом и рыгнул. - Я готов мчаться за этим золотом хоть сейчас! Это достойно рыцаря, и любой из них, - барон обвёл пьяным взором пирующих, - тотчас же, я уверен, поскачет с нами! Ведите нас, благородный сэр Гай!

Если бы граф был трезв, он обернул бы всё в шутку - зачем куда-то нестись, когда пир в самом разгаре, в погребах замка ещё очень много вина и пива, а кладовые ломятся от снеди. Однако винные пары уже затуманили разум Гая Карнарводна, к тому же в словах Анри Бургиньона он почувствовал некий намёк на свою нерешительность. Намёк был неявный - в противном случае дело кончилось бы поединком, - но он был, и это подействовало на сэра Гая как шпоры на горячего скакуна.

– Благородные сэры! - звучный голос графа Карнарводна, перекрывавший звон мечей и ржание коней в разгар битвы, разнёсся под сводами пиршественного зала. - Я призываю вас к подвигу! А потом - потом мы вернёмся, и будем пировать, пока в моём замке есть хоть капля вина! В северных горах, в тёмной пещере...

Полупьяные гости быстро уловили, о чём идёт речь. О драконах слышали все, хотя не

все верили в их существование. Но вот о золоте они знали, и очень хорошо знали. Сэра Гая уважали за многие качества, к числу которых относилась и честность, - никому и в голову не пришло усомниться в словах хозяина гостеприимного замка.

Не прошло и получаса, как из ворот, прогрехотав копытами по деревянному настилу подъёмного моста, выехали несколько десятков тяжеловооружённых всадников - выпитое не помешало рыцарям облачиться в доспехи и взобраться на коней.

Леди Вивьен смотрела с башни на удаляющихся искателей приключений. На душе у неё было тревожно. Она не боялась за отца - девушка была уверена, что тот вернётся целым и невредимым, - её смутно беспокоило что-то другое. А что именно - она и сама не знала.

* * *

"Надо бы выбраться наружу, - вяло подумал дракон, лежавший с закрытыми глазами посередине обширной пещеры. - Изловить зазевавшуюся косулю, поджарить дыханием и съесть... Годы, годы - когда-то мне ничего не стоило оторваться от земли одним взмахом крыльев, а после часами парить в поднебесье, высматривая добычу... А теперь я долго размышляю, стоит ли вообще напрягаться, чтобы пошевелить хвостом, и в итоге остаюсь лежать... Проклятое золото - оно выпило все мои силы...".

В этот мир он попал несколько тысяч лет назад. Дракон был молод и полон сил - ему приглянулся этот юный мир, и он решил здесь остаться. Однако это решение крылатого ящера пришлось явно не по вкусу прежнему властителю здешних мест - сумрачному магу. Чародей долго, упорно и яростно сопротивлялся, пустив в ход всё своё колдовское умение, но устоять не смог. Заклинания чёрной магии распадалась в драконьем пламени, а меч колдуна даже не поцарапал бронированную чешую. И всё-таки маг сумел нанести коварный удар.

Уже обратившись в огненный клубок и сгорая факелом, чародей метнул в дракона своё предсмертное заклятье. Оно было сплетено так хитро и тонко, что победитель заметил его действие спустя много лет - тогда, когда стало слишком поздно.

Дракон тяжело вздохнул и шевельнул лапой. Раздался звон - старый ящер слушал этот звон долгие века и успел его возненавидеть. Весь пол пещеры покрывали толстым слоем слитки золота, монеты и драгоценная утварь - кубки, чаши, украшения. Когти могучих лап зарылись в кучах золота - золото было повсюду, и любое движение дракона сопровождалось его звоном.

"Как я ненавижу этот металл... - думал дракон. - Проклятый колдун... Его заклинание сработало - я собирал это золото тысячелетиями, собирал и собирал, хотя мне от него нет никакой пользы... Я жёг и убивал, околдованный злым блеском золота, - на этих слитках и монетах запеклась кровь тысяч и тысяч людей... И теперь я стерегу ненужное мне золото, и обречён стеречь его до скончания дней... А если я не уберегу своё сокровище, и кровавого золота вновь коснётся солнечный луч, в этот мир придёт беда - большая беда... Проклятый колдун - он всё рассчитал на много лет вперёд..."

Алчущие злата не раз приходили в северные горы, добирались они и до пещеры, хотя обычно дракон встречал непрошенных визитёров ещё на дальних подступах к сокровищнице. Во всех случаях он разбирался с золотоискателями быстро, не вступая с ними в бесполезные дискуссии о вреде жадности и сребролюбия, - поджаривал их вместе с конями и латами, а чудом уцелевших добивал когтями и зубами. Но шли годы, крылатый ящер старел и слабел, и всё реже покидал пещеру. И всё чаще дракон с невольным страхом думал о том, что будет, когда он не сможет защитить от добытчиков своё проклятое золото.

Под потолком с противным писком метнулась летучая мышь, прошуршав кожистыми крыльями, и хозяин пещеры приоткрыл глаза. "Летучие мыши днём обычно спят, гроздьями свисая вниз головами, - мелькнуло в драконьей голове. - Значит, эту что-то потревожило..." Точнее, мысль не мелькнула, а лениво проползла - в последние десятилетия дракону трудно стало даже думать. И тут он понял, что именно встревожило летучую мышь.

Драконы владеют собственной магией - без неё первый же огненный выдох стал бы смертельным для самого крылатого ящера. И сейчас при помощи этой магии старый дракон увидел - к пещере направляется целый отряд рыцарей. "Много... - подумал он. - В былые времена я расправился бы с ними со всеми всего за пару минут, но сейчас... Надо встать и встретить гостей как подобает - эти жалкие людишки совсем забыли страх. Нет, не забыли - страх вытеснен жаждой наживы... Ну что ж, идите, милости просим...".

Дракон с усилием приподнялся и пополз к выходу. Золото сыпалось под его лапами, стекало жёлтыми звякающими ручейками; он увязал в нём, как в зыбучем песке, однако полз и полз. Дракон хотел принять свой последний бой на пороге своего дома - он почему-то не сомневался, что этот бой будет для него последним. И он успел доползти до выхода из пещеры.

Первых троих рыцарей, ступивших в тёмный зев драконьего логова, встретил клубок рыжего огня. Все трое сгорели в мгновение ока - не спасли ни доспехи, ни мокрые попоны, которыми они предусмотрительно обернулись. Кривые когти дракона растёрли жирный пепел - это было всё, что осталось от отчаянных смельчаков, - и ящер с утробным рыком высунул свою уродливую голову наружу. Высунул - и тут же пожалел об этом.

Рыцари сэра Гая не дрогнули - они привыкли видеть смерть в любом её облики и относились к ней философски: "Все мы когда-нибудь умрём". Со всех сторон в дракона полетели арбалетные стрелы, навывлет прошивающие панцирь, и одна из них угодила точно в налитый кровью глаз чудовища.

Казалось, от рёва раненого дракона рухнут утёсы. Ящер не остановился - он выползал, вытягивая из пещеры свое старое, но всё ещё могучее тело. Однако прыть у него была уже не та - воины проворно отскочили, и три удара страшных когтистых лап только раскрошили каменные глыбы, громоздившиеся перед пещерой. "Погодите, погодите, - думал дракон, - дайте мне только вытащить хвост - я вам все кости попереломаю... Жаль, что я не могу уже метать огонь без передышки - в горле сухо и пусто, и мне нужно время, чтобы собрать силы для следующего пламенного выдоха...". И в это время в широкую грудь дракона вонзилось рыцарское копьё.

Анри Бургиньон подскочил к ящеру со стороны выбитого глаза и нанёс удар прежде, чем дракон успел повернуть голову на drobный стук копыт. Рыцари приветствовали успех барона радостными криками, которые тут же сменились воплями ужаса. Отважный всадник не успел увернуться - тяжёлая лапа смяла его; из-под расплюснутых лат брызнула кровавая жижа. Но тут же в эту лапу глубоко врубился боевой топор, пробивший чешую.

Граф Карнарвон не спешил лезть в драку - он руководил боем, намереваясь вступить в битву в последний, решающий момент. Он видел, что дракон слаб, и предчувствие победы горячило кровь старого вояки. Но сэр Гай видел и то, что победу придётся оплатить дорогой ценой - драконья броня сопротивлялась мечам и копьям рыцарей, тогда как взмахи когтей чудовища рвали людей и лошадей на куски. "А вот если, - прикинул граф, приглядываясь к гранитному валуну, нависавшему прямо над входом в пещеру, - подтолкнуть вот этот маленький камешек? Он наверняка весит не меньше, чем сторожевая башня моего замка, и еле держится...".

Дракон не понял, что произошло. Он уже было подумал, что ошибся, и что он выиграет и этот бой, и что его час ещё не пробил, когда на его хребет, ломая спинные зубцы, рухнула неподъёмная тяжесть, придавила, распластала и наполнила нутро режущей болью.

— Вперёд! - зычно скомандовал Карнарвон, с лязгом извлекая меч из ножен. - Убьём его!

Это был уже не бой - рыцари, с ног до головы забрызганные кровью, облепили ящера, как муравьи полудохлую гусеницу, и живо его разделявали. Мечи и топоры методичными ударами вспороли неподатливую чешую, и горячая драконья кровь хлестала тугими струями, истекая душным паром.

Дракон сквозь плену боли увидел своим единственным уцелевшим глазом статного воина с длинным мечом, идущего к нему уверенным шагом победителя, и безошибочно

опознал в нём предводителя. Дракон знал - жить осталось недолго, этот меч скоро отрубит ему голову, и прохрипел в лицо рыцарю:

– Не берите золото... Вы выпустите на свободу демона, и дети ваших внуков будут беспощадно убивать друг друга за этот проклятый металл... И не будет этому конца, пока не сгинет в этом мире весь ваш род... Не берите золото - на нём проклятье Тьмы...

Сэр Гай Карнарвон не понял умирающего дракона - для него слова старого крылатого ящера были всего лишь набором шипящих и булькающих звуков. Граф широким взмахом меча рассёк шею чудовища и в три удара отделил уродливую голову от тела, раздавленного сброшенным камнем. Голова дракона покатилась вниз и остановилась, уткнувшись в скалу, - мёртвый глаз остекленел.

– Победа! - торжествующе закричал сэр Карнарвон, потрясая окровавленным мечом. - Победа! Дракон мёртв, а золото - золото наше! Победа!

* * *

– Начинай, - сэр Гай небрежно повёл рукой, униженной драгоценными перстнями. - Мы слушаем.

Голубоглазый и светловолосый стройный юноша с лютней почтительно поклонился и запел балладу, которую ещё никто не слышал.

Дракон, очнувшись от дремоты,
Услышал дальний стук копыт
Час пробил - началась охота,
Сэр Карнарвон сюда спешит

"Неплохо, совсем неплохо, - размышлял граф, слушая менестреля. - Сэр Карнарвон - победитель дракона!"

Гремит железом кавалькада,
Взлетает к небу громкий крик:
"В пещере будет всем награда!
Дракон? Так он уже старик!"

"Дракон-старик" - это надо убрать: много ли чести в победе над стариком?"

Нас много, что нам этот ящер,
Обломок миновавших дней!
Кто ищет, то всегда обрящет,
Вперёд, прищипывая коней!"

"Даже чересчур много, - мысленно усмехнулся сэр Гай, откинувшись на высокую спинку кресла, которое правильнее было бы назвать троном. - Золото - оно очень плохо делится на равные доли..."

Дракон вздохнул: "Эх, люди, люди...
Ну что ж, идите, я готов
Принять клинки и копыя грудью
И кой кого лишить голов..."

"А вот это мы оставим, - подумал граф. - И пусть все узнают, что дракон был силен и страшен, и что многие рыцари пали в битве".

И действительно, после побоища в северных горах в замок вернулся только один сэр

Гай - вернулся с головой дракона, притороченной к седлу. Он объявил, что все доблестные рыцари, отправившиеся с ним, с честью пали в бою с жутким чудовищем, и что только он, Гай Карнарвон, сумел убить монстра. Слова графа никто не подверг сомнению - все знали его как честного воина и настоящего рыцаря. И никто так и не узнал, что спутники сэра Гая, одолевшие дракона и вышедшие живыми из страшной битвы с крылатым ящером, встретили свою смерть чуть позже - и по-разному...

Глупцы! Вы золото возьмёте
И сквозь столетий череду
Его проклятье понесёте
Своим потомкам на беду...

"Что он несёт? - возмутился Гай Карнарвон, чувствуя нарастающую ярость. - Золото, сложенное в подвалах моего замка, - это основа власти и величия моего рода; величия, которое простоит века! Какая беда? Какое проклятье? Зачем повторять глупые сказки?"

Да, ищущий всегда обрящет,
Но только то, что заслужил..."
И очень мудрый старый ящер
Клыки в усмешке обнажил...

Менестрель опустил лютню и снова поклонился благородным дамам и рыцарям. По лёгкому шороху, прошедшему среди гостей, граф понял, что баллада произвела впечатление. Да и сам юноша - опытным глазом сэр Карнарвон, привыкший одерживать победы не только на поле брани, но и в альковах красавиц, заметил, как заблестели глаза многих дам. "Да, этот юнец, - подумал граф с оттенком зависти, - легко затащит на любовное ложе любую из дочерей и даже жён моих верных вассалов... И мне не очень нравится, как на него смотрит моя собственная дочь... Но самое главное - мне не нравится эта его баллада!"

Гости ждали. Они уже готовы были разразиться восторженными рукоплесканиями, но сюзерен молчал. Со времени возвращения графа Карнарвона из драконоборческого похода прошло всего полгода, однако за это время многое изменилось.

Вернувшись, граф бросил драконью голову на камни внутреннего двора замка, тут же снарядил целый караван, взяв для охраны всех своих воинов, и немедленно пустился обратно в горы - за золотом сражённого дракона. Караван из сотен выючных лошадей ходил на север несколько раз, и каждый раз кони едва переставляли ноги под тяжестью сокровищ - такого количества золота не видел никто, даже ветераны, помнившие походы в дальние заморские страны.

Золото проложило Карнарвону дорогу к власти. Он был обласкан при дворе короля и сделан властителем всего этого края - при условии выставления на королевскую службу полностью снаряжённого конного полка. Это условие граф Карнарвон выполнил легко - он мог теперь позволить себе щедро платить самым отчаянным рубакам-наёмникам. Так сэр Гай стал сюзереном для всех баронов северной части страны, и ходили слухи, что его дочь скоро станет женой принца и будущей королевой. Графа знали и уважали за прежние заслуги и за многое другое, однако после его знаменитого "драконьего похода" люди стали замечать, что характер сэра Гая стремительно портится. Теперь Карнарвон был способен на поступки, несовместимые с понятием "рыцарская честь", - раньше в этом его никто не мог упрекнуть. Но правил он железной рукой, и потому роптать вслух не осмеливались. Вот и сейчас гости не спешили изъявлять свой восторг, пока хозяин карнарвонского замка не скажет своё веское слово.

— Ты заслужил награду, бард, - медленно процедил владетель Карнарвон. Гости шумно выдохнули - какую награду получит сочинитель от богатого графа? - и только леди Вивьен насторожилась. Она очень хорошо знала своего отца и почувствовала в его голосе что-то

недоброе.

– Ты заслужил награду, - повторил граф. - За эту балладу тебе... зальют глотку расплавленным свинцом! Чтобы впредь никому было неповадно смущать умы и распевать всякую чушь, пугая тупоголовых крестьян! Стража!

Четверо дюжих воинов шагнули вперёд и заломили руки побледневшему менестрелю. Жалобно хрустнула под сапогами сломанная лютня, с плачем лопнула оборванная струна. Гости оцепенели, и тогда Вивьен метнулась вперёд и упала на колени.

– Отец! - отчаянно закричала она. - Пощади его, отец! Пощади!

– Пощадить? - глаза сэра Гая метали молнии. - Этот смазливый щенок осмелился спеть во всеуслышанье древнее предание, лживость которого доказана придворными магами его величества! И я, Гай Карнарвон, сюзерен Севера и верный вассал моего короля, не могу оставить безнаказанным такое оскорбление власти! Власть устанавливают мечом и золотом, а глупые баллады, которые распевают простолюдины, вредят этой власти! И потому будет так, как я сказал!

– Отец, - леди Вивьен обняла ноги графа. - Пощади его... Умоляю...

– Тебе он так понравился? - сэр Гай зло усмехнулся. - Тогда его надо ещё и повесить - ты невеста принца и будущая королева, и не безродным поэтам искать твоей любви! Это говорю я, граф Карнарвон, победитель дракона и наследник его несметных сокровищ!

* * *

"Следующая.....анкт-Петербург.....ляндский вокзал... Конечная".

Народ в вагоне электрички, до отказа переполненной по утреннему времени буднего дня, зашевелился, задвигался, стараясь оказаться поближе к выходу.

Александр Николаевич закрыл книжку, с обложки которой скалился чешуйчатый крылатый дракон, нависший над крошечной фигуркой рыцаря с мечом, и сунул её в карман куртки. Хорошая штука эти покет-буки - очень удобны для чтения в транспорте по дороге на работу (а когда ещё читать современному человеку, замotanному повседневными делами-заботами?). Вообще-то книги - хорошие книги - не вредно и обдумывать, однако на это времени уже не остаётся...

Зато книжные лотки у станций метро завалены литературой на любой вкус - времена книжного дефицита канули в Лету. Бесчисленные глянцевые обложки пестрят пустоглазыми бандитскими рожами и физиономиями красоток в нарядах предельно облегчённого типа на фоне небоскрёбов, звездолётов или рыцарских замков. Красотки призывно изгибают бёдра, но в руках у них при этом обязательно зажат какой-нибудь смертоубийственный инструмент, а рядышком торчит неулыбчивый мускулистый тип с мечом или многоствольным бластером, всем видом демонстрирующий: "Эта роскошная баба - моя!". И очень хочется купить такую книжку и окунуться в её декоративный мир, чтобы хоть на часок почувствовать себя таким вот суперменом, сметающим всех врагов и очаровывающим всех красавиц...

Плотный человеческий поток, медленно просачивающийся через щели турникетов, вынес Александра Николаевича на привокзальную площадь. Лезть в подземелье метро ему не хотелось - весна уже вступала в свои права, в дымном воздухе большого города упрямо пробивались её пьянящие ароматы, и солнце, нечастый гость северной столицы, ласкало и грело.

Чуть подумав, он решительно направился к остановке маршрутного такси. По статусу заведующий лабораторией молекулярного синтеза научно-исследовательского института прикладной химии мог бы добираться до работы и на собственной машине, но... Времена теперь другие, и славное НИИ, где Александр честно проработал три десятка лет, давно уже не "передний край советской науки". И зарплаты его сотрудников не те, которые позволяют разъезжать на роскошных авто. К тому же узкие улочки старых районов Питера забиты под завязку автомобильными стадами - выигрыша времени никакого, а нервного напряжения на порядок больше. Поэтому древний "жигулёнок" Александра Николаевича, бывший некогда

предметом гордости его жены Людмилы и лютой зависти его коллег, тихо ржавел в гараже на даче. Уж лучше фэнтези почитать в электричке...

На остановке былолюдно - трудящийся и учащийся народ спешил и переминался с ноги на ногу в ожидании маршрутки. Подходя, Александр Николаевич обратил внимание на молоденькую девчонку в джинсах и короткой рубашонке (или кофточке? Он никогда не был большим докой по части названий верхнего и нижнего женского конфекциона, а теперь и подавно). Между пояском джинсов и нижним краем кофточки виднелась голое тело - невзирая на вешнюю прохладу, модницы спешили выставить напоказ свои пупки и талии, привлекая мужские взоры. Девчонка почувствовала его взгляд, но равнодушно скользнула глазами по мужчине, годящемуся ей в отцы.

"Вот же блин, - с досадой подумал Александр Николаевич. - Небось в "мерседес" к какому-нибудь "папику" лет на пятнадцать меня старше ты запрыгнула бы не раздумывая и тихо повизгивая от восторга!". Стариком он себя не считал, женщины всё ещё посматривали на него с некоторым интересом, и нарочитое безразличие этой девицы задело Александра и укололо его мужское самолюбие.

Подкатила белая "газель". Александр пропустил девчонку вперёд, и в глаза ему нагло полезли её ягодицы, перечёркнутые узенькой полоской трусиков "танго". Джинсы на бёдрах девчонки были приспущены по последней моде "по самое некуда", и когда она наклонилась, забираясь в тесное нутро маршрутки, пейзаж нарисовался весьма колоритный. "Хм, - мрачно размышлял Александр Николаевич, устраиваясь на боковом сидении. - Неужели она в упор не понимает, что демонстрация нижнего белья и голой задницы в транспорте может вызвать не эротические чувства, а самую обычную брезгливость? Всё хорошо в меру, в нужном месте и в нужное время...". Он вдруг вспомнил, как ему нравилось смотреть на коленки Людмилы, открытые мини-юбкой, - давно это было... Или совсем недавно?

"Хватит, - одёрнул он сам себя. - Думай о работе!" - "А чего о ней думать? - ехидно возразил внутренний голос. - Думай, не думай - один хрен! Вы сидите в ж..., уважаемый Александр Николаевич, сидите глубоко и прочно. Все ваши юношеские мечты развеялись лёгкой дымкой, растаяли, и ваше время прошло. Имейте мужество признаться в этом - хотя бы самому себе. И ваше брюзгливое мысленное ворчание по поводу нравов и нарядов юных девиц - прямое тому свидетельство!". Спорить с этим собеседником не имело смысла...

В детстве мальчик Саша, выросший в интеллигентной семье, читал журналы "Наука и жизнь" и "Техника - молодёжи" и жадно впитывал все новости о последних достижениях науки. Сказки становились былью - человек полетел в космос, а бытовая химия одаривала человечество всё новыми материалами. "Капрон", "нейлон", "лавсан" - эти причудливые названия казались магическими заклинаниями, рождающими невиданные чудеса. А тут ещё незабвенный Никита Сергеевич творчески модифицировал ленинскую формулу "Коммунизм - это советская власть плюс электрификация всей страны", добавив к ней ещё одно слагаемое: "химизация". И Саша Свиридов, окончив школу с серебряной медалью, поступил на химический факультет Ленинградского (тогда ещё ленинградского) университета (тогда университет в городе на Неве был всего один, а прочие вузы именовались институтами).

Это были славные времена! Всё казалось достижимым и возможным (стоит только захотеть и постараться), горизонт становился всё ближе, и будущее выглядело непременно счастливым - разве может быть иначе в стране победившего социализма, где "всё для человека, и всё во имя человека"? И ещё - Саша был молод, никто не называл его по отчеству, и учёба оставляла ему достаточно времени для молодёжных вечеринок, поездок за город и прогулок по гранитным набережным дивными белыми ночами. И была любовь...

Её звали Людой, хотя ей самой нравилось имя Мила. И верно, это имя шло девушке - она действительно была *милой*, точнее не скажешь. Жаль, что с годами его Людмила сильно изменилось, причём далеко не только внешне...

"Газель" выбралась из очередной пробки и поскакала по выбоинам вдоль трамвайных путей, лавируя и обгоняя автобусы и грузовики. Александр Николаевич отрешённо смотрел в окно. Думать о работе ему не хотелось - на Сашу нахлынули воспоминания...

В НИИ прикладной химии он попал по распределению - Александр Свиридов был первым в списке и имел право выбора. Ему понравилась сама атмосфера института: чистота лабораторий, организованность и деловитость, жаркие споры о новых направлениях в науке и о перспективах молекулярного синтеза. Тогда он многого ещё не замечал...

Саша работал как одержимый, не считаясь со временем. Он мог посередине разговора сорваться с места, оставив собеседника в недоумении, и помчаться к себе в лабораторию, чтобы тут же проверить на опыте свою очередную фантастическую гипотезу, пусть даже не имеющую прямого отношения к теме, разрабатываемой в настоящий момент. Вскоре Саша заслужил неформальное прозвище "Алхимик", которое наряду с иронией свидетельствовало и о его упорстве и целеустремлённости и носило уважительный оттенок.

Кандидатскую диссертацию он написал и защитил через пять лет, но вот с докторской вышла осечка. Александр Свиридов вдруг с удивлением обнаружил, что в науке существуют и иные приоритеты, что плетутся многослойные интриги, и что далеко не все учёные мужи озабочены исключительно прогрессом ради светлого будущего всего человечества - есть и куда более прозаичные материи. Доктором наук он так и не стал, хотя завлабом его в конце концов назначили. Впрочем, произошло это уже в суматошную перестроечную пору, когда самые ушлые уже сообразили, откуда и куда дует долгожданный ветер перемен, и начали подыскивать себе более уютные местечки.

Увлечённость научными изысканиями не помешала Саше сделаться отцом двух детей - дочери Ани и сына Дмитрия. "Ты, наверно, и не заметил процесса зачатия, - подтрунивали над ним коллеги, - всё-то ты у нас в трудах, надёжа-государь!". На эти шутки Александр не обижался - они носили дружеский характер - и улыбался вместе с шутниками.

Не до смеха Саше стало в конце восьмидесятых, а в начале девяностых ему впору было заплакать...

Маршрутка свернула направо. Александр Николаевич попросил водителя остановиться у следующего перекрёстка и вылез из микроавтобуса. До начала рабочего дня оставалось ещё минут пятнадцать, и Саша решил пройти остаток пути пешком.

"Газель" запрыгала дальше, окатив заведующего лабораторией молекулярного синтеза брызгами грязной воды из-под колёс. Александр поморщился, нагнулся и смахнул носовым платком мутные капли, оставшиеся на брюках. Не на приём к английской королеве, но всё равно не дело...

Потом он выпрямился, и тут ему бросился в глаза огромный красочный рекламный стенной плакат, на котором многозначительно улыбающаяся очаровательная женщина очень сексапильно примеряла золотое ожерелье. "Только у нас! Драгоценности для бережливых! - гласила надпись на плакате. - Самое дешёвое золото! Самые низкие цены!".

"Вот же чушь собачья! - раздражённо подумал Александр Николаевич. - Золото и драгоценности - это последнее, что будет покупать бережливый! Самое дешёвое золото? Хм-м-м... Дешёвое золото - золото мёртвого дракона...".

* * *

День начался с неожиданности - лабораторию посетил директор института Антон Степанович Никодимов, четверть века занимавший эту должность.

- Ну вот, уважаемые... э-э-э... господа, - последнее слово Никодимов произнёс с видимым усилием. - Наметился свет в конце туннеля, если так позволительно будет сказать.

"Бедный Антон Степанович, - с жалостью думал Свиридов, поглядывая на бледное лицо директора института. - Крепко засели в его душе безвозвратно сгинувшие стереотипы! Еле-еле выдавил из себя враждебно-капиталистическое "господа" вместо такого привычного "товарищи". Пятнадцать лет минуло с тех пор, как "товарищей" и след простыл, а его всё ещё тянет на старое. Трагедия, блин...".

Никодимов выглядел неважно - высохшее лицо с красными старческими прожилками, старомодные очки, далеко не новый пиджак, к которому не шёл элитный галстук (наверняка

подарок кого-то из спонсоров), мелко подрагивающие тонкие пальцы. Эдакий раритетный интеллигент советских времён, чудом не вымерший в пертурбациях постперестроечной России. Но Антон Степанович всё ещё храбрился, не подавал виду, и пожалуй его открыто означало нанести старику смертельную обиду. Да и то сказать, институт выжил как цельная структура только благодаря энергии Никодимова. Хватались за что попало, искали деньги где только можно; теряли ценнейшие кадры, уезжавшие на работу за рубеж за длинным долларом; сдавали институтские помещения в аренду всяким разным фирмам, зачастую весьма сомнительными; однако латали обветшавшее оборудование и ставили эксперименты, из последних сил не давая погаснуть искоркам научного энтузиазма.

НИИ прикладной химии разваливался прямо на глазах - лучшие работники уходили в частные структуры, не имевшие к химии никакого отношения, старики старели, а молодёжь только фыркала, узнав размер предлагаемого здесь месячного оклада: "Да мне эти деньги - на один раз сходить на дискотеку!". А Никодимов - Никодимов ходил по инстанциям, доказывал и требовал, выкручивался и выкрутился. Институт поддерживали заказы силовых министерств - "балдёжный газ", как называли в кругу разработчиков это эффективное средство борьбы с терроризмом и уличными беспорядками, очень понравился заказчикам в погонах.

"Интересно, чем Степаныч осчастливит нас на сей раз? - подумал Александр. - Что там стоит за его патетическим "светом в конце туннеля"? Не зря ведь он собрал всю мою лабораторию..."

Словно услышав мысли завлаба, директор откашлялся, пожевал губами и выдал:

- Нам предлагают очень выгодный многолетний, - он сделал ударение на последнем слове, - заказ от международного концерна "Health, Life and Pleasure", сокращённо "Эйч-Эл-Пи". - "Смотри-ка, - искренне изумился Александр, - без запинки произнёс заковыристое англиское название и аббревиатуру! Поднаторел, однако, - пообтёрся на презентациях..."

- Российская сторона владеет акциями этой корпорации, - продолжал Никодимов, чуть сморщившись на слове "акциями", словно ему на зуб попало нечто донельзя невкусное, - и поэтому о нас с вами, - директор оглядел присутствующих, - не забыли.

"Ну, это наверняка только благодаря твоим стараниям, Антон ты наш Степанович, - мысленно добавил Саша, - а то бы хрен о нас вспомнили! Каждый выживает в одиночку - как говорится, человек человеку друг, товарищ и волк".

Эти мысли не мешали заведующему лабораторией молекулярного синтеза внимательно слушать - Александр Николаевич интуитивно чувствовал, что директор приготовил им нечто неожиданное. И Саша не ошибся.

- А суть проекта, - Антон Степанович выдержал паузу, - состоит в следующем: нам предложено разработать стойкую субстанцию для ароматизированных презервативов.

"Что-о-о-о?" - мысленно возопил Александр. Его команда потрясённо молчала, хотя кто-то в заднем ряду тихонько хихикнул.

- Боюсь, что я не совсем вас понял, Антон Степанович, - сдержанно произнёс завлаб. - Какое отношение мы, химики, имеем к этим резинотехническим изделиям? Разве что некий новый материал для...

- Нет, - невозмутимо прервал его директор, блеснув стёклами очков. - Речь идёт об ароматизаторах. Я знаю, - тут же добавил он, заметив нетерпеливое движение Свиридова, - вы скажете, что этими ароматизированными штучками уже завалены все аптеки. Однако в нашем случае имеет место принципиально новый подход к вопросу, - директор постепенно воодушевлялся, словно обсуждалась по меньшей мере проблема изменения состава земной атмосферы. - Как известно, в процессе любовного акта мужчина и женщина выделяют значительное количество тепловой энергии...

"Скорее всего, тебе об этом известно уже сугубо теоретически" - подумал Саша.

- ...за счёт этой энергии из нашего наполнителя, входящего в состав материала, из которого изготовлен презерватив, будут испаряться летучие ароматические вещества. Таким образом, в спальне будет пахнуть хвоей или йодистым запахом морского бриза - всего, что

заблагорассудится пожелать потребителю.

"Угу, - мрачно размышлял Свиридов. - Мы рождены, чтоб сказку сделать былью, - трахайся в грязном подъезде и дыши при этом чистым горным воздухом. Бред какой-то... Человечество медленно, но верно сходит с ума - верной дорогой идёте, товарищи!".

- И должен довести до вашего сведения, - Антон Степанович ещё раз обвел взглядом безмолвную аудиторию, - что к этому заказу следует отнестись со всей ответственностью. Финансирование предполагается такое, что... В общем, от вас зависит, заработаете ли вы наконец хорошие деньги или по-прежнему будете довольствоваться тем мизером, который нам предлагали до сих пор. А от вас, Александр Николаевич, я в самое ближайшее время жду конкретных соображений. Посоветуйтесь, прикиньте и доложите - хотя бы вкратце. И не затягивайте, пожалуйста, - а то ведь они найдут и других... химиков.

"Неужели старик не видит анекдотичности ситуации? Вот тебе, бабушка, и передний край советской науки...".

Но тут Саша разобрал выражение глаз директора, спрятанных за толстыми стёклами очков, и понял - всё он прекрасно понимает, и того, что чувствует при этом старый учёный, не пожелаешь и врагу. "А что делать, Саша? - яснее ясного читалось в потухшем взгляде Никодимова. - Когда-то мы занимались совсем другими делами, а теперь... Кто платит, тот и заказывает музыку".

...Когда директор ушёл, плотину молчания прорвало - заговорили все разом. В целом, к некоторому удивлению Свиридова, особого неудовольствия никто не высказал - работа как работа. Ароматический состав для презервативов ничуть не хуже слезоточивого газа - разве что химический состав у этих веществ разный. К тому же задачка показалась интересной и связанной с целым рядом сопутствующих проблем: концентрация наполнителя, способ пропитки, сроки хранения, выбор запаха, его интенсивность и даже связь аромата с настроением любовников. Обсуждение разгорелось нешуточное, и Саша был благодарен лаборантке Юле, сумевшей разрядить накалившуюся обстановку.

- Александр Николаевич, - поинтересовалась она ангельским голосом, улучив минуту затишья, - а испытания тоже мы будем проводить?

- Не понял, - ошарашено пробормотал завлаб. - О чём это ты?

- Ну, это, как его, - Юля скромно потупилась, изображая пай-девочку, не имеющую и понятия о том, откуда берутся дети. - Ведь мы должны сдать готовый продукт, пригодный для массового производства, разве не так? А как мы можем гарантировать надёжность и эффективность нашего наполнителя без соответствующих испытаний?

До Саши наконец-то дошло, что девушка его попросту беззастенчиво разыгрывает - он заметил, что большинство его подчинённых уже давятся от еле сдерживаемого смеха.

- Юленька, - ответил он преувеличенно серьёзно. - Обещаю, что занесу тебя в список испытателей-добровольцев первым номером. Только уточни, какой запах любви тебе больше всего нравится.

- Как скажете, Александр Николаевич, - пропела Юля, игриво стрельнув глазками. - Ради вас - всё, что угодно. Лично я всегда готова к подвигу... научному.

Зрители не выдержали - стены лаборатории сотряс дружный хохот.

- Ша, урки. - Отсмеявшись со всеми вместе, Саша счёл нужным навести порядок и прервать затянувшееся веселье. - Смех смехом, братцы, а дело - делом. Цели ясны, задачи определены - даёшь аромат любви, блин горелый!

* * *

Темнота за окном жила своей жизнью. По потолку неряшливым блеклым привидением прополз отблеск фар одинокой машины, торопившейся куда-то сквозь ночь; потом долго и надсадно каркала ворона, которой почему-то не спалось. "Я встану так рано, что ещё поздно будет" - припомнилось выражение из далёкого детства. Саша хотел встать и посмотреть, который час, но лень было шевелиться. Судя по темноте и тишине - вороньи вопли не в счёт,

- сейчас три-четыре часа ночи. Город спит: утихомирились поздние гуляки, расползлись по норам искатели приключений, преступники и стражи порядка; насытились друг другом любовники; законопослушные граждане давно вкушают заслуженный отдых перед новым трудовым днём; и даже домовые, жители смежных измерений (есть такая гипотеза), затихли в укромных уголках человеческих жилищ. И только он, Александр Николаевич Свиридов, заведующий лабораторией молекулярного синтеза НИИ прикладной химии, лежит посреди ночи на диване в пустой квартире и тупо пялится в потолок.

Кроме него, в квартире не было ни единой живой души. Мать уже перебралась на дачу, - она жила там с ранней весны до поздней осени, - и забрала с собой кота Остапа, третьего члена их "неполной семьи". Да, лет двадцать назад народу здесь было больше...

Александр повернулся - старый диван отозвался скрипучим кряхтением, - откинул одеяло, встал, подошёл к столу у окна и посмотрел на тёмный циферблат будильника. Да, так и есть - половина четвёртого. Все нормальные люди в огромном городе спят - бодрствуют одни ненормальные.

Он выудил из пачки сигарету, щёлкнул зажигалкой - почти невидимый в темноте дым змейкой пополз по комнате, путаясь в смутных очертаниях мебели. Саше на миг показалось, что дымная струйка недоумевает: как это так, такая большая квартира - и в ней всего один человек? Что поделаешь - так оно получилось...

Отец Александра Николаевича умер в самом конце восьмидесятых, не дожив до апофеоза торжества демократии. Наверно, старику крупно повезло - Саша с трудом себе представлял, как интеллигент старого разлива, дитя хрущёвской оттепели и времени бурных споров между "физиками" и "лириками", вписался бы в реалии новой России. Но его вдова Зинаида Матвеевна перемены перенесла на удивление легко. Если бы не мать, то после развода с Людмилой эту квартиру пришлось бы разменивать, и неизвестно, где бы сейчас обитал Александр Свиридов.

В приступе рыцарства Саша склонен был отдать своей энергичной и хваткой супруге (когда она стала "бывшей") добрую толику завидной жилплощади в старом фонде, однако Зинаида Матвеевна проявила кремнёвую твёрдость и житейскую хватку. Впрочем, мать всю жизнь (сколько Саша помнил) была именно такой: властной и императивной. Она оставляла мужу и сыну их науку - пусть мальчишки играют, - надёжно обеспечивая семейные тылы, где она была полновластной хозяйкой. Александра и его отца вполне устраивало подобное положение дел, а то, что при этом приходилось терпеть жёсткий домашний диктат жены и матери - ну что ж, за всё надо платить!

Людмила поначалу пыталась было сопротивляться, но потерпела в этой неравной битве полное и сокрушительное поражение: если дело касалось власти над одной отдельно взятой квартирой, населённой одной семьёй, Зинаида Матвеевна проявляла беспощадность, которой могли позавидовать самые жестокие ханы-завоеватели тёмных веков - малейшие попытки неповиновения (не говоря уже о мятеже) подавлялись тут же, и пленных не брали.

И внуки вроде бы тоже смирялись с бабушкиной императивностью - как выяснилось, внешне. Стоило им подрасти и расправить крылышки, как они тут же покинули домашнее гнездо. Анна сражалась за место под солнцем в скорпионьих лабиринтах шоу-бизнеса, а Дмитрий... О том, чем занимается его сын, Александр предпочитал лишний раз не думать - в сердце тут же вонзалась тупая игла, причинявшая режущую боль.

С годами Сашу всё сильнее тяготила мелочная опека матери: какую рубашку купить да какие носки надеть. Он периодически взрывался, доказывал ей, что давно уже вырос из коротких штанишек, но всё повторялось снова и снова с безысходной монотонностью - они с матерью говорили на разных языках. Поэтому летом, когда Зинаида Матвеевна отбывала в их "летнюю резиденцию" в Комарово, Александр Николаевич обычно ночевал в городской квартире. "Ближе до работы - не надо час трястись в переполненной электричке" - объяснял он матери. Та не возражала, имея при этом в виду типично женские соображения: "Мужик ещё в соку - пусть приведет какую-нибудь бабу, чего одному спать".

Баба у Александра имела, но... Регина принадлежала к породе "русских амазонок",

громогласно заявивших о себе в конце девяностых годов минувшего столетия. Она владела пусть небольшой, зато твёрдо стоящей на ногах туристической фирмой, успешно выжив по ходу пьесы двух соучредительниц, с которыми начинала свой бизнес. Женщины, подобные Регине, сами добившиеся всего и считавшие себя успешными и вполне состоявшимися, рассматривали мужчину как полезное домашнее животное, с которым можно выйти в свет, съездить в отпуск на Канары и, конечно, покувыркаться в постели. Но не более того - когда Саша предложил Регине узаконить их отношения ("Знаешь, надоело быть сожителями"), она холодно отклонила его предложение руки и сердца.

"Ходила я уже как-то раз замуж, - объяснила деловая женщина, - и повторять этот эксперимент не намерена. Детей рожать мне неохота, да и поздновато, так что официоз - на предмет стревования с тебя алиментов - мне уже ни к чему. А домохозяйки из меня не выйдет - мне свобода дороже". Да, свобода, - Александр подозревал, что у любвеобильной Регины он далеко не один-единственный любимый-ненаглядный, и что "его девушка" не упускает случая добавить в свою коллекцию трофеев нового мужика - для разнообразия. Времена изменились, и сильно: подрастерявшие самцовскую уверенность в себе доны Хуаны теперь на равных состязались с сексуально раскрепощёнными и состоятельными донами Аннами, которым вовсе не требовался муж-кормилец, и которые сами выбирали время для любовных утех.

Регина принимала приглашение Александра Николаевича провести вместе вечер и ночь только тогда, когда это не нарушало её собственных планов. Во всяком случае, сегодня, когда он в конце рабочего дня позвонил ей на сотовый и предложил встретиться, Регина спокойно объяснила, что на сегодняшний вечер у неё запланирована деловая встреча в узком кругу. При этом явно подразумевалось, что присутствие Саши на этой встрече излишне. Вот завтра - со всем удовольствием: давно не виделись, она даже соскучилась. Однако особой теплоты в голосе женщины не наблюдалось и, похоже, её ничуть не заботило, поверил ли Александр в её версию об очень важной деловой встрече, а также в то, что Регина по нему соскучилась.

Оскорблённое второй раз за один день мужское самолюбие потребовало отмщения. Александру Николаевичу пришла в голову шальная мысль подцепить на этот вечер Юлю - фривольная эскапада лаборантки по поводу "ходовых испытаний" их будущего изобретения запомнилась. А почему бы и нет, собственно говоря? Саша чувствовал, что Юля не совсем к нему равнодушна, да и вообще она девушка современная - "Юля без комплексов". А если он почувствует её нежелание - ну что ж, тогда можно будет обернуть всё в шутку и отступить, не потеряв лица.

Но пока Александр обдумывал свой стратегический план - как подкатиться и с чего начать, рабочий день кончился, и Юля стремительно упорхнула - как на грех, именно в этот момент помощник завлаба отвлёк Свиридова, притащив к нему на подпись целый ворох каких-то невероятно важных бумаг.

В результате Алхимик оказался у разбитого корыта. Придя домой, он соорудил себе холостяцкий ужин - съел тарелкупельменей и, немного подумав, выпил стакан водки из бутылки, имевшейся в полупустом холодильнике. Обдумывать поставленную Никодимовым "научную проблему" не хотелось - она вызывала глухое отторжение ("Докатились!"). Саша вспомнил недочитанную утром книжонку - чем там дело-то кончилось? - поискал её, однако не нашёл (наверное, оставил на столе в лаборатории, когда выгребал из куртки всякий хлам).

Компьютер включать не стал - на работе надоело. Присел перед телевизором, погонял каналы. Откопал среди месива новостей о взрывах и прочих катастрофах и бесконечных реалти-шоу, перемежающихся дебильными рожами, взхлёб рекламирующими очередное суперновое чудо-средство, гарантированно увеличивающее объём, красоту, чистоту и все остальное-прочее на "...дцать" процентов, сериал про тайны следствия. Некоторое время следил, как булгаковская Маргарита в другой своей экранной ипостаси вместе со своими коллегами лихо раскручивает очередное преступление, попытался примерить логику, не преуспев в этом, плюнул, выключил телевизор и завалился спать.

Уснул быстро, но в итоге проснулся среди ночи - сна ни в одном глазу...

Докурив, Александр снова лёг и попытался заснуть - не включать же чёртов ящик с его ночной порнографией. Мозг работал, обрывки мыслей копошились, норовя выстроиться в единую цепочку. Саша знал это состояние - обычно в таких случаях его осеняло. Правда, непонятно было, с какой стати на сей раз. Идея создания "аромата любви", призванная, по замыслу её авторов, в корне изменить сексуальную жизнь всего человечества (по меньшей мере!), Свиридова ни в коей мере не увлекла - он отчётливо видел всю её бредовость. Но тогда что, что дало толчок мыслям? Накопившееся раздражение на окружавшую его жизнь, в которой люди всё больше и больше походили на наркоманов, подсаженных на иглу успеха, престижа и денег? Денег - да, денег... Но этот фон присутствовал уже давно, был застарелой болячкой и вряд ли мог сподвигнуть на что-то стоящее.

Александр снова и снова перебирал в памяти события дня минувшего, надеясь найти там зацепку. Событий было негусто - короткий никчёмный разговор за завтраком с матерью, переполненная электричка, девица на остановке маршрутного такси, брызги из лужи, работа и всё с ней связанное - визит Никодимова, трёп в лаборатории, лаборантка Юля, - звонок Регине и её холодная отповедь. Что ещё? Книжка про дракона? Ну, это вообще мелочь... А, ещё реклама ювелирного магазина "для бережливых" - память услужливо подсунула и этот стоп-кадр. Чушь... И тем не менее... Саша почувствовал, что за всеми этими мелочами что-то кроется: ведь последняя капля - это тоже мелочь, по сути, но именно она переполняет чашу. Логическая цепочка упорно не складывалась, однако Алхимик был уверен - решение придёт, придёт рано или поздно.

С этой мыслью он и уснул.

* * *

Неделя пролетела незаметно. Забот хватало - Никодимов теребил, дважды напоминал Свиридову о необходимости подачи пакета предварительных соображений и прикидок по предложенной теме, и лаборатория молекулярного синтеза гудела потревоженным пчелиным ульем - ребята заинтересовались. Интерес этот ощутимо подогрел аванс, выплаченный в пятницу - сразу же после того, как директор сообщил Александру: "Окончательное решение принято, заказ отдали нам". Размер аванса впечатлял - судя по всему, апологеты "ароматной любви" намеревались раскручивать свой проект по полной программе.

И в пятницу же в лаборатории появился Василий Зелинский - самый крутой в НИИ спец по компьютерному обеспечению новых разработок. За копейки этот парень не работал, и отсюда Александр Николаевич сделал логический вывод - Васе-Мегабайту (по неписаной институтской традиции прозвища имели все здешние мало-мальски значимые личности) тоже перепало от щедрот зарубежных партнёров, и не мало.

Зелинский был на двенадцать лет моложе Свиридова, и оперялся он уже в новых условиях, чётко усвоив при этом новые правила старой игры. В отличие от Александра, подстригавшего свою седеющую шевелюру строго по мере надобности, Василий брил голову "под Котовского", следуя имиджу "звёзд", и носил модную короткую щетину. Для Саши так и остался тайной механизм такого экстравагантного бритья - миллиметровая небритость неизменно украшала щеки и подбородок Мегабайта, не укорачиваясь и не удлиняясь ни на микрон.

Несмотря на разницу в возрасте, Зелинский и Свиридов были друзьями - их роднила та сумасшедшинка, которой во все века и лета славились истинные учёные. На людях они блюли политес, называя друг друга "Александр Николаевич" и "Василий Сергеевич", но в неформальной обстановке тут же становились Сашей и Васей.

Визит Мегабайта добавил ажиотажа - Василий Сергеевич осчастливил лабораторию своей новой оригинальной разработкой, превосходно вписывающейся в тему.

— Смотри, Николаич, - толковывал он Свиридову, - всё очень просто! Вам нужны новые молекулярные соединения? Их есть у меня! Атомов веществ не так много - фишка в

том, как собрать из них нужные молекулы. Какие реагенты, с какими катализаторами, при каком давлении и в каком температурном режиме - вариантов не так много, и все они поддаются алгоритмизации. Этот ящик, - Зелинский ласково похлопал блок процессора, - вопросов не задаёт. Он тупо перебирает варианты и выдаёт оптимальный - нужно только подсказать ему, как это сделать, то есть задать соответствующую программу. Помнишь, была такая играшка популярная, "Тетрис"? Народ ещё от неё тащился?

Саша кивнул.

— Там разные загогулины, - развивал свою мысль Вася-Мегабайт, - надо было крутить и так, и этак, чтобы они аккуратненько уложились в кладку - примерно по такому принципу и работает моя программа. Вам нужны строго определённые запахи - о'кей, ноу проблем! Стойкость - будет вам стойкость! Летучесть, температура испаряемости, и так далее - всё разрешимо! Скажите, что вам надо, а мы подберём, - Зелинский откинулся на спинку кресла, с изяществом музыканта перебирая тонкими пальцами кнопки клавиатуры. - Экономия времени и сил, да ещё какая! Останется лишь испытать полученные соединения на соответствие желаемому - и вперёд! Ну, что скажешь?

— Скажу, что это круто. "Головастый ты мужик, Вася..." - подумал Алхимик.

— Дык! Это вам не жук чихнул! Скажу больше, - Василий доверительно придвинулся к Свиридову, - на основе этой моей программы можно вообще перестраивать вещество, и не только на молекулярном, но и на субатомном уровне! Руководство к действию, так сказать. Надо только...

— Послушай, Сергеич, - перебил его Александр, - а какие у тебя планы на вечер? Уж полночь близится, то бишь конец рабочего дня, - он бросил взгляд на большие настенные часы, - пора бы Герману и в магазин сгонять? Хвала меценатам, деньги есть. Пойдём-ка ко мне - посидим за рюмкой чая, побеседуем. А там - по обстановке. Может, и на подвиги потянет.

Зелинский возражать не стал - они с Сашей действительно были друзьями, да и никаких особых задумок на этот вечер у Мегабайта не имелось. В конце концов, накатит блажь - вызвоним кого ни есть. Вечер - он длинный, а там ещё и ночь впереди. К тому же Василия распирало: ему хотелось поделиться своими новыми идеями, а в такой ситуации благодарный слушатель - первое дело.

У Александра Николаевича имелись свои соображения. Невзначай оброненная Васей фраза о перестройке вещества *вообще* сыграла роль триггера, запустившего в мозгу Алхимика целый каскад мыслей. Саша чувствовал, что вот-вот в его сознании оформится нечто очень важное, и не собирался упускать эту возможность. Именно поэтому он заранее сжёг мосты: перед уходом из лаборатории позвонил Регине и сообщил, что их сегодняшняя встреча, увы, отменяется - дела-с!

По тону голоса "своей девушки" он понял, что та удивилась, и испытал мелочное чувство "глубокого морального удовлетворения": "Теперь мы квиты. Пустьчок, а приятно".

В ближайшем магазине приятели затарились коньяком и фасованными закусками в нарезке, и через полчаса уже сервировали стол в холостяцкой квартире Алхимика.

После третьей рюмки "Бастиона" Мегабайта понесло. Вообще-то по жизни он был мужиком осторожным, но Саше доверял, а необходимость расслабиться и выговориться тем больше, чем реже предоставляется такая возможность.

— Ты прикинь, Сань, - витийствовал он, размахивая надкушенным ломтиком ветчины, - теперь уже не надо действовать вслепую, методом научного тыка! Мы знаем, что нам нужно, и конструктор "Лего" под рукой, только не ленись собрать! А инструкция по сборке - вот она, нате! - Вася широко взмахнул рукой в указующем жесте; при этом шмат ветчины едва не вклеился в дисплей компьютера. - Твои ароматизаторы - это так, семечки.

— Да, - согласился Александр, вновь наполняя янтарной жидкостью хрустальные патрончики, - твоя программа - это вещь. Алхимики душу бы дьяволу продали за такую книжку заклинаний.

— Дык! - Вася бросил ветчину и цепко ухватился за рюмку. - А я о чём!

— Но, - остудил его энтузиазм Саша, - нужна ведь ещё и технология.

– А, - отмахнулся Зелинский, - сие уже вторично. Автоклавы, химреакторы - арсенал достаточен. Контроль за режимами тоже компьютеризируется - надо только строго следовать рекомендациям.

– И ещё - энергия. Энергоёмкость процесса, которая в конечном счёте определит себестоимость продукции. А это, как тебе хорошо известно, мил человек...

– Эт да, - Мегабайт с неохотой вернулся из горних высей на грешную землю. - Как я понимаю Архимеда, Сань! Дайте мне точку опоры, и я переверну Землю! Вот и мне нужно то же самое. Дайте мне вдосталь энергии, и я перестрою не только молекулы, но и атомы!

"Да, принцип тот же самый, - подумал Алхимик, - бери протоны с нейтронами, комплектуй ядро, навешивай на орбиты электроны и получай любой элемент таблицы Менделеева - алгоритм построения апробирован. Вот только для обеспечения такой сборки нужен портативный термоядерный реактор, а ещё лучше - сжатый в точку водородный взрыв, вся энергия которого пойдёт на синтез. И мощность - всё РАО ЕЭС во главе с Чубайсом окажется на паперти с протянутой рукой, ежели возьмётся за это дело. Мечты, мечты, где ваша сладость..."

– Ладно, - утешил он заметно погрузневшего Васю. - Помозгуем. Нет повода впадать в уныние! Давай-ка выпьем за здоровье Архимеда!

Они незаметно приговорили две бутылки коньяка и приступили к третьей. За окнами стемнело, и состояние обоих друзей вряд ли можно было характеризовать как боеспособное - к тому времени, когда они естественным образом порешили, что для украшения их компании очень не хватает дам, реализация данной идеи уже перешла в разряд утопий. Вася сильно заплетающимся языком долго убалтывал по телефону какую-то Веру, не преуспел в этом многотрудном деле и с горя усугубил ситуацию ещё парой рюмок.

Зафиксировав изрядно затуманенным сознанием полное фиаско Мегабайта, Саша не счёл разумным звонить Регине. В итоге друзья допили коньяк в суровом мужском кругу и расплзлись по лежбищам. Зелинский сразу захрапел, а засыпающему Свиридову ещё успела пригрезиться странная картина...

...будто бы он сидел на корточках у гудящего пламени костра, подбрасывая в огонь разноцветные кубики из "Тетриса" и перемешивая их кочергой. И среди рдеющих угольев родился золотистый шар. Что это за шар, Алхимик так и не понял - уснул.

* * *

Приятели проснулись в одиннадцатом часу. Памятуя древнюю истину "Похмелье - вторая пьянка!", продолжать банкет они не стали. Приняли по очереди холодный душ, сняли с организмов тяжкий груз вчерашнего горячим кофе и выбрались на свет божий. Мегабайт, страстно жаждавший с бодуна женской ласки, помчался искать примирения с неприступной Верой, а Саша направил стопы к вокзалу. Денёк обещал быть славным, солнце уже вовсю полоскало свои лучи в разлёгшихся по тротуарам добротных лужах - зачем торчать в городе, когда через час-полтора можно оказаться в курортной зоне на берегу Финского залива? К тому же Александру хотелось порадовать мать приличной суммой заработанных денег, дабы пошатнуть устоявшееся у Зинаиды Матвеевны мнение, что её витающий в научных эмпиреях сын безнадежно застрял в безликой толпе сереньких неудачников.

Свиридов зашёл в магазин и потерял немало времени, загружая в объёмистую сумку изрядный запас продуктов. Он еле-еле успел на электричку (следующую пришлось бы ждать около часа) и не купил ничего почитать о приключениях очередного сэра Ванта или сэра Тификата среди злобных гоблинов. Сновавшие по вагонам торговцы в разнос не помогли решить эту проблему ("СПИД-инфо" не воодушевлял), и Саша коротал время, поглядывая на мелькающий за окном пейзаж и на попутчиков.

Его внимание привлекла газета, разложенная на коленях соседа по скамейке. "Последний алхимик или беззастенчивый авантюрист?" - гласил броский заголовок. Саша скосил глаза и прочёл набранное жирным шрифтом: "Извлекаю из Меркурия Солнце" - эта

вычурная фраза алхимиков в переводе на простой человеческий язык означала "получаю из ртути золото". Именно этим в течение веков и тысячелетий занимались поколения алхимиков, разыскивающих "философский камень". Среди этих людей были истинные фанатики, были самоучки, обогатившие науку реальными открытиями. Но были и "специалисты" иного профиля".

Текст заинтересовал Свиридова, однако читать было неудобно, а попросить газету не позволяла интеллигентская сущность Александра Николаевича. Он заметил название газеты - "Секретные материалы XX века" - и решил непременно купить этот номер при первой же возможности. "Что за алхимик такой?" - подумал Саша и вдруг понял, что эта мелочь тоже укладывается в цепочку, непрерывно выплетаемую его сознанием. И возникло ощущение чего-то очень важного, что обязательно должно случиться, причём в ближайшем будущем...

На даче Александра ждал сюрприз: войдя на веранду, он увидел сидевшую там Аню.

Отец и дочь не виделись несколько месяцев, и обрадовались друг другу - как бы то ни было, а кое-какая теплота в их отношениях уцелела. Аня с самого детства была куда ближе к отцу, чем к матери...

— Опаньки, кого я вижу! - широко улыбнулся Свиридов. - Ну, здравствуй, синичка!

Он чмокнул дочь в щёку и сел напротив. Внешне Аня почти не изменилась, разве что волосы обрели новый окрас - рыжеватый. В прошлый раз, помнится, она была платиновой блондинкой.

— Привет, па, - Аня сдержанно улыбнулась. - Как, ты уже осчастливил человечество эликсиром счастья?

— Почти, - в тон дочери отозвался Александр Николаевич. - Дело за малым: осталось найти источник финансирования и запустить продукт в серию.

— Это проблема - с тебя потребуют расчёт эффективности инвестиций.

Из комнаты появилась Зинаида Матвеевна, сдержанная и суровая - как всегда. Ей бы радоваться, что в кои веки она видит сразу и сына, и внучку, а нет - вьевшиеся в плоть и кровь привычки хозяйки-властительницы всё равно брали верх.

— Что-то ты похудел, Саша, - критически изрекла она, оглядев сына. - Опять, наверно, питаешься, когда придётся, и чем попало. А питание - это основа всего, потому что...

— Вот поэтому, мам, давай-ка перекусим - время второго завтрака. Я тут привёз кое-что, сейчас разберу сумку. "Мне твои нравоучения в печёнках сидят - сменила бы запись".

Аня промолчала, но по колющему блеску в глазах дочери Свиридов понял, что свою порцию нотаций от бабушки она уже получила. Надо полагать, Аня приехала на предыдущей электричке, минут сорок назад, - этого времени Зинаиде Матвеевне с лихвой хватит, чтобы своими безапелляционными высказываниями ввергнуть в состояние тихого бешенства даже каменную статую.

Алхимик вывалил на стол пакеты и банки, переориентировав таким образом внимание матери и направив её энергию в относительно мирное русло. Зинаида Матвеевна принялась сортировать продукты, сопровождая этот процесс малоодобрительным ворчанием, повод для которого она всегда могла найти без особых усилий. К счастью, засвистел чайник, да и ворчала мать вполголоса, не вступая в разговор отца с дочерью.

— Замуж не вышла? - спросил Саша, подумав при этом: "Нехорошо ты выглядишь, доча, - синева под глазками, морщинки в уголках глаз... А ведь лет-то тебе всего ничего - двадцать семь... Горек твой хлеб, синичка-Анечка...".

— Хожу иногда, - криво усмехнулась та. - Ненадолго, а потом назад возвращаюсь.

— Что так? Али перевелись на Руси добры молодцы для красных девиц? Или принца ждёшь на белом коне, или любви неземной?

— Любви? - девушка снова усмехнулась, на этот раз зло скривив губы. - Когда нужно мимоходом растопырить ноги перед очередным спонсором, или когда тебе вставляет не по-детски продюсер, от которого ты зависишь, о любви как-то не думается. В такой ситуации размышляешь, как бы не залететь или не подхватить триппер. А ты говоришь - любовь...

Несмотря на свои семьдесят восемь лет, Зинаида Матвеевна слух имела отменный, и по

её спине Саша безошибочно определил, что мать готова разразиться гневной тирадой о современных нравах, начав с традиционного: "Сами вы виноваты, девки бесстыжие! Вот когда я была молодой...". Такого поворота сюжета следовало избегать - Аня за словом в карман не полезет, а лексикон у неё такой, что пьяные грузчики замрут в немом изумлении. "Умение виртуозно изъясняться матом, - сказала она как-то отцу, - необходимо звезде шоу-бизнеса. Без этого - никак". Александр Николаевич не был согласен с такой точкой зрения, однако вынужден был признать существование данного явления. Если телевизионная речь девушек с ангельскими личиками, участвующих в каком-нибудь шоу-проекте, чуть ли не на половину заменяется характерными писками, трудно не согласиться с очевидным.

Поэтому Саша счёл за лучшее свернуть тему. Обстановка уже накалена - атмосфера предгрозовая. Ему совсем не хотелось, чтобы в ответ на зудение бабушки Аня взорвалась и уехала в город - когда ещё представится возможность поговорить по душам. А поговорить надо - похоже, им обоим есть что сказать друг другу.

Он отдал матери деньги, и этот ход оказался удачным - чаепитие прошло без острых конфликтов, тем более что Александр Николаевич перехватил инициативу, рассказывая об оживлении в НИИ. Правда, он умолчал о сути их новой темы, безошибочно спрогнозировав реакцию Зинаиды Матвеевны, - хватит и того, что мать уверена: сын при деле.

А по окончании "второго завтрака", не давая "домовластительнице" оседлать своего любимого конька и угробить на корню неплохо начавшийся день, Саша предложил дочери до обеда отправиться на пляж - погода хорошая, чего сидеть в четырёх стенах?

* * *

Они шли по дорожке среди дачных домиков, полускрытых молодой зелёной листвой, облившей ветви деревьев. Ближе к заливу дорога сделалась людной - суббота. Неспешно шествовавшую пару обгоняли, и Саша почти безошибочно читал мысли, сопровождавшие взгляды, бросаемые на них с Аней. В девяти случаях из десяти их принимали за любовников - почему-то мало кому приходило в голову, что это отец с дочерью. Женщины смотрели оценивающе: интересно, какой толщины кошелек у этого немолодого мужика, если рядом с ним идёт такая интересная и модно одетая девушка? А во взглядах парней проскальзывала зависть: надо же, старый пень, какую ляльку отхватил! Капусты, видать, немеряно - не за красивые же глаза она с ним прогуливается! Наверно, это было бы смешно, если бы не было так грустно...

Какое-то время они шли молча, а потом Аня сказала:

— Месяц назад я была у матери. В Германии.

— И как она там?

— Борется за своё личное светлое будущее. Ухаживает за своим полудохлым немцем и ждёт не дожждётся, когда же он наконец склеит лапы и оставит её безутешной, но состоятельной вдовой.

Александр развёлся с Людмилой в начале девяностых, когда НИИ прикладной химии дышал на ладан, сбережения превратились в пыль, а пресловутый "свет в конце тоннеля" не просматривался даже с помощью электронного микроскопа. Толчком к разводу послужил роман Людмилы с неким торговцем из одной бывшей солнечной республики развалившегося Союза, увлёкшим жену Алхимика призраком роскошной жизни. Дети остались у непреклонной бабушки - их мать, озабоченная устройством собственной судьбы, не слишком настаивала, к тому же её новый спутник жизни отнюдь не горел желанием заботиться о чужих отпрысках.

Но Людмиле не повезло - в скором времени её Размик перешёл кому-то дорогу, и конкуренты помогли ему окончить свои дни под колёсами "случайного" грузовика. Вернись она к мужу, Саша, наверное, простил бы блудную жену, однако ей самой помешала гордость, да и кремнёвая Зинаида Матвеевна и слышать не хотела "об этой вертихвостке".

Некоторое время Александр Николаевич ничего не знал о своей бывшей супруге. А

потом вдруг пришло письмо из Франкфурта, в котором Людмила сообщила, что она через брачное агентство вышла замуж за богатого немца, живёт в "цивилизованной стране", всем довольна и приглашает детей навестить любящую мамочку. Дмитрий так и не собрался в зарубежный вояж, идя своими кривыми тропками, а дочь ездила, и не раз. От неё-то Саша и узнал, как выглядит тот счастливый лотерейный билет, который выгащала его "бывшая".

"У них там не забалуешь, - рассказывала Аня. - Конечно, всё в шоколаде, да вот только такой гламур дорого стоит. Не то чтобы этот ветеран вермахта держит маманю в чёрном теле, однако воли не даёт. Брачный договор составлен хитро: чуть что - и мигом останешься на бобах. Будь добропорядочной бюргершей, то, сё, а уж о том, чтобы интрижку какую на стороне завести - и думать не моги! Ихние адвокаты самый невинный флирт превратят в злостный адюльтер, так что мать сидит и не питюкает. Несладко, блин, - этому её герою Второй Мировой очень хорошо за восемьдесят, и последний раз он занимался любовью лет этак пятнадцать назад. Вот мать и молится всем богам, чтоб поскорей прибрали её благоверного, да пускает слюни на сочных мужиков - годы-то идут! А Дитрих этот живуч, зараза, - не пришибли его в своё время в лесах Белоруссии. Не взял тогда русскую пленницу мечом, так теперь купил по сходной цене. И всё ведь понимает, гад, - ни одна немка в такой блудняк не вписалась бы! Вот и нашёл себе дуру с Востока...".

— А как она выглядит? - спросил Александр Николаевич, прервав воспоминания.

— Да нормально, в общем-то. Макияж, косметика, всё такое, да и жизнь спокойная. Добилась она, чего хотела, - можно сказать, счастлива. Про тебя спрашивала, - Аня искоса посмотрела на отца, - но не так, чтоб очень заинтересовано...

"Да, милая Мила, разошлись наши с тобой стёжки-дорожки... И никто не виноват, если подумать да разобраться... Это ведь только в сказках бывает: жили долго и счастливо, и умерли в один день...".

— Счастлива - это хорошо, - спокойно подытожил Алхимик. - Счастье - оно ведь для каждого своё. Верно, синичка?

— Так-то оно так, да вот только, - девушка неопределённо пожала плечами, - полного счастья всё равно не бывает. Разве что денег будет выше крыши...

Они вышли на пляж и побрели к воде, сняв обувь и утопая по щиколотку в тёплом песке. На невысоком пригорке остановились; Александр расстелил прихваченную с собой подстилку, скинул куртку и сёл, жмурясь на яркое солнце. С залива дул лёгкий ветерок, неподалёку гомонила молодёжная компания - оттуда тянуло запахом горячих шашлыков. Аня сняла ветровку и рубашку, оставшись в джинсах и лифчике от купальника, и улеглась на живот, провожая взглядом вертолёт, описывающий над заливом широкие круги.

"Красивая всё-таки девчонка получилась, - подумал Саша, взглянув на стройное тело дочери, - была б только счастливой. Как говорится, не родись красивой...".

Он закурил и хотел было что-то сказать, продолжая начатый разговор, но в это время в сумочке у Ани раздалась трель мобильного. Девушка посмотрела на высветившийся номер и поморщилась:

— Достал, блин... Да, - произнесла она, поднося маленький пластмассовый брусок к уху. - Я слушаю.

Некоторое время она слушала, и Александр Николаевич ясно различал раздражение, плещущее в глазах дочери.

— Нет, Стас, - сказала она наконец, - сегодня никак. Нет. Завтра? Не знаю, не знаю. Я перезвоню. Всё-пока.

— Очередной поклонник?

— Очередной вешатель лапши, - бросила Аня, складывая телефон. - Якобы основатель якобы сногшибательного нового проекта, якобы обречённого на успех. Набирает команду, и зовёт меня к себе.

— А ты?

— Мне не восемнадцать лет, папа, - девушка устало вздохнула. - Ещё лет пять назад я бы поверила в эти розовые горизонты, а теперь... Этот новоиспечённый гений, раздобывший

каким-то макарон кучу бабок и мечтающий их удвоить... Видали мы таких - гонору много, а за душой ничего и нет. И к тому же он хочет, чтобы я под него легла, - авансом, так сказать, в счёт будущих сумасшедших дивидендов... Господи, как они мне все надоели! - Она снова растянулась на подстилке и уткнулась лицом в скрещенные руки.

- Послушай, Анечка-синичка, - Алхимик осторожно коснулся ладонью встрёпанных волос дочери, - почему бы тебе не бросить всё это, а? Тебе не двадцать, это верно, - что, так и будешь до сорока прыгать в подтанцовке? Не выйдет - съедят гораздо раньше. Ну нет у тебя таланта певицы - зачем же биться лбом об стену?

- Талант? - Аня рывком повернулась и села. Убрала нервным движением упавшие на лицо волосы и обожгла отца злым взглядом. - Кому он на хрен нужен, этот твой талант? Ты можешь назвать среди нынешних звездюлек хоть одну по-настоящему талантливую? Прухавезуха нужна - это когда удаётся попасть в струю и раскрутиться! Талант... Продюсерам нужны не талантливые, а покладистые и понимающие, что звёзды не загораются сами - их зажигают фонарики! А твоё дело - суметь себя подать, пробиться и доказать, что ты лучше других претенденток сумеешь носить товарный штрих-код и отрабатывать - с хорошей прибылью! - вложенные в тебя деньги! А ты - талант... - Она вынула сигарету и закурила.

"Эх ты, девочка-синичка, - с горечью подумал Александр Николаевич, - пообжигала ты себе пёрышки, факт...". Он внимательно всмотрелся в лицо дочери, в горячий блеск её глаз, и ему стало не по себе - он понял, что огонь зацепил не только пёрышки, и что его маленькая Анечка неотвратимо сжигает сама себя. Наверняка и к травке пристрастилась, если не к чему-нибудь похуже...

- И потом - ну куда я пойду со своим дипломом? К тебе в лабораторию - колбы мыть? Так мне вашей нищенской зарплаты даже на классный тональный крем не хватит! - Аня глубоко затянулась, свободной рукой пересыпая песок. - А в шоу-бизнесе можно заработать настоящие деньги - такие, что... Да и привыкла я ко всей этой бодяге... - закончила она с ноткой безнадежности в голосе. - Втянулась. Не знаю, как буду жить, когда меня спишут в тираж...

- Послушай, Аня, а зачем тебе большие деньги?

- Что-то я не поняла, - девушка недоумённо подняла брови. - До маляж тебе вроде бы ещё далеко - что за такой странный вопрос? Коммунизм, ожиданием которого жило твоё поколение, не построен - это известно всему прогрессивному человечеству. И кусок хлеба в магазине тебе дадут только в обмен на презренный металл или на соответствующим образом раскрашенную бумажку, разве не так?

- Ты меня и в самом деле не поняла. Я спросил не просто деньги, а *большие* деньги. Что изменится, если у тебя будет много этих раскрашенных бумажек? Небо станет другого цвета, или солнце будет светить только для тебя одной, или все эти люди, - Саша махнул рукой в сторону весёлой компании с шашлыками, - падут перед тобой ниц и воспоют тебе осанну?

- Насчёт неба и солнца не знаю, а вот люди - люди точно станут другими. Они будут лебезить перед тобой, будут смотреть на тебя снизу вверх - только потому, что у тебя много-много этих самых бумажек.

- Ты в этом уверена?

- Уверена, - Аня смяла окурок и зарыла его в песок. - Твоё поколение не в счёт - вы там через одного блаженные. Тяжёлое наследие социализма... А вот мы - мы другие. Отец, ты же умный мужик, неужели ты до сих пор не понял - всё продаётся, и всё покупается, и хозяин жизни тот, у кого больше бабок! Так живёт весь мир! А что касается неба - думаю, что если иметь много денег, то можно и небо перекрасить. Заменить этот похабный голубой колер на зелёный в горошек... Вот было бы клёво!

- Ну, это вряд ли...

- А это уже неважно. Главное - с деньгами ты будешь на коне и получишь всё, что захочешь. Вот ты, например, - давно бы завёл себе молоденькую бабёшку, да финансы не позволяют! Совсем одичал - вон, даже небрит, и рубашка мятая. Эх ты, химик-идеалист,

анахорет замшелый...

"Лихо ты перевела стрелки, доча, - подумал Алхимик. - Мол, не зуди, папаня, не исполняй сольный номер в стиле бабушки, не учи меня уму-разуму, если сам на обочине... Но ведь не меня ты убеждаешь, синичка, а себя...". Ему вдруг захотелось взять Аню за руку и сказать: "А пойдём-ка с тобой в зоопарк! Там мы посмотрим на зверей, и я куплю тебе мороженое...". Но тут же он оборвал себя - его дочь давно уже не та маленькая девочка, и на зверей она насмотрелась вдоволь, причём не в клетках, а на вольном выпасе, на подиумах и за кулисами, в ресторанах и в элитных саунах. Машину времени никто пока не изобрёл, да и вряд ли когда изобретёт - в далёкое детство уже не вернуться...

* * *

"К хорошему привыкаешь быстро, - размышлял Александр, щёлкая мышкой. - Когда-то всё расчёты делались в институтском вычислительном центре, на громоздких монстрах, пожирающих тонны перфокарт и отплёвывающихся километровыми языками распечаток... А когда появились первые персоналки, народ из всех отделов собирался поглазеть на эту диковинку да погонять в рабочее время какую-нибудь мультипликационную игру с забавным человечком. На них работали с дискетами - компакт-диски появились позже... Дисплеи с электроннолучевыми трубками - они давно стали анахронизмом и повымерли неуклюжими динозаврами, уступив место жидкокристаллическим экранам. Вон, в Австралии и Японии уже собираются запускать в массовое производство лазерные телевизоры, куда экономичнее и качественнее плазменных. Наука умеет много гитик... А Сеть? Выдаст любой справочный материал - не надо рыться в пыльных библиотеках! Конечно, много мусора, и к выложенной в Интернете информации надо подходить с осторожностью, и всё-таки - не сравнить...".

Да, мусора в Мировой Паутине было предостаточно - требовалась определённая степень самодисциплины, чтобы не обращать внимания на интригующие заголовки. Туда только занырни - потом рад не будешь.

Свиридов работал целенаправленно, не отвлекаясь на всякую сетевую мишуру. Его подчинённым длительные погружения завлаба в Интернет казались вполне естественными - а как же иначе? Алхимик копает, ищет любые крохи информации, каковая может оказаться полезной для их темы, - всё правильно. И никто из его ребят даже не подозревал, что Саша разыскивает в Сети ответы на вопросы, никоим образом не касающиеся ароматизаторов для механических контрацептивов.

На эту страничку он наткнулся случайно, хотя, как известно, случайностей не бывает. Открыл, скользнул взглядом по диагонали, и... задержался. Что-то привлекло его внимание, а вот что именно - заведующий лабораторией молекулярного синтеза Александр Николаевич Свиридов вряд ли смог бы ответить. Как бы то ни было, он стал читать.

Нет в мире вещи более мистической, чем зеркало... Его таинственные свойства привлекают серьезных ученых и сказочников, оккультистов и колдунов. В трудах учёных о зеркалах есть что-то от сказки, а мистические изыскания эзотериков с интересом читают ученые...

"Будем считать, что ещё один учёный прочёл эту мудрую сентенцию, - мысленно усмехнулся Алхимик - Ну-ну...".

Известно, что легендарный граф Калиостро, которого одни считали авантюристом, а другие адептом тайных наук, часто проделывал трюки с зеркалами. Он ставил их таким образом, что исчезал из поля зрения наблюдавших за ним. И когда однажды в Петербурге личностью графа заинтересовался всесильный князь Потемкин, приславший к нему на сеанс полицию, то помощники Калиостро без всяких шуток ответили пришедшим: "Граф в грядущем!" И - указали на систему зеркал, в которой "растворился" удивительный итальянец. Естественно, что тогда это приписали трюкачеству ловкого гастролера, сумевшего так расставить зеркала, что человека нельзя было увидеть...

"Уэллс перевернётся в гробу - сочинял про машину времени, а оказывается, ушлый

сеньор Калистро построил действующую модель этой машины ещё в восемнадцатом веке!"

Спустя два с лишним столетия после описанных событий российский исследователь Тибета Эрнст Мулдашев невольно реабилитировал непонятого и оклеветанного графа. Он написал: "Каменные зеркала Тибета могут сжимать время..."

"Мулдашев, Мулдашев, Мулдашев... Что-то я слышал об этом человеке - кажется, что-то связанное с неким чудодейственным препаратом, регенерирующим живые ткани. Но при чём тут зеркала?"

...мудрецы прошлого предупреждали, что в самом конце двадцатого столетия человечество столкнется с такими открытиями, которые перевернут наше представление о мире, в том числе и о времени.

"Так, теперь здесь не хватает только цитат из Нострадамуса!" - подумал Саша. И тем не менее, он уже понял, что дочитаёт всё до конца, несмотря на всю свою иронию.

...академик Козырев сделал зеркало, которое меняет ход времени. Он считал время не абстрактным понятием, а конкретной энергией, способной или концентрироваться (тогда время "сжимается"), или распространяться (тогда время "растягивается").

"Стоп! Энергия! О природе времени с философской, физической и метафизической точек зрения можно поспорить - единого взгляда на сей предмет не существует, - однако заветное слово "энергия"... Все процессы во Вселенной сопровождаются энергообменом и переходами энергии из одной формы в другую. Процессы... А в чём суть выражения "бег времени"? Это же именно процесс! Значит... Значит, правомочен вопрос: а не обладает ли время собственной энергией? И... нельзя ли получить доступ к этой энергии?"

...люди, побывавшие внутри зеркал Козырева, чувствовали головокружение, страх, переносились в свое детство. Это объясняется тем, что они буквальным образом погружались в энергию, именуемую временем.

"Так... Машина времени нам как-то без надобности, а вот керосинчик с этой машины неплохо бы слить, да заправить им наш примус..."

...зеркала Козырева не превышали высоты в два-три метра. А каменные зеркала Тибета, по свидетельству Мулдашева, размером с двухкилометровую гору. Размещенные определенным образом по отношению друг к другу, они и создают желаемый эффект "машины времени"...

"Два километра... Далеко не портативный аппарат получается - спрятать его будет несколько, гхм, затруднительно..."

Дальнейшие леденящие душу истории - об альпинистах, забравшихся вопреки предостережению тибетских лам на священную гору, попавших там под действие каменного зеркала и за один год постаревших и умерших, а также о гигантском подводном зеркале на дне океана в районе Бермудского треугольника, способном искривлять пространство и зашвыривать корабли и самолёты в иные измерения, - Свиридов просмотрел бегло. Сознание Алхимика выцепило из текста главное, ключевое слово - *энергия*, а также то, что вогнутые зеркала *могут служить концентраторами* энергии времени. Чувшь? Может быть... А если попробовать? В конце концов, многие великие открытия рождались из самых что ни на есть сумасшедших предположений!

"Энергия времени... Зеркала... Но два километра - это же ни в какие ворота не лезет, даже в Нарвские!"

Он отвёл глаза от дисплея, и тут заметил Юлю. Девушка стояла возле его стола, тихая, как мышка, - весь штат его лаборатории очень хорошо знал, что когда Алхимика "осеняет до посинения", к нему лучше не лезть.

— Александр Николаевич, - робко сказала лаборантка, поймав его взгляд, - мы там только что закончили серию опытов. Результаты интересные - хотим вам показать.

— Спасибо, Юля, сейчас подойду.

Он свернул открытые веб-страницы и поднялся. "Хорошо всё-таки быть начальником! Главное - организовать и направить, а уж дальше... Процесс пошёл - реакция стала саморазогревающейся. А я - я могу заниматься *настоящим* делом. И теперь я точно знаю,

что чувствует охотничья собака, наконец-то выследившая притаившуюся в кустах дичь!".

* * *

Мысль, пронзительная и яркая, сработала лучше любого будильника и мгновенно вырвала Алхимика из тёмного мира снов. Несколько секунд он лежал неподвижно, а потом осторожно выбрался из-под одеяла. Регина сонно вздохнула, и Саша замер - ему совсем не хотелось её будить. Он подождал ещё немного - нет, женщина безмятежно спит, - подобрал валявшийся на полу халат, накинул его и, тихо ступая, вышел из комнаты.

Регина позвонила ему вчера на работу и заявила, что придёт к нему в гости - они не виделись уже одиннадцать дней. Прежде чем Александр Николаевич успел что-либо сказать в ответ, она добавила, что если у него опять какой-то чрезвычайно важный симпозиум со светилами мировой науки химии, то тогда пусть он и дальше двигает вперёд прогресс, но при этом напроць забудет номер её сотового, дабы не отвлекаться от проблемы счастья всего человечества на всякие пустяки.

Саша сдался без боя. Он привык к "своей девушке" за несколько лет их своеобразного романа, да и одиннадцать дней - это немало; Алхимик явственно ощущал в своём организме некий, гм, дискомфорт.

Регина явилась к нему во всём великолепии современной женщины, располагающей средствами и знающей о последних изобретениях в области оружия массового поражения, именуемого женской привлекательностью. Мельком взглянув на заботливо сервированный Александром стол, она деловито скинула юбку и жакет и уволокла Свиридова на раскинутый диван с завидной целеустремлённостью.

Они трапезничали в полуодетом состоянии, а на десерт вновь залезли в постель, где Регина ещё раз подтвердила старинную народную мудрость "Потому что в сорок пять - баба ягодка опять!". "Ягодка" оказалась весьма сытной; они заснули обнявшись, и наверняка так и спали бы до утра, если бы не ослепительно яркая мысль, разбудившая Сашу посреди ночи.

"Мог бы и раньше сообразить, - подумал Алхимик, закулив сигарету и прикрыв дверь на кухню, чтоб дым не шёл в комнату, где спала его любовница. - Это же элементарно, Ватсон! Обыкновенный каскад - принцип фотоумножителя! Раздробим одно гигантское зеркало на множество маленьких, последовательно фокусирующих поток энергии! Конечно, придётся повозиться с расчётами, чтобы результат был аналогичен эффективности одного зеркала, но сие разрешимо... Да, угол наклона зеркал и их взаимное расположение должно регулироваться для компенсации неизбежных погрешностей. И нет необходимости ставить зеркала в одну линию - пусть перекрывают друг друга, мы ведь имеем дело не с оптическим лучом! А многослойная конструкция - это же какой выигрыш в размерах! В эти ворота не то что два - двенадцать километров пролезет! А выглядеть это будет примерно так...".

Он поискал хоть какой-нибудь клочок бумаги и карандаш, не нашёл, чертыхнулся и выдвинул ящик кухонного стола в надежде найти что-то подходящее там, среди старых квитанций и чеков, бережно хранимых Зинаидой Матвеевной. Свет Алхимик не зажигал, и потому ненароком зацепил локтем стоявшую возле мойки пустую чашку. Подчиняясь закону всемирного тяготения, чашка хряпнулась на пол и по законам сопромата тут же раскололась на куски. Саша задумчиво воззрился на белые осколки, усеявшие линолеум. "Они похожи на маленькие вогнутые зеркала... Чашка - одно большое зеркало, а её обломки - это...".

Довести свои размышления до стадии логических умозаключений он не успел. Дверь приоткрылась, и темнота спросила голосом Регины:

— Ты чего не спишь?

В дверном проёме появилась её полуобнажённая фигура, смутно различимая в свете уличных фонарей, проникавшем в щель между оконными занавесками. "Русская амазонка" завернулась в простыню, но так - конечно же, чисто случайно! - что это импровизированное платье куда меньше прикрывало, чем оставляло открытым.

— Мне холодно одной, - сказала она с требовательной интонацией. - Ты что, решил

совсем заморозить бедную девушку? Женщин надо греть, знаешь такое правило, нет? Идём, нечего тут стоять...

"Вот ведь змея-искусительница! - невольно восхитился Александр Николаевич, зацепив взглядом грудь и бедро Регины - этим частям её роскошного тела явно было тесно под небрежно накинутой простынёй. - Опыт - великое дело! Умело полураздетая женщина в интимном полумраке смотрится куда эротичнее, чем голая - это вам не кружевными трусами в автобусе хвастаться!"

Он вздохнул, аккуратно переступил через раскиданные по полу осколки фарфора и пошёл вслед за Региной в комнату, служившую ему в летний период и гостиной, и спальней.

* * *

— Сколько? Двести сорок штук? - Кулибин озадаченно поскрёб за ухом. - Эх ты замахнулся, Николаич... А материал какой?

Слесарь-механик Георгий Иванович, обслуживавший лабораторию молекулярного синтеза с незапамятных "дореволюционных" времён, именуемых ныне "расцветом застоя" или "застоем расцвета", полностью соответствовал своей фамилии. Маленький, крепенький, словно гриб-боровик, с цепкими глазками, замаскированными кустистыми дебрями седых бровей, он принадлежал к той породе рукастых народных умельцев, каковые издавна водились на Руси. Иногда его ещё называли "Левшой" за привычку повторять присказку из одноимённого мультфильма: "Мы люди бедные, мелкоскопа не имеем, так что так, на глазок прикидываем...", хотя для его исчерпывающей характеристики было более чем достаточно удачной фамилии.

Ходил он в старенькой спецовке, бережно сохраняемой и чистенькой, упорно не желая сменить её на новомодный комбинезон, в которых щеголяли другие институтские механики, и производил впечатление обстоятельности и надёжности. "Если Иваныч сказал: "Сделаю", значит, так оно и будет!" - эта аксиома в стенах НИИ прикладной химии никем и никогда не подвергалась сомнению. Он умел всё, в том числе и собрать установку для уникального эксперимента из абсолютно бесполезного на первый взгляд хлама - эти навыки развились у Кулибина ещё в те времена, когда всё и вся в стране под названием Советский Союз являлось предметом острейшего дефицита.

— Да, Георгий Иваныч, двести сорок, - подтвердил Свиридов, мысленно добавив: "...хотя вообще-то мне нужно на порядок больше - как минимум. Но это потом, потом - для начала хватит и этого". - Размеры, форма и общий вид модели - вот, - Александр зашуршал распечатками, запечатлевшими плод его многодневных прикидок и расчётов.

— Угу... Такая, значит, хреновина, - изрёк Левша, разглядывая чертёжи.

— А материал... Что-нибудь полегче, Георгий Иваныч, - например, наш прозрачный металлизированный пластик - тот, что запустили в серию в прошлом году, помнишь? "Не таскать же мне потом эти сотни килограммов с работы домой в хозяйственной сумке...". Да, и все зеркала должны крепиться с двумя степенями свободы - для настройки в двух плоскостях. И ещё - зеркалам нужна односторонняя светопроницаемость. Как у тонированного стекла, понимаешь?

— Да, Александр Николаевич, задал ты мне задачку, - пробормотал Кулибин. - Тут точить-полировать до морковкина загovenья... И когда тебе всё это нужно?

— Вчера. А если без шуток, то чем скорей, тем лучше. Сам понимаешь, наш заказ под личным контролем Никодимова - в кои веки шанс появился.

— Хе... Ты хочешь сказать, Николаич, что этот хитрый агрегат - для твоих ароматных резинок? Чтоб, значит, лучше пахли, - в глазах механика мелькнул насмешливый огонёк. - Ну-ну... Не иначе как ты машину времени решил соорудить, да сбежать на ней от нашего светлого настоящего к чёрту на рога, а?

Свиридов выдержал испытующий взгляд Кулибина. "Пусть думает, что хочет, лишь бы сделал. Ну и чутьё у нашего Левши - ведь почти угадал, шельмец!"

– Ты, Георгий Иванович, не сомневайся, - Саша постарался, чтобы это прозвучало как можно внушительней, - оплата тебе пойдёт по высшему тарифу. Финансируют нашу тему неплохо, а уж как по смете провести - что нам, впервой эти самые к бороде притягивать? На тебя вся надежда - нужна мне эта штука, понимаешь? Очень.

– Ладно, чёрт языкастый, ты и мёртвого уговоришь, - буркнул Левша, сворачивая бумаги. - Сделаю, Александр Николаевич.

Магическое слово прозвучало, и Алхимик облегчённо вздохнул. Оставалось ещё как-то запудрить мозги Никодимову - конструкция-то выйдет не с иголку величиной, заметят! - но главное - Кулибин берётся за это дело. И соль не в деньгах за труды праведные, а в том, что механик заинтересовался странным заказом. К тому же в довесок к сообразительности и к золотым рукам Георгий Иванович обладал типично русской чертой характера: природной оппозиционностью к любой власти. Ещё в эпоху борьбы с пьянством и алкоголизмом он втихаря изготавливал в мастерской НИИ элегантные малогабаритные самогонные аппараты, хотя сам никогда не увлекался спиртным, вопреки расхожему представлению об этой присущей каждому истинно русскому человеку порочной склонности. Причина была в том, что Иваныч считал антиалкогольную компанию полным идиотизмом и по мере сил старался исправить ошибку властей. Старый слесарь на основе своего богатого жизненного опыта пришёл к выводу, что пустой говорильней ничего не добьёшься - надо делать дело, пусть даже маленькое, но реальное. И делал.

Кулибин безошибочно уловил, что Свиридов замыслил что-то необычное. Левша знал Алхимика четверть века и уважал - в первую очередь за его переходящую в одержимость увлечённость *делом*. Над проектом "Аромат любви" посмеивался чуть ли не весь институт, включая самих разработчиков темы, так почему бы не помочь вынужденному заниматься эдакой мутотенью хорошему человеку сделать что-то действительно стоящее?

* * *

Лето было в разгаре. Запираться в такую погоду от свежего воздуха казалось просто кощунством, и все окна лаборатории были распахнуты, невзирая на надоедливый тополиный пух, так и норовящий забраться в самые потаённые уголки.

Но сегодня на эти липучие белые пушинки никто не обращал внимания - лаборатория праздновала "трудовую победу", как выразился Никодимов, так и не отвыкший полностью от речевых анахронизмов.

Разработанные командой Свиридова ароматизаторы оправдали надежды инициаторов проекта. Новинка произвела заметный эффект на рынке, и компания "Эйч-Эл-Пи" радостно подсчитывала прибыль. Институту прикладной химии и конкретно лаборатории синтеза перепало от щедрот довольных заказчиков, и по этому поводу решено было устроить банкет для виновников торжества.

Варианты рассматривались разные - от снятия какого-нибудь загородного ресторана до организации фирменной корпоративной вечеринки в конференц-зале НИИ с выездным VIP-обслуживанием, однако Александр Николаевич сумел зацепить ностальгические струны в душе директора и уговорил Антона Степановича устроить дружный междусобойчик прямо в лаборатории, причём непременно в рабочее время, как в былые годы.

Конечно, до питья портвейна из мензурок дело не дошло: времена всё-таки другие. Официантки из институтской столовой (при деятельном участии женской половины штата лаборатории) за пару часов сервировали вполне приличный стол, украшенный элитными напитками, нещадно отгоняя от него излишне ретивых помощников, непременно желавших снять пробу.

Официальная часть была короткой, но содержательной.

– Дорогие коллеги, - начал директор, когда суeta улеглась, и народ рассредоточился по помещению, поглядывая на уставленный разнокалиберными блюдами и бутылками стол, - друзья! Вы сделали... - тут он запнулся, подыскивая нужные слова, которые не прозвучали

бы двусмысленно. - Поздравляю - вы подтвердили высокую репутацию нашего института. А теперь я предоставляю слово представителю филиала концерна "Health, Life and Pleasure" в России господину Агрозкину. - Никодимов повернулся к темноволосому человеку в деловом костюме. - Прошу вас, Яков Михайлович.

— Господа, - начал тот хорошо поставленным баритоном. - Потребительский рынок - а это основной индикатор эффективности любого начинания - по достоинству оценил вашу работу. Успех полный! Наша продукция, модифицированная с вашей помощью, продаётся по всему миру и пользуется большим спросом. Наш отдел по связи с общественностью получает множество изъятий благодарности - нам пишут и звонят молодожёны, супруги со стажем, тинэйджеры и даже представители сексуальных меньшинств. Да, да - эта наша новая продукция понравилась всем, очень понравилась! Я с глубочайшей радостью могу вам сообщить, что многолетний контракт корпорации "Эйч-Эл-Пи" с вашим институтом уже подписан. Мы не намерены останавливаться на достигнутом - рассматривается возможность применения ароматизаторов в изделиях из ассортимента секс-шопов. А это миллионы новых покупателей - мы уверенно лидируем на этом рынке!

"Нет, это не бред, - обречённо подумал Алхимик, заметив алые пятна, проступившие на пергаментном лице Никодимова, - это уже шизофрения! Женщины должны любить мужчин и рожать детей, а не самоудовлетворяться при помощи вибраторов и искусственных фаллосов с ароматом цветущих роз! И мужчины должны любить женщин, а не тыкать друг друга в грязные дырки, предназначенные природой совсем для другого!"

— Я уполномочен выполнить приятную обязанность, - господин Агрозкин сделал жест фокусника, извлёк из внутреннего кармана пиджака пачку конвертов и высоко поднял её над головой, - вручить всем сотрудникам вашей лаборатории премию от фирмы за успешно выполненную работу. Прошу вас, господа.

Последовало оживление в зале - Яков Михайлович читал фамилии, и бойцы команды Свиридова один за другим получали плотные белые прямоугольники. Саша заметил, как округлялись глаза тех, кто украдкой заглядывал внутрь, и понял, что содержимое конвертов впечатляет.

"Да, - признал Александр Николаевич, - работать они умеют. Проскочить все этапы разработки проекта от замысла до внедрения в столь сжатые сроки - нам такое и не снилось. Экономика на золотом допинге - это спортсмен, изумляющий суровых судей и срывающий аплодисменты публики. Правда, остаётся вопрос о побочных эффектах допинга, но поисками ответа на этот вопрос никто особо не заморачивается..."

— А для вас, господин Свиридов, - услышал он, - приготовлен персональный подарок. - Господин Агрозкин сделал эффектную паузу. - Ключи от автомобиля "лексус"! Машина, - Яков Михайлович величественно повёл рукой в сторону раскрытого окна, - стоит во дворе института и ждёт своего владельца! Поздравляю вас, Александр, и надеюсь на продолжение нашего с вами плодотворного сотрудничества.

— Я... Спасибо, - смущённо пробормотал заведующий лабораторией на фоне тихого и восхищённого всеобщего "ого-го-го..."

Неофициальная часть оказалась куда более продолжительной - пили, ели, шутили, смеялись. Свиридов наблюдал за выражением лиц своих подчинённых и видел, что его люди искренне довольны. "Ещё бы, - подумал он, - заработать такие деньги за считанные месяцы. Но кто сможет осудить моих ребят и девчонок за то, что они хотят хорошо одеваться, жить в хороших квартирах и ездить на курорты? Они честно выполнили порученную им работу, и за эту работу им хорошо заплатили - кто будет ломать себе голову над сутью этой работы? Надо жить и радоваться жизни, а ты - ты просто старый брюзга, Алхимик..."

Улучив момент, он подошёл к Никодимову.

— Антон Степанович, у меня есть к вам одно предложение.

— Слушаю вас, Александр Николаевич, - с готовностью отозвался директор.

— Мне эта машина, честно говоря, как петуху тросточка. Возить мне на ней некого, да и не люблю я, признаться, это дело. Кататься по нынешнему Питеру на автомобиле - тот ещё

спорт. Ни проехать, ни припарковаться, да ещё гадать при этом, что случится раньше - ты в кого-нибудь врежешься или тебя помнут? Нельзя ли перевести этот чёртов "лексус" на баланс института - пусть будет служебным, - а я бы взял деньгами?

Никодимов не успел ответить - рядом с ними возникла Юля, появилась мгновенно и бесшумно, словно по мановению волшебной палочки. В руке она держала недопитый бокал с шампанским, и, судя по её раскрасневшемуся лицу, бокал этот был далеко не первым. Да и не стала бы скромная лаборантка, пребывая в трезвом уме, запросто вмешиваться в разговор мэтров - пусть даже в неформальной обстановке.

— Как это некого возить, Александр Николаевич? Вы теперь на коне - к вам теперь выстроится целая очередь претенденток на вашу благосклонность! Жених с "лексусом" - это звучит гордо! - Глаза девушки азартно блеснули. - Ваше здоровье!

— Что-то я пока не наблюдаю никакого столпотворения под окнами своей квартиры, - отшутился Саша.

— Будет! - безапелляционно заявила Юля. - Земля слухами полнится! Информация о резком росте вашего благосостояния ещё не дошла до наиболее активной части женского населения Санкт-Петербурга. Погодите, вы ещё прятаться будете от настырных поклонниц!

"Земля шлюхами полнится, - мрачно подумал Свиридов. - Я бы предпочёл, чтобы любили меня, а не мои деньги. Вот такой уж я обскурант... Можно, конечно, последовать примеру приснопамятного герра Дитриха, заполучившего жену-сиделку, но меня это как-то не особо воодушевляет...". Он хотел было одёрнуть Юлю, но передумал. Шалит девочка, ну и пусть себе шалит. За те три года, которые девушка проработала в его лаборатории, Саша ни разу не сумел понять с ходу, когда она шутит, а когда говорит серьёзно. Не мог он и понять, почему Юля вообще застряла в институте. Химия - явно не её призвание, перспектив не просматривается. А должность лаборантки - это же курам на смех: ни денег, ни славы. Правда, Юлю здесь ценили за лёгкий характер и за умение выступать в роли ингибитора любых конфликтов, но о себе-то ведь ей тоже стоит подумать!

И тут его осторожно взяли за рукав.

— Александр Николаевич, вас к телефону.

— Вот же балбесы, - сердито фыркнул завлаб. - Ведь предупредил же я коммутатор, чтобы не переводили к нам звонки. Праздник у нас, гуляем, все ушли на фронт!

И услышал в ответ чуть виноватое:

— Это из милиции, Александр Николаевич...

* * *

Человек в зеленоватой куртке и в такого же цвета шапочке привычным движением отдёрнул простыню.

— Узнаёте? - спросил следователь.

В первый миг Свиридов чуть было не сказал "нет" - лицо молодого парня, лежавшего на оцинкованном столе морга, показалось ему абсолютно чужим и незнакомым, никогда ранее не виденным, но уже в следующую секунду Александр Николаевич понял: да, это он. Дима. Сын. Просто лики мёртвых иногда очень сильно отличаются от лиц живых...

— Да, - хрипло произнёс Саша. - Узнаю.

У него запершило в горле, и сильно защипало глаза - наверно, это от резкого запаха формалина, витавшего в залитом холодным светом люминесцентных ламп помещении.

— Дмитрий Александрович Свиридов, восьмидесятого года рождения?

— Да.

"Дима... Когда мы с тобой виделись в последний раз? Три года назад, мельком... А ты совсем не изменился, сынок... И та же родинка над левой бровью... Только вот не было над правой бровью этой страшной чёрной дырки...".

— Эта публика частенько пользуется чужими документами, - объяснил следователь, когда Саша расписался в акте опознания трупа, - нам надо было удостовериться.

– Как это случилось?

– Обычное дело, - следователь пожал плечами. - Столкнулись интересы двух групп наркоторговцев. Делёжка сфер влияния и рынков сбыта называется. Постреляли немного, в итоге - шесть трупов, - молодой парень в форме говорил равнодушно, для него эти разборки давно уже сделались рутинным понятием. - Вы свободны, Александр Николаевич. Если нам потребуется ещё что-то уточнить, мы вам позвоним.

"Вот и всё... - подумал Свиридов. - Ну да, обычное дело. А ты что, ждал выражений соболезнования? Это для тебя Дима сынок, кровиночка, а для других он - "эта публика". Застрелили бандита - туда ему и дорога! Какая причина для всенародной скорби? Сколько таких вот молодых парней ежедневно гибнет на дорогах, от несчастных случаев и в горячих точках? Оплакивать всех - времени не хватит...".

В крематории они были только втроем: Аня, Зинаида Матвеевна и сам Свиридов. Он ждал появления на похоронах крутых парней на "джипах" и "мерседесах", однако никто из "соратников" его сына так и не явился - надо полагать, у них на то имелись свои резоны.

Зинаида Матвеевна, вопреки опасениям Алхимика, смерть внука перенесла спокойно - она давно уже поставила на нём крест. Всплакнула, вытерла слёзы и тихо сказала Саше:

– Прости меня, сынок. Проглядела я его... И его, и Анечку...

Александр Николаевич промолчал, подумав про себя: "Все мы виноваты, мама, - и я со своей наукой, и Людмила со своими запросами-замашками... Что уж теперь виноватых искать...".

Аня тоже долго молчала и только уже на поминках зло и коротко бросила:

– Сегодня он, завтра я - все там будем. Бежим за золотым туманом, спотыкаемся и ломаем себе шеи. - Опрокинула в рот гранёный стаканчик с водкой, вытерла губы тыльной стороной ладони и добавила: - Вот такая эпитафия...

Самому же Саше было тяжело - он даже не ожидал от себя такой реакции. "Человек смертен, - размышлял он, по привычке раскладывая мысли по полочкам - так, как он обычно делал при обдумывании какой-нибудь научной проблемы, - а дети - это его продолжение и шанс на истинное бессмертие... Когда уходят старики - это нормально, это закон природы, а вот когда умирают - и тем более гибнут - молодые... Родители тяжело переживают смерть своих детей потому, что лишаются этого продолжения и этого шанса... И вдвойне тяжело, когда ты знаешь: другого шанса у тебя уже не будет - не те годы...".

Он подолгу засиживался теперь в лаборатории после конца рабочего дня, загружая мозг работой и оттягивая возвращение в свою пустую квартиру, где горькие мысли тут же накидывались на него голодными комарами, зудели и жалили. Однако даже в его рабочем кабинете выползали из тёмных углов призраки воспоминаний - так было и на этот раз.

Саша вспомнил, как маленький Дима упал с ледяной горки и расшиб нос, но держался изо всех сил, чтобы не расплакаться, и только повторял сквозь зубы: "Я мужчина потому что...". Он вспомнил, как они играли с сыном в "морской бой", передвигая по клеточкам карты пластмассовые кораблики, и яростно спорили над каждым ходом, не желая уступить друг другу; вспомнил, как сын хвастался своими успехами в каратэ, демонстрируя отцу ужимки и прыжки с экзотическими названиями. Но Александр Николаевич никак не мог вспомнить, где же пролегла та роковая грань, переступив которую, Дима стал неотвратимо соскальзывать в чёрное никуда.

Да, сын верховодил в дворовых компаниях, кулаками отстаивая своё первенство среди сверстников, но такое было во все времена, и маленький Саша в своё время тоже через это прошёл. Так почему же Саша стал Александром Николаевичем, а Диме никогда уже не быть Дмитрием Александровичем? Может, это произошло потому, что сменились приоритеты? Дети перестали хотеть стать космонавтами - героями сделались доморощенные "крестные отцы", и тёк в юные души яд видеокассет, внушавший незатейливые истины: "Прав тот, кто сильнее и безжалостнее, кто лучше дерётся и лучше стреляет! Если ты настоящий "парень из стали", то возьми этот мир за глотку и встряси из него как можно больше денег - тогда ты король! А убить человека - это же так легко и просто, смотри!". И этот яд действовал...

Аня хоть окончила институт культуры, не скатилась до уровня "интердевочки", а Дима поступил только для отмазки от армии, взял пару призов на каких-то соревнованиях, а потом с головой нырнул в уголовную романтику, прельстившись "лёгкими" деньгами. Ушёл из дома, жил у какой-то девицы, а потом его след и вовсе затерялся. С тех пор Свиридов видел сына всего два раза - третий раз он увидел его уже в морге.

Саша закрыл лицо ладонями, с силой потёр его, а когда опустил руки, ему показалось, что один из призраков вдруг обрёл плоть - он увидел в полусумраке кабинета, за границей светового круга, отбрасываемого настольной лампой, смутный контур человеческой фигуры. Фантом сделал шаг вперёд, пересёк границу света и тьмы, и Свиридов с удивлением узнал в этом материализовавшемся призраке лаборантку Юлю.

— Александр Николаевич, - негромко сказала девушка. - Ну что вы здесь сидите? Поздно уже - десятый час. Пойдёмте, я вас домой провожу.

"Опять шутит? - мелькнуло в голове Александра. - Или...". И тут он вдруг ощутил, как у него в груди словно лопнул какой-то застарелый нарыв, лопнул и растёкся жгучим гноем. И Саша ответил - будто плюнул Юле в лицо:

— Что, Юленька, спешишь застолбить место в моей постели? Жених с "лексусом" - это звучит гордо? Ну, "лексуса" у меня уже нет, но деньги - деньги есть. Так что...

Юлины глаза мгновенно наполнились слезами и сделались огромными - на пол-лица.

— Дурак ты, Алхимик, - прошептала она. - Господи, какой же ты дурак! А я-то какая дура несусветная...

Она повернулась и опрометью выскочила из кабинета...

На следующий день Юля подала заявление на увольнение, и Свиридов молча его подписал, избегая встречаться с девушкой взглядами. Наверно, ему правильнее было бы поговорить с ней, объяснить, извиниться, в конце концов. Юля ждала его слов - он это чувствовал. Но нужных слов Саша так и не нашёл.

* * *

"Это же... Это же голова дракона! Да, да - драконья голова! Какое совпадение...".

Алхимик отступил на шаг и ещё раз оглядел собранную конструкцию. Она походила на гигантское яйцо, а ещё - на голову огромного ящера. Тёмные внешние стороны вогнутых зеркал, сплошь покрывавшие эту голову, казались чешуйками - между ними почти не было зазоров, к тому же узкие щели перекрывались спинками зеркал второго, внутреннего слоя. С одного горизонтального конца это "яйцо" было замкнутым - там оставалось только одно небольшое отверстие, - а с другого приоткрытым, точь-в-точь наподобие распахнутой пасти; маленькая площадка внутри "яйца" напоминала прижатый язык.

...Кулибин постарался на совесть. "Всё, Николаич, - просто и без пафоса сказал он в один прекрасный день, - запчасти готовы. - И добавил, хитровато глядя на Свиридова: - Где собирать будем, а?".

Саша не стал играть с Левшой в прятки-недомолвки и ответил прямо: "У меня дома". Старый механик ничуть не удивился - похоже, именно такого ответа он и ожидал. "Лады, - уронил Кулибин, - ящичек припасён. Переложу зеркала ветошью, чтобы не поцарапались, и забирай. А лучше давай-ка вот как сделаем: в пятницу я поеду на склад, заодно и завезу тебе твою фисгармонь. Несolidно как-то завлабу всё это хозяйство в рюкзаке на горбу тащить, да и вопросов лишних не будет, верно?". Всё он прекрасно понимал, старичок-боровичок...

А приехав в одиннадцать утра к Свиридову домой (Александр Николаевич в этот день не пошёл в институт, сославшись на "важные обстоятельства" и передав бразды правления своему заму) и аккуратно поставив на пол в прихожей увесистый "ящичек", Левша вытер со лба бисеринки пота и заявил: "Давай-ка я тебе помогу собрать твой адский агрегат. Ты у нас, конечно, мужик головастый, но руки у тебя под известно что заточены. И не спорь, я всё равно уже машину отпустил".

Алхимик спорить не стал - он прекрасно понимал, что без Иваныча сборка затянется на

неопределённо долгое время.

Они провозились до шести вечера, собирая решётчатый каркас и устанавливая на нём зеркала. Работали сосредоточенно, без лишних слов, лишь изредка перебрасываясь краткими фразами, - процесс монтажа "драконьей головы" оказался очень кропотливым.

Когда дело было сделано, Саша достал толстую пачку тысячных купюр и протянул её Кулибину.

– Это тебе, Георгий Иванович. По ведомости прошла только оплата изготовления двух десятков зеркал для аппаратуры спектрального анализа, а это, сам понимаешь, слёзы. Бери, бери - честно заработал.

Левша степенно взял деньги, шевельнул седыми бровями и спросил:

– И что же всё-таки такое у нас получилось, Александр Николаевич? Какой самогон твоя машина гнать будет? Ты не сомневайся, я попусту языком молоть давно отучился: дело - оно пустозвонства не любит. Но интересно мне - врать не буду. Всю жизнь мечтал что-нибудь такое-этакое сотворить, особенное.

– Время я хочу сгустить, - чуть поколебавшись, ответил Саша, лишь самую малость погрешив против истины.

– Ого! - неподдельно изумился Кулибин. - Собак, что ли, голубых будешь делать?

– Каких собак? - не понял Алхимик.

– Голубых. Читал я один рассказ фантастический, давно ещё, так там изобретатель из сгущённого времени пепельницы делал, а потом собачьи фигурки на продажу.

"Вот уж не знал, что наш народный умелец любит фантастику!" - подумал Александр Николаевич.

– Люблю я фантастику, - очень серьёзно сказал Левша, словно услышав его мысли. - Если бы люди не фантазировали, доселе бегали б в звериных пиджаках на голое тело да с дубьём, я так думаю.

– Ага, и ароматных презервативов не было бы, - усмехнулся Свиридов.

– Ну, это уже блажь, Николаич, - и такое бывает. Ведь когда руду добывают, сколько пустой породы перелопачивают? К тому ж ты в тени резинок этих порезвился - не так разве? Вот только собаки эти голубые - тоже блажь, зряшное дело.

– Нет, - успокоил его Саша, - собак я делать не буду. Тут штука серьёзная получится может, очень серьёзная... Ладно, Георгий Иванович, время уже позднее. Спасибо тебе за помощь. Если дело пойдёт - твое имя обязательно будет упомянуто. Веришь мне?

– Верю. Я ведь тебя не первый год знаю - для другого человека, может, и не стал бы я спешить-надрываться, да душу вкладывать. Может, ещё помочь? Я так понимаю, ты сейчас настроить свой аппарат намерен?

– Правильно понимаешь. Но помощь мне больше не нужна, и не стоит тебе больше тут находиться, Георгий Иванович. Этот гиперболоид инженера Свиридова, - Алхимик кивнул в сторону чешуйчатого сооружения, - может и рвануть. Не надо тебе быть рядом - ты своё дело сделал на пять с плюсом. И не спорь.

"Если процесс станет неуправляемым, - подумал он, когда за Кулибиным закрылась дверь, - то от всего города ничего не останется. С такими силами не шутят... И тебя, Левша, не минет чаша сия. Просто есть моменты интимные - в первую брачную ночь присутствие посторонних излишне. Так что прости, Иваныч, но роды я сам приму, без бабок-повитух".

Он вернулся в комнату и тут только заметил, на что похоже его детище...

Саша ещё немного постоял перед причудливой конструкцией, затем вытащил из шкафа давно пылившийся там старенький газовый лазер, установил его на столе по оси "драконьей головы" и решительно щёлкнул тумблером.

"Яйцо" заискрилось, засверкало сотнями ярких белых огней. Попавший на входное зеркальце луч многократно отразился от десятков других зеркал, превратив чешуйчатую сферу в подобие огромного драгоценного кристалла. "Красиво" - подумал Алхимик и взялся за настройку.

Он подгонял, регулировал углы наклона каждого из двухсот сорока зеркал, сверяясь с

расчётами. Постепенно свечение "драконьей головы" становилось всё более равномерным, отдельные блики сливались в общий фон, а светлое пятно на площадке-"языке" делалось всё ярче и ярче, одновременно уменьшаясь в размерах. И наконец оно сжалось до яркой точки.

Алхимик перевёл дух. Выпил чашку кофе, жадно выкурил сигарету. Точка на "языке" свидетельствовала о том, что фокусировка доведена. Теперь оставалось дать иницирующий импульс, нарушить миллиарднолетнее равновесие, и по пути, прочерченному лазерным лучом, хлынет густеющий поток энергии - энергии времени.

По хребту скользнула холодная струйка. "Страшно, да? - спросил он сам себя и сам же ответил: - Страшно. Если процесс будет нарастать относительно медленно, можно успеть его прервать - для этого достаточно расфокусировать всего одно зеркало, любое. А если случится худшее, я даже не успею ничего почувствовать - какое ни есть, а успокоение...". О миллионах людей, спокойно спавших в ночном городе, Саша почему-то не думал.

Он собрал цепи контроля, подключил компьютер и ещё раз проверил всю установку. Выкурил ещё одну сигарету, глубоко вздохнул и замкнул разрядный контур конденсаторной батареи.

Сначала ничего не произошло. Обожгла мысль: "Неужели неудача?" - это показалось Александру куда более страшным, чем мгновенный коллапс всей планеты по имени Земля. А потом...

Свечение "драконьей головы" изменило цвет - оно стало голубоватым. А белая точка на "языке" - от неё повеяло такой мощью, что Саша невольно зажмурился, но тут же снова открыл глаза. "Вот оно, - потрясённо думал он, - вот оно! Водородный взрыв в сотню мегатонн, сжатый до размеров игольного острья!". На сверкающую точку можно было смотреть, она не жгла, однако Алхимик ощущал всем своим существом, какая в ней кроется сила. А когда он посмотрел на дисплей с оценкой количества располагаемой энергии, у него перехватило дыхание. "Что там город - тьфу! Остриё *этой* иглы способно пробить дырку в измерениях - дырку, через которую вся наша Вселенная вытечет, как вода из ванны с вынутой пробкой!".

Он на ощупь, не отрывая взгляда от белой точки в "пасти дракона", нашёл стул и сел. "Тебе нужна была точка опоры, Мегабайт, чтобы перевернуть Землю? Этих точек есть у меня!".

Посидев так с минуту, Саша встал, подошёл к телефону и набрал номер Зелинского.

— Вася, - хрипло сказал он в трубку, не узнавая собственного голоса. - Что? Четыре часа утра? Мне плевать, с кем ты спишь! Слушай меня сюда - живо выбирайся из тёплой постели и дуй ко мне. Да, срочно. Нет, я не шучу. И самое главное - захвати с собой диск с твоим "Тетрисом". Ты меня понял? Всё. Жду.

Повесив трубку, он повернулся к "драконьей голове", усмехнулся и спросил у неё:

— Ну что, ты отдашь мне своё золото, мёртвый дракон?

* * *

Зелинский приехал быстро - в предельно раздражённом состоянии.

— Чтоб тебе самому позвонили в самый неподходящий момент! - обрушился он на Сашу, едва переступив порог. - Авось навеки заклинишься в самой сладкой позе! Я такую тёлку вчера в кабаке снял - только-только на вторую серию пошли! Чтоб тебе... - Но тут он разглядел лицо Алхимика и особенно выражение его глаз и мигом поперхнулся собственным красноречием.

— При проведении интимных мероприятий соблюдайте правила техники безопасности, - холодно посоветовал Свиридов, - заранее отключайте все линии связи. Ты диск привёз? - Вася молча кивнул. - Тогда пошли.

Долгих объяснений не потребовалось - суть Мегабайт уловил с ходу.

— Ну, Алхимик, - восхищённо пробормотал он, внимательно рассматривая "драконью голову", - у шокированной публики нет слов. Синтезатор вещества с заданными свойствами -

нобелевская премия плачет по тебе горячими слезами!

– Это не синтезатор, Вася, - уточнил Александр, - это генератор энергии времени. Но эта штука станет синтезатором, когда ты прицепишь к ней свой софт. Усёк? Мне нужна информационная программа-катализатор, по которой будут перестраиваться не молекулы, а уже сами атомы вещества. Исполнительная периферия реализована, энергии неограниченное количество, дело за малым - за алгоритмом синтеза. Исходное вещество, - он подкинул на ладони грузило, много лет провалявшееся в шкафчике с инструментами, гвоздями и прочей хозяйственной мелочью, - свинец. Конечно, как ты уже, наверно, догадался, - золото. Вот тебе компьютер - действуй-злодействуй. А я пошёл спать - скоро сутки, как на ногах.

С этими словами Саша демонстративно улёгся на диван, повернулся лицом к стене и в самом деле уснул, хотя был уверен, что нипочём не заснёт из-за нервного возбуждения. И проснулся - как ему показалось, всего минут через десять, - от ощущения тормозящей руки на своём плече.

– Вставай, гениальный, - услышал он голос Мегабайта, - хватит сидеть на спине. Вставай, вставай, нас ждут великие дела! Запускай свою шарманку, Алхимик, - заклинание готово.

Свиридов продрал глаза и взглянул на часы - половина двенадцатого. "Молодец, Василий, - подумал он, - проворно управился". Чувствуя себя отдохнувшим и посвежевшим, Саша наскоро ополоснул лицо холодной водой и сварил кофе себе и Васе. Есть не хотелось - магия "драконьей головы" неудержимо влекла обоих друзей.

Алмазное свечение "яйца" уже не вызвало у Александра мистического трепета, хотя Зелинский, впервые наблюдавший это зрелище, буквально застыл в немом изумлении. Проверив настройку фокуса и накрыв белую точку на "языке" чуть сплюсненной свинцовой бусинкой, Саша выключил лазер и бестрепетно активировал генерирование энергии времени. На этот раз страха не было - была полная уверенность в том, что всё пойдёт как по маслу.

И родился голубой свет. По чешуйкам то и дело пробегали быстрые крошечные искры - импульсный блок, управляемый код-программой, булавочными уколами заставлял слепую вселенскую мощь повиноваться - острый анкас погонщика доходчиво объяснял слону, что нужно делать.

Друзья затаили дыхание, не отрывая глаз от серой бусинки в "пасти". Прошло пять минут, десять, пятнадцать...

– Ничего... - выдавил из себя Мегабайт. - Она как была, так и осталась... Может, не так лежит? Сместилась?

– Погоди, - отозвался Алхимик, - рано ещё. И не вздумай совать туда руки - никто не знает, чем это может кончиться.

Он поискал глазами сигареты, нашёл, разодрал пачку - пальцы не слушались, первая сигарета сломалась у него в руках, - щёлкнул зажигалкой и услышал:

– Смотри...

Бусинка меняла цвет - она желтела прямо на глазах, наливалась янтарём.

– Работает... - выдохнул Мегабайт. - Работает! - повторил он, стиснув плечо друга. - Работает, блин!!!

...Они сидели друг напротив друга, пили коньяк и смотрели на золотую чечевичку, лежавшую перед ними на маленьком блюдечке с голубой каёмкой.

– Ну, Саня, всё, - в который уже раз повторял Зелинский. - Мы с тобой на коне и при шпаге! Ты хоть представляешь, что ты сделал?

– Мы, Вася, мы сделали, - поправил его Свиридов, подумав при этом: "Очень хорошо представляю - лучше, чем ты можешь даже предположить, Василий Сергеевич".

– Философский камень... - Мегабайт наполнил рюмки. - Ну, Александр Николаевич, за тебя! Алхимик ты - алхимик и есть! - Он осторожно покатал по блюдцу золотую бусинку, словно желая лишний раз убедиться в её осязаемой реальности. - Теперь мы на коне - весь мир у ног! Деньги - им всё подвластно! Плюнь на свою Регинку - ты теперь сможешь хоть каждый день брать себе свеженькую девственницу, любого фасона, хоть студентку, хоть топ-

модель! Побегут сломя голову, раздеваясь на ходу! Да, блин, вот уж не думал...

– Погоди предаваться гаремным мечтам, - охладил его Саша, - это золото ещё надо превратить в дензнаки, а уж потом...

– Не проблема, - тут же отозвался Зелинский. - Я уже думал об этой теме. Есть у меня друзья-приятели - из тех, что когда-то промышляли выскребанием драгметаллов из старой электроники. Они теперь серьёзными людьми стали, приподнялись, по мелочам не работают. Но на это, - он показал глазами на жёлтую бусину, - клюнут всенепременно! Так что за сбыт не волнуйся - наладим. Ты мне лучше вот что скажи - сколько мы с тобой можем выдать на гора? Ты прикидывал производительность своего чуда техники?

– Килограмм в неделю - легко.

– Это в месяц, - Мегабайт на секунду задумался, - сто пятьдесят тысяч баксов. Круто! А больше?

– Можно гнать хоть тоннами, - Александр пожал плечами, - но для этого нужна более мощная установка. Зеркал тысячи две, да в три слоя, да размерами не с ладонь, а раз в десять-пятнадцать побольше. Нам вдвоём не потянуть - на такой агрегат нашего Кулибина уже не хватит. Это уже промышленные масштабы, друг мой. Да и где мы такую махину поставим? Арендуем на год Кировский стадион и наймём для охраны весь питерский ОМОН? А в принципе - теоретически - золото можно делать в неограниченном количестве, причём из чего угодно. Изменишь программу, и все. Правда, с увеличением размеров будут нарастать погрешности, так что некий предел наверняка есть. Только нам эти заоблачные выси уже до фени - будем реалистами, Вася.

– Будем! - жизнерадостно согласился Зелинский. - Реклама нам с тобой ни к чему - уйдём в глухое подполье. Ну, - он вновь потянулся за бутылкой, - ещё по одной?

– Давай. Только вот ещё что - нам нужен страховой полис.

– Не понял, - горлышко бутылки зависло над рюмкой, прервав своё наклонное движение. - Что ещё за полис?

– Рано или поздно - ты наливай, наливай! - нас с тобой вычислят. Те же твои друзья-приятели серьёзные заинтересуются: и что это за такая Курочка Ряба несёт и несёт Василию Сергеевичу Зелинскому золотые яйца? А не посмотреть ли на эту курочку вблизи, взглядом опытного орнитолога? Есть и другой вариант - придут к нам как-то под вечер суровые люди со строевыми причёсками, возьмут под белы ручки и доставят в серое здание на минус седьмой этаж. А там...

– Не каркай, Саня, - оборвал его нахмурившийся Мегабайт, - ближе к делу.

– Так я исключительно по делу! Изготовление золота - это тебе не самогон гнать. Это экономическое преступление, а за преступления против себя, любимого, любое государство во все времена карало куда более жестоко, чем за преступления против своих граждан. Вот на этот случай нам и надо застраховаться.

– Как?

– Просто. Как в детективах - "если со мной что-нибудь случиться, то..."

– И чем же ты хочешь напугать братков или хмурых дядей из силовых структур?

– Оглаской. Ты прикинь, такая машина, - Саша мотнул головой в сторону "драконьей головы", - это же голубая мечта любого хомо, который не очень сапиенс. Но только в том случае, - Алхимик многозначительно поднял палец, - когда этот самый хомо единолично владеет заветным синтезатором! А если принцип генератора энергии времени, подробное описание его конструкции и твоя программа известны всем - что мы имеем в итоге? Секрет Полишинеля! Сделать этот агрегат не так сложно, как ты уже наглядно убедился, - что будет, если тысячи умельцев по всему миру мигом бросят все дела и начнут синтезировать золото? Устроит такой поворот сюжета вышеупомянутых малосимпатичных персонажей, а?

– Интернет...

– Умный ты мужик, Вася, - одобрительно кивнул Свиридов, - с ходу ухватил суть! Конечно! Нужна быстродействующая виртуальная бомба, программа-размножитель, чтобы вывесить всю эту информацию в Сеть - на популярные порталы, на порносайты, на доски

объявлений, на самые посещаемые форумы, на почтовые ящики. Что-то вроде вируса - не тебя мне учить, как это сделать. И запуск не только обычным путём, но и через WAP-сервер, с мобильного телефона. Вот это и будет гарантией нашей с тобой безопасности - не трогайте нас, ребята, давайте лучше договоримся полюбовно!

— Реально, - медленно произнёс Зелинский, и по его глазам Саша понял, что Мегабайт уже лихорадочно обдумывает технические детали.

— Так что делай программу, - подытожил Алхимик, - а я тем временем переведу всю информацию на английский и подготовлю файл-начинку. А наша курочка, - он усмехнулся, - пусть пока потихонечку несёт золотые яички. Твоё здоровье, Василий Сергеевич!

* * *

Дни летели стремительно.

Алхимик работал.

Никодимов без возражений предоставил ему отпуск. Александр Николаевич съездил в Комарово, оставил матери денег и сообщил ей, что загружен очень важной работой (что было сущей правдой) - не до выездов за город. Регина укатила в рекламный тур по странам Юго-Восточной Азии, Аня отправилась на гастроли - Свиридова теперь ничто не отвлекало. Он почти не выходил из дома - разве что в магазин за продуктами, редко и ненадолго.

Алхимик работал.

Английский он знал неплохо, однако перевод продвигался медленно - во избежание разночтений нужна была предельная точность. К тому же информация предназначалась для людей, не слишком владеющих физико-химико-математическими тонкостями, - требовалось составить инструкцию пользователя, пособие "Собери сам". К счастью, Саша полностью разделял принцип "Кто ясно мыслит, тот ясно излагает" и всегда ему следовал. "Александр Николаевич, в тебе умер прекрасный преподаватель" - говорили ему коллеги, и были правы.

Алхимик работал.

"Драконья пасть" выплёвывала золото - установка работала непрерывно; Свиридов выключал её только для перезарядки - для выемки готовой продукции и для загрузки сырья. Он автоматизировал систему защиты - в случае выхода контролируемых параметров за порог срабатывания несколько зеркал смещались, нарушая фокусировку всей системы и прерывая накачку энергии времени. Предосторожность эта была совсем нелишней, хотя расчёты показывали, что вероятность возникновения нештатной ситуации исчезающе мала - у Саши даже возникла мысль о существовании некоей общевселенской "защиты от дурака", охраняющей Мироздание от опасных игр неосторожных детишек.

Изменяя код-программу, Алхимик сумел превратить в золото не только свинец, но и железо, и бронзу, и медь, и даже осколок гравия, подобранный на улице. Удалось увеличить и производительность "яйца" - горка кусочков желтого металла самой разнообразной формы росла и росла.

Саша потерял счёт времени, и когда ему позвонил Зелинский, он не сразу сообразил, какой сегодня день.

— Готово, - лаконично сообщил Мегабайт. - А твой файл?

— Тоже.

— О'кей, сбрось мне мылом. Хотя нет, не стоит - скачай на дискету. Я заеду.

Василий появился через полчаса, забрал дискету и заторопился, отказавшись от кофе.

— Надо зарядить несколько десятков компьютеров, - туманно объяснил он. - Сделаю - расскажу.

Зелинский вернулся через три дня, и по его лицу Свиридов понял - дело сделано. И не ошибся.

— Всё, Саня, - сказал Вася, усаживаясь в кресло и блаженно потягиваясь всем телом. - Страховой полис у нас в кармане. Садись, расскажу.

— Коньячку?

– Не, не будем ступать на скользкую стезю алкоголизма. Мне сегодня ещё предстоит важное randevu - догадываешься, с кем? Да, с серьёзным человеком. Ты бы слышал, Сань, как у него изменился голос, когда он уловил тему! Наверно, выпученные от изумления глаза растянули ему голосовые связки.

– Ещё бы...

– Дык! Золото-то чистейшее - это вам не мелочь по карманам тырить. Ладно, давай кофе, времени мало. А это у тебя что за зверь?

Друзья сидели за низким журнальным столиком, придвинутым к дивану. Письменный стол занимали приборы, бумаги и монитор компьютера, большой стол посередине комнаты безраздельно оккупировала чешуйчатая "драконья голова". А вопрос Мегабайта вызвала стоявшая на журнальном столике небольшая статуэтка крылатого дракона, присевшего на задние лапы и готовящегося взлететь, - дракон расправлял крылья, вытянув вперёд узкую хищную морду. Этот сувенир Саше подарили в прошлом году на юбилей - Свиридов даже не помнил, кто именно. Знал бы даритель, что эта безделушка окажется пророческой...

Дракон был сделан из бронзы - именно *был*, в прошедшем времени. Сейчас его тело сверкало - статуэтка простояла на "языке" все трое суток, минувших со времени последнего визита Зелинского, и полтора килограмма бронзы трансформировались в золото. Алхимик остался доволен результатом - до этого он работал только с небольшими массами вещества, не превышающими нескольких десятков граммов. Процесс синтеза не останавливался, пока не охватил всю статуэтку, целиком, - перспективы открывались многообещающие.

– Этот дракончик - мой домашний любимец, - Саша нагнулся, выдвинул из-под стола картонную коробку и достал оттуда полиэтиленовый пакет, наполненный маленькими золотыми слитками. - Это тебе. Здесь больше двух килограммов - твоя доля. А этого зверя я оставляю себе. На память.

– Александр Николаевич, мне не нравится нотка пессимизма в вашем голосе. Что за скорбь такая? Наш путь ведёт к сияющим вершинам - не фиг скорбеть!

– Цыплят по осени считают, - проронил Алхимик, посмотрев на желтеющие за окном листья. - Сиди, я принесу кофе.

– Значится, так, - начал Зелинский, осушив чашку и закулив. - Слушай сюда. Бомба получилась - пальчики оближешь! Я загрузил программу в четыре десятка компьютеров - в разных местах, в том числе и у нас в НИИ. IP-адреса у всех, понятное дело, тоже разные. Запуск можно инициировать с любой из этих машин - остальные подхватят. Это как лавина: толкни один камушек - и понеслось. И как ты просил, можно и с мобильного. Код, - он вынул телефон, - записывай... Что ещё? Программа саморазмножающаяся, часть "осколков бомбы" будет какое-то время спать, а потом выскочит и снова наделает шороху. А как это выглядит? Сказ, загружу тебе - сам увидишь.

"Тебе бы симфонии играть, - думал Саша, наблюдая за танцующими на клавиатуре пальцами Мегабайта, - виртуоз... Но эта твоя симфония будет лучшим произведением всех времён и народов - это я тебе обещаю...".

– Смотри, Алхимик, - с гордостью произнёс Вася. - Годится?

На экране появилась картинка, выполненная в лучших традициях рекламы - красotka, держащая в ладонях золотой слиток под надписью по-английски: "Золото своими руками! Разбогатеи сам, здесь и сейчас!" и помельче: "Это не вирус - проверьте и убедитесь!".

– Что скажешь, а? Клынет народ на такую завлекуху? В течение четверти часа после взрыва нашей бомбы эта начинка контрабандой залезет на тысячи серверов. И ссылок мы разбросаем по всей Сети - не извольте сомневаться, ваше гениальное превосходительство! Так что гарантия налицо - если что, миллионы пользователей уже через час узнают о такой дивной возможности. И если хотя бы один процент из них попробуют взяться за дело - у-у-у, что будет! Так, вот тебе пусковая иконка. Всё, твой комп тоже стал взрывателем - одним из.

– Погоди, - Саша положил руку на плечо друга, - вот ещё что. А если... Это, конечно, экстремальный вариант, но ведь может так получиться, что ни ты, ни я не сумеем добраться ни до одного из "заряженных" компьютеров, и даже мобильник нам взять в руки не дадут.

– Мой светлый ум это предусмотрел, - Мегабайт ухмыльнулся. - Я не хочу сгнить в тёмном подвале или оказаться в одном из озёр Карельского перешейка с камнем на шее - наши потенциальные противники обязаны будут беречь нас, холить и лелеять! А для того, чтобы сподвигнуть их именно к такому сценарию, я заложил мины замедленного действия: если в течение месяца наша бомба не получит соответствующего сигнала - мол, все в порядке, Зелинский со Свиридовым живут и здравствуют! - она взорвётся автоматически. Меня, ясен перец, не очень-то вдохновляет подобная перспектива - особенно сейчас, когда впереди такие горизонты, - но наши супостаты одержат пиррову победу. И даже хуже, чем пиррову, - они *потерпят* сокрушительную победу! Ну, теперь твоя душенька довольна?

– Вполне.

– Тогда я пошёл, - Зелинский поднялся. - К серьёзным людям нельзя опаздывать. До вечера - тогда и расслабимся. Трепещите - Алхимик со товарищи гулять будут!

"Я могу дождаться, пока он уйдёт, - размышлял Свиридов, - и тогда уже... Но это будет нечестно. Вася мой друг - он должен меня понять. Я ведь шёл к этому всю жизнь...".

Тем временем Мегабайт взял с журнального столика пакет с золотом и взвесил его на ладони.

– Пожалуй, не стоит тащить всю кучу, - сказал он, - возьму половину. Бережёного бог бережёт.

– Вася, - медленно проговорил Саша. - Я должен сказать тебе одну вещь...

Зелинский замер - что-то в голосе друга заставило его насторожиться.

* * *

– Я тебя слушаю, - Мегабайт был серьёзен. - Даже сяду для пущей важности.

– Сияющих вершин, - произнёс Алхимик, садясь в другое кресло, - не будет, Василий Сергеевич.

– Это ещё почему? Машина поломалась?

– Да нет, работает исправно, - Саша качнул головой, - вот только...

– Что "только"? Ты уж договаривай друг сердешный, коли заикнулся!

– Безнадёжно это всё, - Свиридов тяжело вздохнул. - Самообман. Да, ты сделал всё, что мог, и даже перевыполнил взятые на себя повышенные социалистические обязательства, как когда-то говорили.

– Так в чём тогда проблема?

– А проблема в том, что продолжать синтез золота - это просто изощрённый способ самоубийства, друг мой Вася. На золоте держится исполинская система, и она сотрёт нас в порошок, как бы мы не пытались ей противостоять. Это только в боевиках лихие супермены в одиночку крушат злодейские иерархии - в реальности такого не бывает. Конечно, если борются две структуры, личные качества какого-нибудь Джеймса Бонда имеют значение, но только в том случае, если за ним - организованная сила. А мы с тобой вдвоём - как бы мы не старались себя обезопасить, система победит, потому что она *система*.

– А можно ближе к телу, как говорят в постели, без этих лирических отступлений? - В голосе Мегабайта явственно слышалось раздражение.

– Можно. Бесконтрольный синтез золота частными лицами угрожает существованию всей экономической системы, господствующей на нашей планете. Мы с тобой заноза, Вася, и организм неизбежно выдавит эту занозу. С нами не будут вести никаких переговоров - нас попросту уничтожат. Скажу больше, эта штука, - он показал на "драконью голову", - она ведь не только синтезатор. Это прежде всего *неисчерпаемый* источник энергии, которую можно использовать по-всякому. Как ты думаешь, нефтяные магнаты - и наши, и не наши, - очень обрадуются появлению подобного энергоисточника?

– Не нагнетай, Александр Николаевич, - Зелинский пренебрежительно махнул рукой. - История нашей державы полна примерами того, как ловкие авантюристы исхитрялись годами водить за нос правоохранительные органы и при этом жить да радоваться. Сиди тихо

и не зарывайся - правило простое. Разумная предосторожность - это да, без этого никак.

– А ты уверен, что сможешь вовремя остановиться? Золото - оно умеет сводить с ума, тому тьма примеров из истории не только нашей державы. Вспомни, что ты у меня спросил - "А больше?".

– Так на кой хрен я тогда городил весь этот компьютерный огород? Зря старался?

– Ну почему же зря? Два кило золота - тебе за какую-нибудь из твоих программ так платили? И эта программа будет использована.

– Знаешь, Саня, если я скажу, что чётко улавливаю нить твоих рассуждений, это будет наглая ложь.

– Всё очень просто, Вася. Я хочу избавить этот мир от проклятья мёртвого дракона.

– Какого дракона?!

– Мёртвого. Читал я тут одну сказочку, ещё по весне. Правда, не знаю, чем там дело кончилось. Вот я и решил придумать этой сказке счастливый конец...

– У тебя с головой всё в порядке? - ласково осведомился Мегабайт. - Ты с ней, того, не поссорился, часом?

– Мне не нравится этот мир и царящие в нём порядки, - спокойно сказал Алхимик, не обращая внимания на иронический тон приятеля. - Мне не нравится, что девушки сгорают мотыльками на золотом огне, не став счастливыми жёнами и матерями. Мне не нравится, что молодые парни ложатся под пулями ради того, чтобы потоки мутной отравы превращались в денежные потоки. Мне не нравится, что мужчины покупают женщин, а женщины оценивают мужчин только по толщине кошелька. Мне не нравится, что всё продаётся, и всё покупается, в том числе и лучшие человеческие чувства. Мне не нравится, что люди превращаются в...

– Так, - прервал его Зелинский. - У тебя есть на примете другой мир? Или ты намерен изменить этот?

– Другого мира я не знаю. Я хочу изменить этот.

– И каким же образом, позвольте спросить?

– Нажатием мышки, которое запустит твою программу для любознательных. Через месяц по всему миру разинут пасти десятки тысяч "драконьих голов", а через два планета утонет в золоте. Золото обесценится, а заодно и все прежние энергоносители. Система рухнет. Во все времена учёные что-то делали, изобретали, а их изобретениями пользовалась власть - так, как ей, власти, заблагорассудится. Вспомни Стругацких - орёл наш дон Рэба отобрал у отца Кабани мясокрутку и стал делать нежный фарш в Весёлой башне. И так было всегда. А я хочу, чтобы энергия времени стала доступной всем и каждому.

– Счастье для всех, даром? И пусть никто не уйдёт обиженным?

– Да, Вася. Тебя это удивляет? Разве люди не заслужили счастья?

– Нет, не заслужили, - уверенно произнёс Василий, - посмотри вокруг, Саша. Когда люди узнали огонь, они начали жарить на нём мясо и диссидентов, желающих странного. А сумма счастья в этом мире ничуть не увеличилась. Да, мир встанет на уши, будет биржевая паника, экономический кризис, даже, может быть, дело дойдёт до вооружённых конфликтов. А потом - потом всё возвратится на круги своя, и последних золототворителей торжественно повесят при большом стечении народа. Причина не в золоте как таковом, а в головах людей - этой простой истины не понимали братья-луддиты, крушившие ткацкие станки в Англии восемнадцатого века. К тому же есть и другие универсальные ценности - кроме золота.

– Условная единица? - Свиридов усмехнулся. - Так она и есть условная! Цена на золото за последние двадцать лет выросла вчетверо, и тысяча долларов сегодня - это не та же тысяча пятнадцать лет назад. Что, разве кусок угля, который сегодня стоит - в условных единицах - на порядок дороже, чем в прошлом веке, приобрёл какие-то новые свойства, сделавшие его более ценным? И самое главное - психологический эффект. Когда рухнет Золотой Идол, люди поймут...

– Да ни хрена они не поймут, кремлёвский ты мечтатель! - досадливо поморщился Мегабайт. - Как были баранами, так баранами и останутся - их не переделать. Пробовали уже... А ты не подумал, что энергию времени тут же попытаются использовать в военных

целях? И тогда твоя "драконья голова" выплюнет такой огонь, который сожжёт весь мир!

– Это не так просто - всё равно что зажечь отсыревшими спичками мокрые дрова. Хотя, конечно, люди весьма изобретательны по части уничтожения себе подобных... Что ж, значит, так тому и быть. Или человечество одумается, или подавится золотом, или...

– Так, - повторил Зелинский. - Диагноз ясен: маниакально-депрессивный психоз в острой форме. Александр Николаевич Свиридов желает сыграть роль Прометея, Герострата и карающей десницы господней, и всё это в одном флаконе. Пора на Пряжку, под надзор санитаров. Хотя по-дружески могу посоветовать такой рецепт: по гранённому стакану водки три раза в день перед едой и хорошую бабу после еды, в обед и вечером. Через пару недель мы вернём обществу полноценного гражданина.

– Не ёрничай, Вася, - негромко сказал Саша. - Не я, так другой это сделает. Время пришло - случайностей не бывает; не зря это открытие состоялось именно в наши дни. Надо дать человечеству шанс, а уж сумеет ли оно им воспользоваться - это уже другой вопрос. И у нас с тобой всё равно нет иного выхода: мы обречены, потому что владеем слишком опасной тайной. Такое шило ни в каком мешке не утаишь, разве что разнести мой аппарат вдребезги пополам и уйти в монастырь - грехи замаливать. Я подорву твою виртуальную бомбу.

– Перестань страдать хернёй! - взорвался Мегабайт. - Идиотина! Шанс человечеству? Нам с тобой выпал шанс - грех им не воспользоваться! Жизнь коротка, люди топчут друг друга, вырывая жирный кусок, а ты взялся их жалеть, Иисусик! Нет никакого посмертия, нет ни рая, ни ада! Там, за порогом, только тьма и тлен - так проживи жизнь сочно, оттянись со вкусом, пока не пробил твой час! Мы с тобой можем поставить эту стерву по имени жизнь раком и отыметь её по полной программе! Саня, не будь кретином - не пили сук, на котором так удобно уселся!

– Жаль, - Свиридов горестно покачал головой. - Я думал, ты меня поймёшь, Василий Сергеевич. Хорошо, я подожду пару дней - обменяй золото на деньги, купи себе квартиру, что ли. Да и вообще - пока суть да дело, ты успеешь обеспечить себе безбедное будущее; мало кто вот так сразу сообразит, чем всё это кончится.

Он замолчал, и тут вдруг услышал странный звук - Алхимик не сразу понял, что его издал Зелинский, со свистом втянувший воздух сквозь стиснутые зубы.

– Придурок, - прошипел Мегабайт. - Придушу гада, так твою мать...

Он бросился на Александра так стремительно, что тот едва успел встать с кресла.

Жёсткие пальцы Василия вцепились Алхимику в шею, и Саша увидел глаза друга. Из этих глаз, в которых всегда светились ум и ирония, сейчас напрочь ушёл разум - его сменили безумие и дикая злоба. Нет, не звериная, а просто *нечеловеческая* злоба. Умницы Зелинского больше не было.

– Убью, с-сволочь...

Они едва не опрокинули столик, рассыпав по полу золотые капли из полиэтиленового пакета. Мегабайт заваливал Сашу, силясь ухватить его за горло. "А ведь он действительно меня убьёт, - отстранённо подумал Свиридов, отдирая пальцы Зелинского от своей шеи. - Какая глупость...".

Пытаясь сохранить равновесие, он оперся правой рукой о стол и внезапно нащупал статуэтку дракона, очень удобно лёгшую к нему в ладонь. В следующую секунду острая драконья морда с хрустом врезалась в бритую голову Мегабайта.

Зелинский обмяк, всхлипнул и повалился.

"Вася... - растерянно думал Алхимик, наблюдая, как из пробитого виска друга на паркет выбегает быстро густеющая струйка крови. - Я же не хотел, Вася... Как же так...".

Он разжал пальцы - золотой дракон глухо стукнулся об пол, однако не упал, а остался стоять, задрав вверх окровавленную морду. Саша присел на корточки возле бессильного тела Василия, взял его за руку - пульса не было. "Надо позвонить в "скорую" - может, он ещё жив... И в милицию - как там сказал в фильме "Человек-амфибия" старик-индеец, отец Гуттиэре: "Полиция? Приезжайте на виллу "Долорес". Я убил человека...". Но сначала...".

Он сел за компьютер, вышел в Интернет, нашёл заветную иконку, открыл программу,

установленную Зелинским полчаса назад, подогнал курсор к нужной строчке в меню запуска и нажал "Enter".

Санкт-Петербург, октябрь 2006

Последний повелитель муз

ПРОЛОГ

Мутное тяжёлое забытье лопнуло и рассыпалось на тающие осколки. За окном висела сырая темнота - там дышало то самое время суток, когда самые отчаянные гуляки уже давно спят сном нераскаявшихся грешников.

Во рту горело, и тело казалось чужим, словно кто-то, издеваясь, приклеил к мозгу этот нелепый придаток с руками-ногами и всеми прочими деталями. Надо бы встать и пошарить окрест - а вдруг? - да вот только он совершенно точно знал, что и в холодильнике, и во всех прочих сусеках шаром покати. Истреблено всё до капельки, а до рассвета (и тем более до открытия магазинов) - как до Китая пешком. "Беломор", правда, имелся, но это слабенькое утешение для истерично вопящих от последствий обильного возлияния внутренностей.

Очертания комнаты и рисунок обоев плыли перед глазами, и это зыбкое колыхание не прекращалось даже при смыкании век. Спасительный холодок от глотка воды жил какие-то секунды, а затем выжженная пустыня внутри снова властно вступала в свои права. Любое шевеление казалось безумием, а минуты капали и капали, беззвучно исчезая в прожорливой и вязкой тьме, заполнившей всё вокруг.

Однако сознание было на удивление ясным и чётким, каким-то даже прозрачным. И в этом холодном и отстранённом, несовместимом с мучавшимся телом сознании вдруг зазвучал *Голос* - размеренный и хорошо различимый Голос с неживым металлическим оттенком.

А когда до Вадима окончательно дошло, что этот непонятный Голос произносит вполне осмысленные фразы, более того, строки, связанные между собой и наполненные содержанием, страдалец вскочил и начал судорожно шарить в столе и на книжных полках.

"Листок бумаги! Листок бумаги и карандаш - полпланеты за клочок бумаги и огрызок карандаша! Только бы успеть, пока Голос продолжает звучать, потому что утром от этого магического речитатива не останется и следа!".

Неведомые боги сжалились - тетрадный лист, чистый с одной стороны, и шариковая ручка, пригодная для создания на поверхности бумаги загадочных символов, именуемых буквами, нашлись почти сразу. И настольная лампа послушно загорелась - едва ли не до того, как тихо щёлкнула кнопка выключателя.

Строчки быстро выстраивались одна за другой, без ошибок и исправлений - набело. И неудивительно: записать диктуемое - и всего-то делов! Какие уж тут муки творчества...

И он успел. Когда Голос смолк, лист был исписан сверху донизу - девять строф.

Цепких лап крепки, прочны засовы,
Не хватайте, мёртвые, живых,
Не мешайте яды в разносолы
И не бейте топором под дых
Этот бред, который мучит ночью,
Тошнотворным зелием течёт,
Взнизывая кости позвоночника

Дьявольской игрою в "чѣт-нечѣт"
Выдирая ноги из трясины,
В тусклом свете призрачных зарниц,
Ожидая нож и выстрел в спину,
Не живя уже наполовину,
Отгоняешь мрачных чѣрных птиц...
Миражи сгущаются химерей,
Мельтешат Бесплотные кругом,
В окруженьи призрачных мистерий
Неподвижно мечешься бегом
Под ногой прочавкает болото,
Ненадёжна зыбкая стезя...
Снова Тень за ближним поворотом
Затаилась, кистенѣм грозя
Светятся глазищи-головешки,
С плотоядным клещаньем клыков
Кривятся несытою усмешкой
Порожденья темени крошечной
С красными бичами языков...
Дайте покаяния и света!
Отпусти, изыйди, Сатана!
Скачут Тени в диких пируэтах,
И опять холодная стена
Сколько можно, нервы рвутся в клочья,
Финишная близится черта...
Вместо слов - цепочки многоточий,
Вместо света - мрак и пустота
Где конец? По капле жизнь исходит,
В полночь стрелки челюсти сомкнули...
Затишают отзвуки мелодий,
На закате солнце не восходит,
После плахи Души отдохнут...

"Гитара... Где гитара? Ритм уже родился, теперь надо сделать так, чтобы пальцы его запомнили и накрепко связали с текстом... В этих сталинских домах звукоизоляция не чета "хрущовкам", да и орать-выкладывать мы не будем..."

Гитара отозвалась на прикосновение пальцев к струнам чуть жалобно, словно укоряя за вчерашнее, но потом заговорила, привычно превращая *услышанное* и записанное в звучащее. И в довершение всего, нога наткнулась под столом на бутылку, в которой необъяснимым чудом сохранилась почти треть содержимого.

"Значит, до утра доживѣм..."

Он выплеснул зелье в стакан, выглотал его одним судорожным движением горла и уткнулся лицом в подушку, уходя в тяжѣлый, без сновидений, сон...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Селектор мурлыкнул мягко, словно сытая и ласковая кошка.

— Да.

— Вадим Петрович, к вам, - голос у секретарши тоже был каким-то кошачьим ("Всѣ верно, она и есть кошка ласковая, - подумал Костомаров, - проверено..."), - двое: начальник нашего фармацевтического филиала и топ-менеджер компании "DVD World Conqueror" господин Хьюго Саммерс.

– Пусть войдёт Алексеев. А перед Саммерсом извинитесь за то, что ему придётся немного подождать.

Вошедший в кабинет человек запросто мог служить рекламным образчиком для какого-нибудь гламурного издания, посвящённого людям, добившимся успеха в бизнесе и в жизни вообще. Стройный, подтянутый, выглядящий в свои сорок с небольшим лет на десять моложе, безукоризненно одетый, уверенный в себе, он принёс с собой заряд кипучей энергии - казалось, даже молекулы воздуха вокруг него как минимум вдвое ускоряли своё броуновское движение. Взгляд его синих глаз - от таких глаз женщины молча падают и автоматически укладываются в штабеля - был внимательным и умным, и вместе с тем таил в себе льдистый холод и хорошо скрытое презрение ко всему и всем. Люди такого типа во все времена умели добиваться своего, подавляя и подчиняя окружающих. Вадим как-то представил Алексеева в чёрном эсэсовском мундире и с пронзительной ясностью понял: его ближайший сподвижник отправлял бы людей в газовые камеры с такой же лёгкостью, с какой в нынешней своей ипостаси увольняет.

– Ну, как, Сергей? - спросил Костомаров, когда руководитель "фармацевтического филиала" - они оба очень хорошо знали, что скрывается под этим обтекаемым названием, - опустился в мягкое кресло "для посетителей особого статуса".

– Господин генеральный директор, успех! Полный и безоговорочный!

– Серёга, не паясничай! - поморщился Вадим. - Слава Богу, мы знаем друг друга не первый год!

– Лады, босс, понято. Значит, так: клинические испытания препарата можно считать законченными. Эффективность зелья девяносто семь процентов - практически абсолютная. Правда, наши гении будут сжигать сами себя, но кто же из непризнанных не согласится пожертвовать здоровьем и даже жизнью за толику славы!

"А вот славы-то как раз и не будет, - подумал хозяин кабинета, - у меня на этот счёт другие соображения. Но знать об этом нашим рабочим лошадкам совсем необязательно...".

– На ком пробовали? - спросил он.

– Как договаривались, - Алексеев пожал плечами, - исключительно на добровольцах. Прошлись частым бреднем по разным богемным и околобогемным тусовкам, перешерстили сотни и сотни кандидатов. Упор делался на неудачников с комплексом непонятого гения - для нас это наиболее пригодный материал. Со всеми работали персонально - уж больно они ранимые, эти творческие натуры.

Шутовство в голосе Сергея исчезло, он говорил теперь строго по-деловому, однако на последних словах в его тоне проскользнуло обычное для Алексеева презрение к людям - почти незаметное, но хорошо знакомое Костомарову.

– В типовом контракте предусмотрены все мелочи. Вряд ли кто-то из великих поэтов двадцать первого века, - уголки губ руководителя фармацевтического филиала дрогнули в лёгком подобии улыбки, - преподнесёт нам неприятный сюрприз, однако на всякий случай мы постарались подстраховаться. Эх, видел бы ты, как у них загорелись глазки - особенно после того, как они увидели, что написали под воздействием нашего снадобья! Ручаюсь, каждый второй из этих вчерашних полубомжей - если не каждый первый - уже примерял на себя лавровый венок и ощущал себя равным Пушкину и Есенину.

Вадим читал то, что сочиняли "подопытные кролики", и мог это оценить - как-никак, а бардовская молодость не забывается, и в навороченной квартире генерального директора издательской фирмы "Грёзы Музы" до сих пор хранилась его старая гитара. Да, этот товар найдёт сбыт, особенно если...

– Творческий центр? Там, где присматривали?

– Да. Захиревшая турбаза на Карельском перешейке - природа, воздух, река. И место уединённое. Купили за бесценок - куда больше пришлось "откатить" чиновным проглотам. Отремонтировали - не под роскошь, понятное дело, но евростандарт выдержан. В общем, гнездышко готово - пусть птички чирикают.

– Охрана?

– Охранная структура "Виктор". С самим Витюней я неплохо знаком, - Сергей снова усмехнулся уголками губ, - по старым... делам. Да и ты вроде тоже его знаешь - они ведь тогда прикрывали нас в той разборке с азерами, помнишь? Так что клеточка будет надёжной - и снаружи голодная кошка не проберётся, и шустрый птенчик изнутри не выскочит.

– Так, - Вадим несколько секунд размышлял, проверяя, всё ли он уточнил. - Выход на рынок - это уже моя забота, есть тут у меня кое-какие мысли по этому поводу.

Алексеев понимающе кивнул, и Костомаров подытожил:

– Начинаем. С Богом! "Или с дьяволом, - добавил он мысленно. - Впрочем, какая разница..." Да, название препарата. "Муки творчества" - это приемлемо для разработки, но в серию...

– Для брэнда надо что-то короткое и ёмкое.

– Я предлагаю "КК". Звучно, просто и удобно.

– А что это значит? "Кого куда"? В смысле, пошлём?

– Это значит "Карлос Кастанеда": этот человек первым предельно понятно разъяснил роль наркотиков-галлюциногенов в процессе познания и творчества. А наш "КК" - это очень сильный психотроп, позволяющий сознанию подключаться к энергоинформационному слою и извлекать оттуда шедевры. Дальше - дело техники. Современной техники.

– Кастанеда так Кастанеда, - согласился Сергей, - лёгкий оттенок эзотерики нам не повредит.

– Варить зелье будем на той же линии, что и твои чудо-таблетки. Не стоит ронять репутацию и раньше времени привлекать внимание излишне любопытных к переориентации нашего профиля. Как занимались пищевыми добавками, так ими и занимаемся. И о пище духовной тоже не забываем. Да, вот ещё что: присмотрись-ка к своим сотрудникам.

– А что такое? - насторожился Алексеев.

– Есть ощущение, что произошла утечка информации.

– Хм-м... Ты уверен?

– Ты видел типа в приёмной? - спросил Костомаров вместо ответа. - Это Саммерс, представитель крупной медиа-корпорации, занимающейся много чем, но в основном - чётко отлаженным прополаскиванием мозгов потребителей массовой культуры во всех её формах: аудио, видео, печатные издания. С чего бы это такой кашалот проявил интерес к нашей занюханной фирмочке? Да ещё явился сюда лично? Час его времени стоит больше, чем вся месячная продукция твоей таблеточной линии! А он сидит себе спокойненько и ждёт, пока я соизволю его принять. Наводит на размышления, знаешь ли...

Алексеев понял. Его синие глаза заledenели, и Вадим не позавидовал тому - или той, - кто станет объектом этого холода.

– Ладно, всё, действуй! - закончил директор "Грёз" и коснулся селекторной панели. - Диана, пригласите мистера Саммерса. А ты, Серёга, иди. С нашим зарубежным гостем я сам разберусь - ох, чую, непраздный у него интерес! Дай-то Бог - долго мы с тобой к этому шли путём тернистым...

* * *

Сизый дым плавал слоями над деревянными столами пивного бара, смыкаясь в колышущееся покрывало. Бормочущие голоса сливались в невнятное гудение - казалось, это звучит табачный дым. Несмотря на рабочее время, посетителей в баре хватало: устоявшийся порядок вещей расплзался ветхой дерюгой, и растерянный люд стекался к пивному источнику.

Выпив вторую кружку, Вадим пришёл в себя. На работе он показался, отметился, и теперь можно было спокойно предаться слабоалкогольному пороку. И к тому же отнюдь не в скорбном одиночестве - его приятель Андрей Северцев на телефонный звонок среагировал оперативно и прибыл на место встречи, которое изменить нельзя, раньше самого Вадима. Нельзя сказать, что они были друзьями - их роднил, пожалуй, только клуб авторской песни

"Экватор" на Петроградской, - но кое в чём интересы и мнения Костомарова и Северцева совпадали: во всяком случае, к пиву под рыбку оба относились с должным пиететом.

— Ну, и что ты намерен делать? - спросил Вадим, сдувая пену с третьей кружки.

— Не знаю, - честно признался Андрей. - Свежий ветер перемен, похоже, оказался чересчур свежим - сдул на хрен все декорации времён развитого социализма вместе с самой страной. Моё НИИ не сегодня завтра прикажет долго жить, а насчёт поэзии... Разве что идти с гитарой в подземный переход - нынче это модно. Не кооператив же организовывать по продаже польских и турецких шмоток - не наша это с тобой стезя.

— НЭП возвращается, - коротко уронил Вадим. - Деньги нужны. Есть тут у меня один вариант - недавно проклюнулся.

— И какой же? - без особого энтузиазма поинтересовался Андрей, разгрызая сухарик.

— Завербоваться на Дальний Восток - на три года.

— И что там делать?

— Рыбу ловить.

— Какую? Вот такую? - Андрей ткнул пальцем в кусок копчёной ставриды, лежавший на металлическом продолговатом блюде полагавшегося к пиву закусочного набора.

— А неважно какую - лишь бы за неё деньги платили. Нормальная работа для молодых здоровых мужиков. Или ты предпочитаешь ждать, пока тебя здесь выкинут на улицу по сокращению штатов?

Андрей не ответил, и Вадим развил свою мысль:

— Я уже узнавал: по подписании договора тебе компенсируют стоимость авиабилета и выплачивают подъёмные в размере двух месячных окладов. А потом садись на пароход - и в море. Кинул невод, вытянул рыбку...

— ...золотую, - закончил за него Северцев, помешивая пиво соломкой, облепленной кристалликами соли.

— Любую, Андрюха. Три года отбарабанил, приподнялся, а там видно будет.

— Не, Вадик. Как-то это... У тебя хоть морская специальность есть подходящая, а я-то с какого боку припёка?

— Есть такая должность на рыбаках, - пояснил Костомаров, - матрос-обработчик называется. Берёшь большой шкерочный нож и пластаешь дары моря вдоль и поперёк. Всё очень просто - любая домохозяйка справится. И платят за это, заметь, и неплохо платят.

Северцев задумался, но в это время к их столику подошёл с кружкой в руке плотный синеглазый парень в джинсовой куртке с коротким меховым воротником.

— Ребята, у вас свободно?

— Садись, - Вадим оглядел незнакомца, - гостем будешь. Стакан нальёшь - хозяином станешь.

— Стакан? - парень усмехнулся - странновато усмехнулся, одними уголками губ. - Не похожи вы на алкашей-синюх, которым стакан спозаранку требуется.

— Стакан - это дело такое, - философски заметил Андрей. - Ни академик, ни герой, ни мореплаватель, ни плотник-краснодеревщик его не чурались. Меня Андреем зовут.

— Сергей, - представился синеглазый и быстро ощупал взглядом разномастную толпу, роящуюся между стойкой и столиками. Взгляд у него был насторожённый, словно Сергей чего-то - или кого-то - опасался.

— А я Вадим, - завершил процедуру знакомства Костомаров. - Вот думаю думаем, куда пойти, куда податься.

— В смысле? - Сергей перевёл взгляд на приятелей. - Кого найти, и с кем набраться? Это не актуально - дело надо делать.

— Так мы дело и обмозговываем, - чуть обиженно произнёс Северцев. - Мы ведь, как ты абсолютно правильно заметил, не пьянь подзаборная.

— И что намозговали?

— Да вот друг мой Вадька зовёт на Дикий Восток - рыбу ловить для удовлетворения всевозрастающих потребностей советского народа.

– Нет больше советского, - буркнул Вадим, - а народ рад-радёшенек, если сумеет талоны на мясо отоварить. Ты по специальности кто? - спросил он Сергея.

– Вообще-то химик - химфак универа закончил. А сейчас - на вольных хлебах.

– И как они, хлеба? - с ехидцей поинтересовался Андрей. - Сытные?

– По-разному, - уклончиво ответил их новый знакомый и снова осмотрел зал.

"С горчинкой хлебец твой, парень, - подумал Костомаров, перехватив взгляд Сергея. - Озираешься, как загнанный. Ну-ну...".

Тем не менее, он изложил этому странноватому парню свою идею, и тот неожиданно проявил неподдельный интерес - это было заметно по тем вопросам, которые Сергей задавал Вадиму.

– Сахалин, говоришь? Райский остров - лежит почти что на широте Крыма. Пальмы, море, женщины...

– ...в телогрейках, - вставил Андрей. Он откровенно приуныл - вчера они с Вадимом начинали вместе, однако Северцев, судя по всему, нанёс куда более серьёзный урон своему здоровью и теперь никак не мог "прийти в меридиан". - Слушайте, джентльмены, пивом душу не обманешь! Вы как хотите, а я сбегаю в лабаз за пузырьком - уже дают.

– Возьми, - Сергей протянул ему крупную купюру. - Бери две бутылки - нас трое, а я на халаву хлебать не привык.

– Вот это по-нашему, по-бразильски, - уважительно произнёс Северцев, взял деньги и бодрым шагом направился к выходу.

– Знаешь, Вадим, - решительно сказал Сергей, проводив глазами уходящего гонца, - я вписываюсь. И край земли меня устраивает - питерский климат вреден для моего здоровья. Сыро тут, понимаешь, - он снова усмехнулся своей странной улыбкой. - Если ты, конечно, всерьёз намерен ехать.

– Я - всерьёз. Время сейчас такое - не до шуток.

– Тогда договорились. Вот мои телефоны, - синеглазый достал шариковую ручку и черкнул на треугольничке обёрточной бумаги, заменявшем здесь салфетку, два номера. - По рабочему спросишь Алексеева, а живу я один - сменные девушки не в счёт.

– А ты что, уже уходишь? Торопишься куда?

– Да нет, не тороплюсь. Посидим, расслабимся, выпьем за знакомство и...за удачу. Просто сначала дело - пока не заболтались, - а потом уже всё остальное.

– Это верно, - согласился Вадим. - Запиши и мои координаты.

Сергей записал. Они помолчали. Потом закурили - Костомаров свою привычную "беломорину", Алексеев сигарету из яркой пачки, какие в изобилии появились с недавних пор в разнокалиберных ларьках, поганками выросших вокруг всех станций метро. Взяли ещё по кружке пива и набор - в преддверии грядущего возлияния стоило позаботиться о закуске. Наконец Вадим собрался продолжить разговор - надо же узнать побольше об этом парне, свалившемся ему как снег на голову, - но тут за жёлтыми кругляшами толстого волнистого стекла, украшавшими окна заведения, мелькнула щуплая фигура Андрея.

– А вот и наш конь - золотые копыта, - приветствовал гонца Сергей. - Проворно ты обернулся.

– Два портвейна, - доложил Северцев, похлопав себя по оттопыренной на груди куртке, - напиток пролетариев и безвестных ударников умственного труда. Водка утяжеляет мыслительные процессы, а портвешок ласковый их облегчает и при этом способствует непринуждённому общению.

– Да мы вроде как уже всё домыслили, - заметил Костомаров, но Андрей, всецело поглощённый ритуалом скальпирования бутылки, не обратил на него внимания.

Налитый в кружки "ласковый" почти не отличался по цвету от пива, что тоже было немаловажно. В этом баре никто никого никогда не гонял за употребление принесённого с собой, однако неписанные правила местного питейного этикета следовало соблюдать.

– Вот и захорошело, - Северцев откинулся на спинку скамеечного сидения и закинул в рот истекающий жирком шматочек рыбки, - совсем другое дело. Знаешь, Вадим, я тут пока

бегал, подумал - нет, не поеду. Я уж как-нибудь здесь попробую застолбить себе место под солнцем. Я ведь всё-таки поэт, бард, а не резчик рыбы.

– Поэт - это не профессия, - холодно изрёк Сергей.

– Ты прав, - невозмутимо парировал Андрей, - это состояние души.

– Слова это, - Алексеев поморщился. - Неужели ты по ходу не понимаешь, что надо бабки зашибать, а всё остальное - суета беспонтовая? Ты глянь вокруг - все стоят на ушах, вся страна встала дыбом, а ты... Кому она сегодня нужна, эта твоя поэзия? И вообще... - он махнул рукой.

Северцев хотел было возразить, но передумал и молча разлил на троих оставшуюся половину первой бутылки.

– Ладно, братцы-кролики под маской алкоголиков, - примиряюще сказал Вадим, - каждому своё. Будущее покажет. Ну, за неё - за удачу!

* * *

Чайка покосилась жёлтым глазом на двоих людей, повела клювом и пошла дальше, с изяществом фотомодели переступая тонкими лапками и брезгливо обходя жирные мазутные кляксы, испятнавшие прибрежные камни. Солнце над головой было ярким, но не жарким; на вяло шевелящейся воде танцевали бесчисленные светлые зайчики. Хрипло простонал гудком возвращавшийся с моря сейнер, негромко плеснула и откатилась невысокая волна. И густо пахло рыбной мукой, отработанным дизельным топливом, деревом, впитавшим в себя едкий аромат свежей рыбы, - сложным и неповторимым запахом морского порта, где отдыхают пришедшие с промысла рыболовецкие суда.

– Ну, корефан, - сказал Сергей, поглядывая на неспешно бредущую вдоль кромки воды чайку, - пора восвояси? Завтра обещали дать расчёт. На доллары поменяем в Южном?

– Нет, - покачал головой Вадим, - рискованно. В Южном пасут - можно нарваться прямо в аэропорту. Положим на аккредитивы, а поменяем уже в Питере. Немного потеряем - курс меняется каждый день, - зато без осложнений. Джентльмен не должен быть скрягой.

Приятели сидели на бревне, выбеленном солёной водой и выброшенном на берег прибоем. Перед ними стояла початая бутылка коньяка, а на плоском камне была развёрнута бумага с немудрёной закуской - жареной навагой, закупленной в не блещущем изобилием магазинчике. Большинство их соплателей, получив вожаденные деньги, уже пустились в разгул, торопливо вознаграждая себя за многомесячный тяжёлый труд в тесной железной коробке, скачущей среди волн. И ведь знали рыболовы, что результатом длительного запоя и примитивных ласк местных жриц эрзац-любви, обитающих в именуемых "фанзами" убогих строениях, будет пустой карман и вибрирующий от ударной дозы алкоголя организм, но тем не менее...

Поставившие перед собой чёткую цель и державшиеся друг за друга Вадим и Сергей не относились к числу таких бедолаг. Минувшие три года связали их накрепко, тем более что за это время было всякое, от злых кулачных стычек с местными богодулами¹⁶ до смертного штормового танца неподалёку от оскалившихся каменными клыками Курильских островов. У них тогда заглох двигатель, и весь экипаж молился - как умел - на механика Костомарова. И Вадим сумел запустить дизель, и поэтому они сидят сейчас здесь, на теплом берегу и потягивают коньяк, а не кормят крабов на дне Охотского моря.

Было и похлеще - рейсы с контрабандной добычей в Японию и обстрел, которому подвергся их траулер, забравшийся в чужую промысловую зону. На всю жизнь запомнил Вадим посвист снарядов автоматической пушки и чёрные дыры, язвами вспыхивающие на переборках надстройки. "Вот же сволочь, - сказал тогда Костомаров, имея в виду владельца траулера, ставшего собственником судна на мутном гребне приватизации, - за свою копейку

¹⁶ Богодулы - пьяницы вообще и пьяницы-бомжи (бичи) в частности (дальневосточный сленг).

нашими шкурами рискует!" - "А это нормально, - невозмутимо отреагировал Сергей, - я бы тоже так сделал. Бизнес - занятие не для белоручек".

Они были разными людьми, однако их роднило понимание того, что в новой России фундаментом успеха являются деньги. К тому же Вадиму тоже было не занимать упорства, решительности и целеустремлённости, пусть и не столь циничной, как у Алексеева.

Сергей вообще понял наступившую свободу своеобразно - прежде всего как свободу грызть ближнего своего без лишних сомнений. Основной причиной, заставившей Алексеева составить Костомарову компанию в дальневосточном вояже, была конфликтная ситуация, сложившаяся в Питере. Волков-одиночек, сбившихся в стаи, хватало в северной столице, и Серёга не разошёлся на узкой тропке с одной такой стаей. На его счастье, родная мафия ещё не настолько взматерела, чтобы ловить противников по всем укромным уголкам земного шара, да и не представлял для неё Сергей Алексеев объекта, непременно подлежащего устранению. А за три года расстановка криминальных сил на берегах Невы изменилась, и теперь беглец мог спокойно вернуться домой.

Вадимом двигало иное: он хотел доказать себе, что он мужчина, победитель, и что он может добиться чего-то в этой жизни. Наверно, Вадим хотел доказать это не только себе, но и своей жене, отношения с которой давно уже скатились на грань развода. Вот только развода, скорее всего, не избежать - по неуловимым оттенкам голоса Ирины во время их редких разговоров по телефону Костомаров понял, что его возвращения в Петербург если и ждут, то только с финансово-экономической точки зрения.

"А чего же ты хотел? - удивился Серёга, когда Вадим поделился с ним своими сомнениями. - Человек - животное многобрачное. Ты-то, небось, аппетитной юбки на берегу не пропустишь и буфетку нашу пользуешь, как положено. Так что же твоя благоверная, в тоске и меланхолии подушку будет ночью тискать или транквилизаторами накачается до полного заглушения либидо? Это вряд ли, женщина - она человек сексуально равноправный. Сказки это всё про верных Пенелоп: у этой Пенелопы наверняка был какой-нибудь раб для постельного обслуживания. Или даже не один - она им периодически головы оттяпывала во избежание утечки информации. И не стоит об этом шибко печалиться - баб на наш с тобой век хватит, были бы деньги".

Да, денег они заработали. Оставался вопрос - в какое дело их вложить.

...Старичок появился, когда приятели уже прикончили бутылку и размышляли, а не сходить ли за второй. Был он невысокого роста, ладный, в чистом ватнике - весь какой-то обстоятельный, словно символ стабильности. Ветер шевелил его седые волосы, а глаза на морщинистом загорелом лице старика смотрели зорко и внимательно. На плече его висела объёмистая кошёлка из мешковины, куда этот колоритный дед складывал найденные среди плавника бурые ленты морской капусты, предварительно очистив их от налипшего песка.

— Здравствуйте, - приветливо сказал старик, поравнявшись с парнями.

— Бог в помощь, отец, - ответил Вадим. - А на кой хрен тебе эта трава?

— А свинки у меня, сынок, поросятки. И кушать им хочется, а покупать корм - это, извини, мне не по карману.

— И они у тебя лопают это сено? - недоверчиво спросил Сергей.

— Ещё как! Подготовить надо немного, не без того, но уж после... Это же сплошные витамины - не зря японцы агар-агар специально выращивают. Башковитая нация - у них ничего зря не пропадает.

"Это ты верно подметил, - подумал Костомаров, - у японцев ничего не пропадает, особенно если речь идёт о морепродуктах". Он вспомнил, как вокруг работавшей в наших водах по лицензии японской плавбазы - "Нихера-Мару", как её называли наши рыбаки, - не было видно ни единой чайки. Поживы для чаек возле бортов "Нихера-Мару" не находилось - рачительные островитяне перерабатывали всё, вплоть до рыбьей чешуи, из которой делали клей.

— Послушай, Серёга, - медленно проговорил Вадим, глядя вслед удалявшейся фигуре в ватнике, - тебе не кажется, что разница между свиньями и людьми не так уж велика?

– Так это научно доказанный факт! - охотно отозвался тот. - Свиньи к людям ближе, чем собаки или даже обезьяны. Больше тебе скажу, мне свиньи более симпатичны, чем...

– Да я не об этом, - перебил приятеля Костомаров. - Морская капуста - сплошные витамины! Как это я сам не сообразил... Спасибо тебе, дедок, да будут хрюшки твои толстенькими... Себестоимость-то этой травки - тьфу! Вон её сколько плавает, а сколько из тралов за борт выкидывают, а?

– На консервах из морской капусты бизнес не сделаешь - кому она нужна? Вон они, эти банки, - на всех полках стоят, а толку?

– А зачем консервы из первичного продукта? - вкрадчиво произнёс Вадим. - Мы же не японцы, у нас гастрономические пристрастия чуток другие. А вот ежели гнать из этой травки пищевые добавки, да ещё разрекламировать их как чудодейственно-целебные, да продавать их по цене "Гербалайфа"... Ты ведь у нас вроде как химик - формулы ещё не все позабыл?

Глаза Сергея азартно блеснули - он понял, к чему клонит его соратник.

– Отлёт домой откладывается, - решительно бросил он. - Сначала мы с тобой тут кое с кем кое о чём переговорим - подготовим базу. Ну, корефан, оказывается, ты не только в дизелях сечёшь!

* * *

Дело наладилось не сразу и не вдруг. На всём постсоветском пространстве бурлила вонючая каша "дикого" бизнеса, где многие - если не все - проблемы решались примитивно просто: силовыми методами, по известному принципу "Нет человека - нет проблемы". "Братки"-уголовнички решительно накладывали лапу на любое мало-мальски значимое начинание, безжалостно выжимали дань и так же беспощадно воевали друг с другом за право "крышевать" едва оперившихся птенцов российского предпринимательства. С не меньшим - и даже с большим - аппетитом к начинающим бизнесменам присасывались чиновники всех мастей и калибров, и "цена вопроса" какой-нибудь подписи зачастую оказывалась выше, чем полугодовая "зарплата" целой бригады коротко стриженных "охранников".

Деньги, заработанные Вадимом и Сергеем и казавшиеся солидными на обывательский взгляд, таяли снегом, брошенным в кипящую воду, на поверхности которой лопались один за другим пузырьки стремительно рождавшихся и так же стремительно исчезающих фирм и фирмочек. Сказка о молочных реках с кисельными берегами оказалась не более чем сказкой, и заманчивый призыв "Богатейте своим честным трудом!" на поверку немногим отличался от горбачёвского обещания "Каждой семье - квартиру к двухтысячному году!". И всё-таки Костомаров с Алексеевым выстояли.

На первых порах, пока Сергей с парой помощников доводил до ума "чудо-таблетки", в основе своей состоящие из горячо одобренной сахалинскими свинками морской капусты, и лавировал между своими былыми полу- и просто криминальными знакомыми, Вадим решил заняться издательским бизнесом. После краха величественного здания советской литературы со всей её идейно выдержанной лепниной, на рынке книг образовался вакуум, требующий заполнения. Природа не терпит пустоты, и вместо правильных героев ушедшего времени на обложках появился мускулистый варвар, с большим умением и с не меньшим удовольствием разделяющий огромным мечом всех имевших неосторожность попасться ему на пути.

Друзья-соучредители благоразумно вписали в устав своего новорождённого "ООО" - "общества с ограниченной уголовной ответственностью", как пошучивал Алексеев, - целый спектр сфер деятельности. "Теперь мы можем заниматься чем угодно, - подытожил Вадим, изучив этот продукт совместного творчества, содержащий туманную формулировку "а также и другими...", - от туризма до выведения из запоев на дому. И мы займёмся книжками".

Выбор оказался удачным - фантастику и новомодную фэнтези читали. "Грёзы Музы", как окрестили своё детище компаньоны, в основном занималась пиратскими переводами книг зарубежных фантастов, выбирая малоизвестных или печатавшихся пятнадцать-двадцать лет назад (такой мелочью, как соблюдение авторских прав, естественно, пренебрегали). На

прилавки хлынул поток второ- и третьесортных фантастических боевиков и однообразных космоопер, жадно поглощаемый истосковавшимся по "настоящей западной культуре" новым российским потребителем. Через какое-то время неминуемо должно было наступить отрезвление (с похмельем), но пока на этом мутном потоке можно было делать деньги, и немалые. И Костомаров эти деньги делал.

Он стал теперь гораздо более жёстким к людям и без зазрения совести старался поменьше заплатить переводчикам с тем, чтобы побольше оставить себе - этого требовали правила игры. Каждодневное балансирование на грани и жонглирование цифирью налогов, проводок по "белой" и "чёрной" бухгалтерии, арендной платы и разного рода законных и незаконных выплат понемногу делало из романтика хищника, умеющего и оскалить зубы, и повилиять хвостом, если того требовала обстановка.

С женой Вадим развёлся и теперь менял женщин, стараясь к ним не привязываться и забывая их имена едва ли не раньше, чем за очередной партнёршей закрывалась утроем дверь его холостяцкой квартиры. У него завелись деньги, и по мере увеличения их количества он всё меньше и меньше интересовался чувствами своих сопостельниц. Иногда у Костомарова возникало ощущение какой-то неправильности всего происходящего, однако в напряжённой суматохе повседневных забот оно быстро исчезало.

Генеральным директором "Грёз" стал Вадим, а Сергей возглавил "фармацевтический филиал" фирмы, официально именуемый отделом торгового маркетинга. Костомаров ничуть не обольщался насчёт этических воззрений своего зубастого соратника, и даже недоумевал, почему тот без всяких возражений уступил ему директорское кресло. Понимание пришло по прошествии ряда лет, когда Вадим услышал в новостях об очередном заказном убийстве очередного бизнесмена.

Алексеев обладал звериным чувством осторожности и инстинктом самосохранения, развитию которого немало поспособствовали годы его бурной молодости. Сергей отнюдь не горел желанием стать мишенью для киллера, нанятого кем-то из конкурентов, - он уступил эту почётную привилегию Вадиму, довольствуясь ролью "серого кардинала", обладающего реальной властью при пониженной степени риска. Да, Сергей мог бы стать первым, мог даже и вовсе избавиться от Костомарова (сплошь и рядом из двух-трёх-четырёх соучредителей в итоге оставался один "последний герой", съевший всех своих сотоварищей), но Алексееву этого не требовалось (во всяком случае, пока). "Джентльмен не должен быть скрягой!" - как ни странно, Сергей был согласен с этим излюбленным выражением Вадима. К тому же он ценил деловые качества компаньона и прекрасно понимал, что кое в чём ему не обойтись без Костомарова. А искать Вадиму замену - какой смысл менять шило на мыло, и где гарантия, что нанятый "зиц-председатель" не окажется непредсказуемо опасным? Костомаров хотя бы не выкинет ничего неожиданного - они неплохо знают друг друга. От добра добра не ищут...

В правильности такой позиции Алексеева убедило то, что "Грёзы" благополучно пережили злополучный дефолт девяносто восьмого года. Именно Вадим, руководствуясь смутными намёками и анализом сложившейся экономической ситуации, настоял тогда на временном сворачивании деятельности фирмы и на переводе всех её рублёвых активов в доллары. Пришлось, правда, отбрёхиваться от тех, кто требовал немедленных платежей, зато в сентябре компаньоны спокойно попиwali в своём офисе "Hennesy Paradise", равнодушно наблюдая, как гибнет с выпученными глазами бизнес-плотва, нагулявшая кое-какой жирок в середине девяностых.

Сергей по-своему уважал Костомарова и раньше, ещё с рыбацких времён, но когда Вадим ошеломил его невиданным предложением, это уважение ещё более возросло. Однако случилось это несколько позже, а пока "Грёзы Музы", приподнявшись на книгоиздательской деятельности, наконец-то смогли основательно заняться тем, ради чего, собственно говоря, и была создана эта фирма.

После целого ряда проб и ошибок из полукустарной лаборатории "фармацевтического филиала" вышли первые удовлетворяющие всем требованиям партии пищевых добавок, и были получены все необходимые разрешения и сертификаты.

* * *

— Каждый второй человек на Земле страдает от... - проникновенно вещал с экрана хорошо поставленным баритоном солидный человек с интеллигентной внешностью. - Но сегодня российские учёные создали уникальное средство, позволяющее бороться с этим недугом. Уже через три недели после начала приёма таблеток "Секрет волхвов" у вас наступит облегчение, исчезнут все неприятные ощущения, нормализуется давление и сон, и вы почувствуете себя бодрыми и помолодевшими. Эффективность этого препарата доказана клиническими испытаниями, проведёнными в ведущих клиниках страны, и подтверждена золотой медалью международного гуманитарного фонда "Здоровье человечества". Тысячи и тысячи людей уже ощутили на себе благотворное действие "Секрета волхвов" и вернулись к полноценной жизни. Вот что говорят наши пациенты...

— Гаси, всё ясно. Что это за клоун? - спросил Вадим, кивнув в сторону телевизора.

— Вышедший в тираж актёришка средней руки, ошалевший от безденежья и готовый сыграть роль известного кандидата всяческих наук неизвестного научно-исследовательского института, - пояснил Сергей, вертя в руках пульт видеоманитона. - За те деньги, что мы ему предложили, он разрекламирует даже целебные свойства мочи молодого поросёнка и расскажет нашим развесившим уши потенциальным клиентам о том, что при регулярном приёме наших волшебных таблеток, созданных на основе знаний народной медицины, у семидесятилетних старух снова вырастет целка, а у дряхлых стариков невероятно повысится сексуальная активность. И ведь убедительно излагает, сукин сын!

— Вариант беспроницаемый, - саркастически хмыкнул Костомаров. - Эффективность морской капусты доказана поколениями свиней и вкусовыми качествами полученной из них ветчины. Вреда-то от наших таблеток в любом случае не будет! Человек ведь такая скотина: смолodu делает всё, чтобы угробить своё здоровье, а потом хватается за что угодно, лишь бы его поправить. И никаких денег ему не жалко... Причём предпочтение отдаётся разного рода панацеям, не требующим каких-либо усилий: съел таблеточку - и всё. Р-раз - и похудел, два - и помолодел, три - и скрипа в суставах как не бывало! Как говорится, люди настолько любят халяву, что готовы платить за неё любые деньги.

— Угу, - согласился Алексеев. - И поэтому будут они покупать "шаровылупин", дарящий близоруким зоркость горного орла, и "вечностоин", превращающий импотентов в половых террористов. И даже если кто-то чересчур дотошный подвергнет наше снадобье химическому анализу, риска практически нет. Каков будет результат? Ну да, основа - всем известная морская капуста, а микродобавки? Всегда можно сослаться на то, что вся фишка в точной рецептуре, каковая является секретом нашей фирмы, полученным непосредственно от самих волхвов! - и руководитель "фармацевтического филиала" ухмыльнулся, довольный собственным каламбуром.

— Тут вот ещё какой нюанс, - добавил генеральный директор, - медицина зачастую действительно бессильна, а человек хочет быть здоровым. Пусть он даже не слишком верит в наши чудо-таблетки, но червячок-то всё равно будет точить: а вдруг поможет? И некоторым помогает - я в этом уверен. И пошла цепная реакция...

— Да, человеческий организм - дело тонкое, - философски заметил Сергей, - никто о нём толком ни хрена не знает... Юристы изобретают новые законы, а врачи - новые болезни. Но роднит их одно: и те, и другие делают на этом бабки - ба-а-альшие бабки! И нам не грех отщипнуть свою малую толику на этом славном поприще.

— Ладно, это уже беллетристика, - закончил Вадим и произнёс в селектор: - Диана, принесите нам кофе.

— ...с коньяком, - вставил Алексеев.

— Может, тебе ещё и с минетом? Сами добавим - или забыл, где бутылка стоит?

Секретарша вплыла в кабинет стелящейся походкой, неся маленький поднос с двумя дымящимися чашечками. Костомаров почувствовал, как у него участилось сердцебиение, и

заметил набрякшую и запульсировавшую синеватую жилку на виске соратника. Диана была последним приобретением фирмы "Грёзы Музы" - и весьма ценным, с точки зрения её генерального директора. На "собеседовании" при приёме на работу эта девятнадцатилетняя девица с невинным детским личиком вчерашней школьницы выдала "высший пилотаж" с искусством профессиональной проститутки экстра-класса - Вадим хорошо запомнил свои ощущения - и к тому же, как ни странно, неплохо справлялась и со своими официальными обязанностями. Девушка настолько понравилась Костомарову, что он даже решил против обыкновения не делиться ею с Сергеем, и каждый вечер увозил Диану к себе домой, нарушая тем самым своё собственное правило "сменных постельных принадлежностей".

Правда, Вадим не без основания подозревал, что его охочий до баб компаньон таки оприходовал секретаршу прямо в офисе во время отсутствия Костомарова - возможно, что и неоднократно. Девочка оказалась далеко не глупа и очень быстро разобралась, кто есть кто в фирме, а стыдливость и прочие архаичные нравственные устои ни в коей мере не отягощали это эфирное создание. Но "не пойман - не вор", и Диана оставалась штатной любовницей шефа и даже занимала определённое место в его жизни, хотя по странной своей прихоти при посторонних Вадим неизменно обращался к ней на "вы".

— Что-нибудь ещё, Вадим Петрович? - нежным голоском проворковала секретарша, поставив на стол поднос.

— Спасибо, больше ничего... пока, - Вадим с удовольствием оглядел ладную фигурку девушки, подумав при этом: "Деньги стоит зарабатывать хотя бы ради того, чтобы иметь вот таких вот женщин...".

Диана очень естественно чуть покраснела, скромно потупилась, опустив свои густые ресницы, и удалилась, ощущая спиной откровенные взгляды обоих мужчин: она добивалась своего в жизни тем, что у неё получалось лучше всего.

— Серёга, - предостерегающе произнёс Костомаров, возвращая впавшего в лёгкую эйфорию Алексеева на грешную землю, - на чужую кровать рта не разевать! А то укушу.

— Да ладно тебе, - отозвался тот, с хрустом потянувшись всем телом, - не хватало нам с тобой баб ещё делить. Этого товара на всех прилавках...

— Вот и давай о прилавках, то бишь о нашей схеме распространения. Не нравятся мне эти телефонные продажи - позвоните, мол, по указанному номеру. Доверия маловато - объёмы реализации пошли на убыль.

— А что делать? Не в аптеки же скидывать наш товар - тут с медиками-экспертами хлопот не оберёшься. А многоуровневый маркетинг и подавно день вчерашний. Вот разве что точки продаж на местах - в Москве, в других городах, где у народа деньга шевелится. Без телефонов всё равно не обойтись, зато они будут разные. А то действительно бред какой-то получается: тут тебя и от гипертонии лечат, и аборт по фотографии делают. Клиента надо уважать - в пределах разумного. И скидки процентов пять-десять для разных льготных категорий граждан - очень это способствует. Психология, блин.

— На местах? Можно запараллелить под это дело всю нашу книготорговую сеть: какая разница, что продавать? Лоточники могут и сменить профиль. И небольшие аптечные киоски - почему нет? Договоримся с продавцами и мелкими владельцами. Люди - они везде люди, и все они любят денежку. И реклама, само собой, - вроде этого твоего "учёного" с подмостков погорелого уездного театра. Давай-ка сделаем так, - и генеральный директор фирмы "Грёзы Музы" взял из аккуратной пачки чистый лист бумаги.

* * *

"А ты, парень, неплох, - подумал Вадим, поймав своё изображение в зеркале заднего вида, - волевое лицо, строгие и умные серые глаза, тёмные волосы с благородной проседью. Состоявшийся мужчина в возрасте около сорока - лакомый объект для женщин, особенно если учесть, какой толщины кошелек у этого объекта. Диана так чуть ли не с полумысли мои желания угадывает...".

Да, генеральный директор крепко стоящей на ногах фирмы "Грёзы Музы" Вадим Петрович Костомаров имел все основания быть довольным, хотя в последнее время ощущал смутное беспокойство. И причины этого беспокойства были ему ясны: Вадим понимал, что бум с чудо-таблетками, позволивший компаньонам очень неплохо заработать, - это явление временное. И дело не в обилии пройдошистых конкурентов, суетящихся вокруг легковых старушек, - болезненных-то на всех хватит, - дело в другом. Можно неопределённо долго обманывать одного человека или нескольких, можно какое-то время душить голову многим, но год за годом водить за нос множество людей - такой номер не пройдёт. Завлекательные названия примелькаются, и редкие случаи чудесных исцелений затеряются, утонут в волне массового раздражения обманутых. И Костомаров напряжённо размышлял, на что же теперь ему переориентировать свою "многоцелевую" фирму.

Иногда он вообще чувствовал глухое раздражение оттого, что он, хозяин (вроде бы) своей судьбы, словно плывёт в бурлящем потоке, и все попытки выбраться на берег тщетны. Стоит остановиться, чуть ослабить туго натянутые вожжи, не смазать вовремя машину по производству разноцветных бумажек - и всё. Сомнут, растопчут и побегут дальше, даже не оглянувшись на упавшего неудачника - сколько их таких уже валяется по обочинам торной дороги к успеху.

А остановиться ему порой хотелось, очень хотелось - хотя бы для того, чтобы просто посмотреть вокруг, оглянуться назад и подумать: а зачем это всё - всё, что он, Вадим, делает? Стал ли он счастливее оттого, что у него солидный счёт в банке; что они с Серёгой стали заметными фигурами на тусовках в ночных клубах; что в его престижном "мерседесе" с водителем сидит ещё и дюжий охранник, готовый по одному движению костомаровской брови вцепится в горло кому угодно; что Диана (да и другие женщины) преданно ловят любое слово Вадима Петровича и даже жест; и что впереди у него ещё много лет такой вот "насыщенной", с позволения сказать, жизни? И что дальше? Большой вес в определённых кругах, больше денег, больше красивых вещей, больше женщин, больше власти над людьми? Так ведь всех женщин всё равно не перелюбишь, как не выпьешь всех элитных напитков, а власть - штука обоюдоострая.

И он вспомнил, как на пляже Гран-Канариа ему вдруг остро захотелось вернуться в те далёкие годы, когда они сидели на берегу реки у костра, и огонь отражался в глазах ребят и девчонок, заворожено слушавших его, Вадима (тогда ещё не Петровича), песни...

Костомаров встряхнулся, прогоняя ненужные и расслабляющие мысли, и тут увидел через тонированное стекло человека, понуро стоявшего на тротуаре, - машина поворачивала направо, и Вадим смог хорошо его разглядеть.

Человек был одет в старую кожаную куртку и выцветшие джинсы; на его спутанных волосах блестели капельки дождя. Бомж не бомж, но что-то близкое к этой нижней ступени социальной лестницы. Человек равнодушно скользнул пустым взглядом по роскошной тачке, и в это время Костомаров его узнал.

— Останови-ка, - бросил он водителю и выбрался из машины, как только "мерседес" послушно ткнулся в поребрик.

Охранник последовал за ним - молча. Если хозяин зачем-то вышел - это его дело, а дело секьюрити - оберегать хозяина от любых возможных неприятностей, именно за это ему и платят деньги.

— Ну, здравствуй, Андрей.

Отрешённый взгляд человека в кожаной куртке сделался чуть более осмысленным, и одновременно в его глазах мелькнуло недоверие.

— В-вадим?

— Я, как видишь.

Бывшие друзья несколько секунд молчали, почти физически ощущая невидимую, но очень прочную стенку, выросшую между ними за эти годы. Обниматься уважаемому бизнесмену и полупьяному полубродяге - Костомаров уловил исходящий от Северцева запах перегара - было как-то не с руки, и они просто смотрели друг на друга, не зная, что сказать. К

счастью, рядышком оказалось какое-то кафе, и Вадим Петрович потянул Андрея туда - стоять под морозящим дождём было бы совсем глупо. Охранник молчаливой тенью пошёл за ними, держась в трёх шагах за спиной босса.

В уютном кафе Северцеву было явно неуютно - очевидно, даже такого невысокого уровня заведения он не посещал. Миловидная официантка в коротенькой юбочке одарила Вадима многообещающим взглядом, иронично-пренебрежительным - Андрея и упорхнула, приняв заказ. Охранник присел за соседним столиком.

— Как ты, старина? - спросил Костомаров, разрушая тягостное молчание.

— Да как-как, - отозвался Андрей и добавил с застарелой горечью: - Разве по мне не видно? Да никак... А ты как? Хотя по тебе тоже видно...

Потом он долго отмалчивался, слушая Вадима, и оживился лишь после второй рюмки дорогого коньяка.

— Да, высоко ты летаешь, друг ситный, - сказал Северцев без всякой зависти, словно ставя диагноз. - И девка эта так на тебя посмотрела, как будто готова была тут же трусы с себя стянуть и задрать перед тобой юбку. Ну что ж, молодец, Вадька. А у меня вот как-то не срослось... Наш клуб авторской песни развалился, НИИ тоже - перебиваюсь с хлеба на квас случайными заработками. Всякого попробовал, да только всё не по душе. А что по душе - так то нынче никому не нужно. Шоу-бизнес, мать его в чресла горячей кочергой... Прав был тот парень - помнишь, с которым мы в "Бочонке" познакомились?

— Так мы же вместе с ним и на Дальний Восток ездили, и дела теперь вместе крутим - я ж тебе только что рассказывал!

— Ну да, ну да, - стушевался Андрей. - Прости, из головы выскочило.

Он быстро опьянел, что свидетельствовало о его давней и прочной привязанности к алкоголю. Вадим удивлялся самому себе - и чего это он тратит своё драгоценное время на беседу с этой тенью прошлого? Какой с этого прок? Каждый человек сам кузнец своего счастья - пусть неудачник плачет, или, как говорили древние римляне, горе побеждённым. И всё-таки он сидел с Андреем Северцевым, и пил с ним коньяк, и слушал его становившуюся всё более бессвязной речь.

— Время поэтов прошло, - глухо бормотал Андрей, подперев кулаком щеку, заросшую щетиной. - Не время нынче для душевных песен... Вот, скажем, Розенбаум - талантливый ведь парень, а... Не то, не то... "Я не дарю вам песни, я отрабатываю деньги, которые вы заплатили за билет!" - его слова! Нельзя так, нельзя... Когда говорят пушки, музы молчат, а когда звенят монеты, музы тихо умирают... И даже Высоцкий - не выжил бы Володя в наше время, другое оно, злое и безликое... как... как... - он замолчал, подбирая сравнение. - Нет, не выжил бы, - повторил Северцев и остановился остекленевшим взглядом на графинчике с коньяком.

— Ты пей кофе, а то, боюсь, скоро двух слов связать не сможешь, и беседа наша прервётся по не зависящим от меня обстоятельствам, - посоветовал ему Вадим, подумав про себя: "Да, укатили сивку крутые горки. И в борьбе с зелёным змием побеждает змий...".

Андрей сморщился и затряс головой, что по идее должно было означать "да ты что, я ещё ни в одном глазу!", но в это время в кармане у Костомарова заиграл мобильник.

— Сергей? Я немного задержусь. Встретил тут случайно одного, - Вадим скосил глаза на Северцева, сосредоточенно глотающего кофе, - приятеля очень старого... Ага. Так что ты сам команду пока парадом, ладно? Если что - звони. Всё. До связи. Так что там Высоцкий, Андрюха?

— Высоцкий? - Северцев немного протрезвел, но чувствовалось, что нить разговора он уже потерял. - А, Владимир Семёныч... Тут вот какая штука - не простой он был человек, а может, и не человек вовсе. Миссия у него была, и к слою он был подключен.

— К какому ещё слою?

— К энергофи..., тьфу, к энергоинформационному, - с видимым усилием выговорил Андрей. - Вот ты думаешь что - поэты свои творения сами сочиняют? Хрена! То есть кое-кто, конечно, пытается, но *настоящее* - оно *оттуда* берётся, - и он дёрнул шеей, силясь

показать глазами на потолок, обшитый аккуратным декором. - Всё уже было во Вселенной, и всё *там* хранится... Надо только суметь достать.

"Приплыли, - подумал Вадим. - Корешок-то мой стародавний, похоже, с головой не в ладах..."

— А ты не смейся, - неожиданно трезвым голосом сказал Северцев, - так оно и есть. Что Семёныч пил зверски - про то всякий знает. А он ведь ещё и наркоту принимал, причём в таких дозах, что целую дружину наркоманов в передоз вогнать можно. И каждый день! А почему? Заострение сознания это называется - контакт со слоём. И не один он был такой - ты вспомни историю.

Андрей набулькал себе рюмку, выпил и продолжил, лихорадочно блестя глазами:

— Не мог он иначе, понимаешь? В том-то всё и дело... Ты сам посмотри - вроде и песни немудрёные, и гитара никакая - стук-стук да бряк-бряк, - а как пробирало, а? Вот то-то и оно. Будил Высоцкий души наши спящие, себя сжигая. А как сделал своё дело - тут ему и конец пришёл. Ты знаешь, что его в больницу собрались класть за день до его смерти - чистить и от наркотической зависимости спасать? И помешала какая-то мелочь пустяковая. Решили отложить, а на следующий день он и...

Костомаров хотел было возразить, но тут его словно обожгло - он припомнил вдруг ту свою похмельную ночь перед судьбоносной встречей в пивном баре и неведомый Голос во тьме, диктующий ему чеканные строки. "А ведь в этом что-то есть, - смятенно подумал Вадим, - есть, чёрт меня подери!"

Он попытался разговорить Андрея, расспросить его поподробнее, но Северцев уже дозрел - последняя рюмка была явно лишней. Единственное, что удалось выпытать у жертвы алкогольного нокаута - и то с превеликим трудом - это адрес обиталища поэта-бедолаги. Вадим Петрович положил Андрею во внутренний карман куртки пачку денег, рассчитался с официанткой, тщетно строившей ему глазки, и кивком головы позвал охранника.

— Доставишь его вот по этому адресу, - распорядился Костомаров, протягивая парню салфетку с адресом, - тут недалеко. До койки. В целости и полной сохранности, без проблем с милицией и всякими прочими шведами. Да, купи ему бутылку водки и оставь - а то его ещё кондратий с отходняка хватит.

Телохранитель молча кивнул, легко извлёк бесчувственного Северцева из-за столика и повёл его к выходу, придерживая за руку. А генеральный директор "Грёз" пробормотал, усаживаясь на заднем сидении своего "мерседеса":

— Энергоинформационный слой, говоришь? Наркотики, говоришь? Ну-ну...

— Вы что-то сказали, Вадим Петрович? - обернулся к нему водитель.

— Так, ничего. Поехали в офис.

* * *

"Ты смотри-ка, - с немалым удивлением думал Костомаров, переворачивая листы распечатки, - вот тебе и девочка-припевочка, попрыгунья-стрекоза... Не сексом единым жива наша богиня-охотница..."

Диана выполнила неожиданное задание шефа превосходно и в кратчайший срок - всего за неделю она подготовила Интернет-выборку, скрупулезно систематизировав чуть ли не все данные по так называемому энергоинформационному слою и по галлюциногенным наркотикам, имевшиеся в мировой паутине. Мало того, девушка выжала всю воду, удалив из всех скопированных статей пространные и маловразумительные рассуждения мистического толка, оставив самую суть, позволявшую получить достаточно ясную картину.

И Вадим, прочитав подготовленную Дианой распечатку, окончательно утвердился во мнении: да, в этом что-то есть, и этому "чему-то" можно найти практическое применение.

Алексеев воспринял новую идею компаньона с некоторой осторожностью. Он не то чтобы сомневался в наличии в ней рационального зерна - его беспокоило совсем другое.

— Зелье-то мы сварим, - задумчиво сказал он, выслушав соображения Костомарова, -

этим я ещё в студенческие годы баловался, дело знакомое. И глюки - это да, чёрт знает что может пригрезиться. Психоделика в полный рост - сюрреалисты молча отдыхают. Но дело это опасное - тут мы с тобой в чужой огород забираемся, а там такие волки бродят... Зубки у них большими деньгами отточены, мигом соорудят нам с тобой гроб глазетовый с кистями. Ты знаешь, почему я тогда с тобой на край земли подался камешки кидать с крутого бережка далёкого пролива Лаперуза? Вот из-за этого самого. А тогдашняя наркомафия нынешней и в прокладки не годится, возможности у неё были не те, да и сферы влияния только-только делить начинали. Торговля наркотой - самый прибыльный, но и самый кровавый бизнес в мире, знаешь об этом?

— Ты меня не понял. Мы не будем торговать наркотиками, мы будем зарабатывать на эффекте их применения. Спортсменам дают допинг, а потом делают деньги на неожиданных победах и рекордах - такая вот аналогия. А торговать - да упаси Бог, надо чтить уголовный кодекс!

Руководитель "фармацевтического филиала" кивнул в знак согласия. Он не слишком любил читать, однако "Золотого телёнка" уважал, искренне сожалел о горькой судьбинушке "великого комбинатора", не нашедшего применения свои деньгам в условиях победившего социализма, и тоже иногда вворачивал в своей речи цитаты из Ильфа и Петрова.

— На первом этапе задача проста - нам нужен высокоэффективный галлюциноген или психотроп. Ну, это уже твоя епархия, тут тебе и карты в руки, не мне тебе советы давать. А дальше - дальше мы будем кормить твоим витамином наших подопытных кроликов, стричь с них шёрстку и продавать её по спекулятивным ценам. Это уже моя задача. Я доступно излагаю?

Сергей снова кивнул, уяснив творческий замысел компаньона.

— Какого окраса и фактуры будет эта шёрстка, - продолжал Вадим, - тут надо ещё подумать. Главное - из энергоинформационного слоя можно извлекать гениальные творения, уже когда-то где-то кем-то созданные и хранящиеся в этом слое миллионы лет.

— Кем созданные? Динозаврами?

— А неважно кем. Людьми созданные. Или не-людьми, какая разница? Носителями Разума с неведомой планеты в Крабовидной Туманности или из параллельного мира. Слой - он ведь един для всей нашей Вселенной, если верить гипотезам.

— Фантастика ненаучная, - пробормотал Алексеев. - Сказки для детей и подростков...

— Знаешь, Серёга, - веско уронил Костомаров, глядя в синие глаза соратника, - я бы тоже не поверил в эти сказки, если... Если бы не испытал на своей шкуре нечто похожее.

— Это когда это ты успел? - оторопело спросил Сергей.

— Давно, - Вадим усмехнулся, - ещё до нашего с тобой знакомства. Однако помню я этот случай, вот ведь какое дело.

— Ну-ну... - неопределённо протянул Алексеев, однако скептицизма в нём заметно поубавилось.

— Значит, так, - подытожил директор "Грёз". - Нужен допинг и нужны исполнители. И не просто прохожие с улицы, а люди с творческой жилкой, с искоркой божьей. Обычный человек ведь не установит олимпийский рекорд, какими снадобьями его не накачивай, - тут требуется тренированный спортсмен с определёнными задатками. Найдём, я так думаю, - гениев непризнанных на Руси всегда было в избытке, в отличие от всего прочего... Так что - действуй-злодействуй, вари свой колдовской декокт. А кроликов - подберём, будут у нас эти зверюшки для вивисекции.

Оставшись один, Вадим продолжал размышлять. Он не сомневался в способностях Сергея, в его знаниях в области "сугубо прикладной" химии и в технических возможностях неплохо оснащённой лаборатории "фармацевтического филиала". За комплектацию отряда "кроликов" он тоже особо не беспокоился, так как помнил ещё со времён своего увлечения бардовской песней: почти любой сочинитель, кое-как слепивший пару корявых строф, уже считает себя Поэтом с большой буквы. Загвоздка была в завоевании достойного места на рынке.

По своему издательскому опыту Костомаров знал, что сборники стихов отнюдь не сметаются подчистую со стеллажей книжных магазинов ценителями прекрасного. Громких имён в поэзии России на стыке веков не было, как не было и особого спроса на поэтические творения. Поэты (или считавшие себя таковыми) тусовались в узком кругу или в виртуале, издавая свои вирши микроскопическими тиражами за свой счёт. А на эстраде и вовсе не требовались настоящие стихи или тексты песен, начинённые хоть каким-то смыслом. И авторская песня, некогда любимая и ценимая, застенчиво ютилась в тени, отбрасываемой исполинской машиной шоу-бизнеса. А Вадиму Петровичу Костомарову, уже привыкшему за последние годы измерять успех в денежных единицах, нужен был коммерческий успех.

"Нужно что-то новое, - думал он, - пусть даже это новое на поверку окажется хорошо забытым старым. Как развивалась поэзия? Устное творчество, былины и сонеты; баллады, распеваемые менестрелями под нехитрый аккомпанемент. Стихи в списках, читаемые "под пламень пунша золотой". Салонные стихи, вписываемые в альбомы с виньетками, и стихи поэтов "серебряного века"; стихи "шестидесятников", звучавшие со сцен переполненных концертных залов во времена хрущёвской "оттепели". И - новый виток: авторская песня, термин, придуманный Владимиром Высоцким, который метеором ворвался в мир поэзии и поставил его на дыбы. А ведь задолго до Высоцкого акыны, гусяры и поэты античности сопровождали свои сказания звуком струн... Новое - это хорошо забытое старое?"

Вадим выдернул из лежавшей перед ним на столе пачки "беломорину" - он так и не изменял своей старой привычке - и жадно закурил.

"Так-так-так... Восприятие и воздействие одного и того же стиха, прочтённого глазами с листа и услышанного в исполнении профессионального чтеца - оно ведь разное! А когда сюда же ещё накладывается ритмический звуковой фон... Высоцкий стал известен и знаменит благодаря технике двадцатого века - магнитофону, шагнув с намагниченных лент в каждый дом. А если..."

Костомаров вспомнил, какое впечатление произвёл на него шекспировский сонет, спетый Аллой Пугачёвой на фоне старинных каменных стен в фильме "Женщина, которая поёт". Вспомнил он и то, как по-особому звучали песни Высоцкого в кинофильмах, и даже вспомнил давным-давно забытое - зримую песню.

"Ещё один канал восприятия - зрительный! Вот оно! Создатели видеоклипов делают кое-что в этом направлении, но их клипы бессмысленны - это просто набор картинок, не имеющих никакого отношения к тексту песни. А если создать *смысловой* видеоряд, этаким мини-фильм на сюжет песни? Видеопесня! Ведь зацепит это зрителя-слушателя, наверняка зацепит! Правда, нужен тот самый смысл, который сегодня напрочь изгнан из эстрадных шедевров... А вот тут-то мы и задействуем наших кроликов, таскающих сладкую морковку с вселенской грядки. И ещё: этим ведь никто и нигде всерьёз пока не занимается, да и не всерьёз тоже. Есть шанс оказаться первым, а это, батенька, очень много значит..."

Он встал и заходил по кабинету, роняя пепел на ковролин, устилавший пол, и не замечая этого. Вадим чувствовал, что наконец-то нащупал нечто очень важное, способное принести ему желанный успех.

Из возбуждённо-приподнятого состояния его вывел звук отворяющейся двери.

— Вадим Петрович, - смиренно доложила появившаяся на пороге Диана, - восемь часов. Все уже ушли, Вадим... Петрович.

— Спасибо, малышка, - весело отозвался Костомаров. - Собирайся, сейчас поедем.

* * *

— Прошу меня простить, господин Саммерс, что заставил вас ждать. Ваше появление было столь неожиданным, а мне безотлагательно требовалось решить один очень важный вопрос - бизнес есть бизнес.

— Ничего страшного, - вежливо ответил топ-менеджер "DVD World Conqueror", - я всё понимаю. А моё появление у вас - своего рода экспромт, вот мне и пришлось испытать на

себе справедливость русской пословицы о незваном госте и татарине.

"Кто он такой? - думал Вадим, исподтишка изучая холёное лицо своего собеседника. - По-русски говорит чисто и правильно, с еле уловимым акцентом, какой обычно появляется у наших людей, долгое время живущих за границей. Сдаётся мне, что никакой он не Хьюго, а просто Юра с Малой Арнаутской в Одессе. Чёрт их разберёт, этих граждан мира, какого они роду-племени...".

Костомаров слегка лукавил - он знал, кто такой Саммерс и чем занимается "World Conqueror". Однако визит заморского гостя действительно был неожиданным, и Вадим хотел взять маленький тайм-аут, чтобы собраться с мыслями и посоветоваться с Сергеем, а заодно получить от него последнюю информацию об итогах испытаний "КК".

"И вообще - предупреждать надо, будь ты хоть сам президент Буш, а не заявляться без объявления войны, как налоговый инспектор. Если собрался говорить о делах, наверняка ведь заранее узнал наши контактные телефоны - мог бы и позвонить. Так что не обессуди, мил человек. В конце концов, можешь считать нас примитивными дикарями, не имеющими представления о правилах этикета, - пренебрежение к противнику дорого стоило многим прославленным полководцам" - так мыслил генеральный директор "Грёз".

Но господина Саммерса, похоже, нимало не озаботила скромность официального ритуала - он не стал терять времени на дальнейшие взаимные сожаления, а перешёл к делу.

- От лица нашей фирмы я уполномочен предложить вам, господин Костомаров, заключить с нами контракт. Ваше дело - поставлять доброкачественное сырьё, так скажем, а мы изготовим конечный продукт и обеспечим его сбыт. Наша торговая сеть глобальна, а новейшие цифровые воспроизводящие устройства по размерам не больше записной книжки, поэтому потребитель сможет воспринимать видеoinформацию где и когда угодно: дома, на работе, в транспорте, за едой и даже в постели, занимаясь одновременно любовью.

"Какие проворные ребята, - ошарашено подумал Вадим. - Но откуда они узнали, чем именно мы не то что занимаемся, а ещё только собираемся заняться? Ведь неспроста этот Юрик упомянул словечко "видеоинформация", ох, неспроста...".

- Боюсь, я вас не совсем понял, - осторожно начал генеральный директор "Грёз". - Мы издаём книги на бумаге, и аудиовидео - несколько не наш профиль.

- Мы очень внимательно следим за всеми новинками, и наши эксперты оценивают перспективы разных вариантов книги будущего. Любое печатное издание можно перевести в электронную форму, - невозмутимо ответил Саммерс и добавил: - Если оно того стоит.

"Может быть, может быть... - лихорадочно размышлял Костомаров. - Много чего люди изобрели в разных точках земного шара независимо друг от друга... Вполне возможно, что кому-то ещё уже пришла в голову моя идея делать аудиозапись песни с наложенным на неё смысловым видеорядом. Но тогда зачем им мы? Они что, без нас обойтись не могут - с их-то технической оснащённостью?".

- В России много талантливых людей со своеобразным мировосприятием, - Саммерс словно прочёл мысли Вадима. - И наше с вами сотрудничество видится нам в превращении результатов их творческих усилий в современную и удобную для потребителя форму.

"Темнишь ты что-то, парень... Сырьё, говоришь? Ну-ну... Так мы ведь и сами можем выдавать законченные композиции - найдём и музыкантов, и кинематографистов, и уж тем более переводчиков. Эликсирчик-то наш, надо думать, не на одни только поэтические мозги будет действовать, а на всю сферу творчества".

- Вы знаете, нам не очень хотелось бы ограничиваться только предоставлением вам текстов. - Вадим не счёл нужным дальше строить из себя невинность, не понимающую, зачем это её прихватывают за разные интимные места, - этот тип наверняка что-то знает о планах фирмы с поэтическим названием "Грёзы Музы". Откуда - сейчас это не так важно, важно то, что корпорация "DVD World Conqueror" явно заинтересована в сотрудничестве. И такой шанс упускать нельзя.

- Я полагаю, - Саммерс задержался с ответом не более чем на пару секунд, - что этот вопрос мы с вами сможем решить к взаимному удовлетворению. Однако нам хотелось бы

закрепить за "World Conqueror" эксклюзивные, - он снова сделал паузу, - права на вашу продукцию.

"Ого! Серьёзно!" - изумился хозяин кабинета, хотя внешне никак этого не выказал.

– Могу ли я ознакомиться с деталями вашего предложения? - спросил он сдержанно.

– Пожалуйста! - спокойно ответил Саммерс и достал из атташе-кейса чёрную папку с цветным логотипом на обложке, изображавшим викинга в рогатом шлеме, с мечом в руке и с книгой подмышкой.

"Типа не хотите читать наши книги - заставим?" - усмехнулся про себя Костомаров. Он взял папку, неторопливо раскрыл и некоторое время изучал содержимое вложенных в неё страниц, аккуратно запакованных в пластик.

По прочтении (даже беглом) первым желанием Вадима было тут же подписать если не контракт, то хотя бы протокол о намерениях. От такой поспешности его удержала только приобретённая российскими бизнесменами образца девяностых годов двадцатого столетия от Рождества Христова привычка задавать себе вопрос: "А где меня собираются кинуть?", каким бы гладеньким-сладеньким не выглядело предложение партнёра с самой солидной репутацией. Эта привычка помогала Костомарову и Алексееву выкруливаться из всех передраг, в каковые попадали "Грёзы Музы" за десять лет своего существования. И поэтому Вадим Петрович так же неторопливо закрыл папку и сказал:

– Ваши условия интересны. Но мне хотелось бы узнать мнение наших акционеров и поподробнее изучить контракт. Поэтому я предлагаю вам встретиться завтра в это же время - нам хватит суток для обдумывания и принятия окончательного решения. Это вас устроит?

– Конечно, - легко согласился Саммерс. - Это разумно с вашей стороны и вполне естественно.

Но при этом в глазах его что-то мелькнуло, и Костомаров готов был дать голову на отсечение, что его визави подумал (в переводе на прибалтийский) примерно следующее: "И что ты мне грузишь? Какие акционеры? Вас всего двое: ты да твой поделщик. Не гони пургу - замёрзнешь!". Однако Вадим Петрович не подал виду и постарался улыбнуться как можно радушнее, но ни в коем случае не заискивающе.

– Вот и прекрасно. Я пришлю за вами машину к "Астории".

Он проводил гостя и уже в приёмной многозначительно произнёс:

– Не планируйте ничего на завтрашний вечер - о неофициальной части нашей встречи мы позаботимся.

Вадим уже догадался, почему Саммерс явился к нему чуть ли не инкогнито. Ушлый топ-менеджер располагал достаточно полной информацией, заранее просчитал варианты и торопился первым застолбить золотой участок, не привлекая при этом внимания. И для "Грёз" такая его поспешность была только на руку - можно будет поторговаться.

Увлечённый своими мыслями, Костомаров не заметил странного взгляда, брошенного Дианой на уважаемого визитёра. Ни ему, ни Алексееву и в голову не могло придти, что эта смазливая девчонка, которой недавно исполнилось всего двадцать два года, способна на куда большее, нежели ураганный секс в немыслимых позах и в самых неожиданных местах или чёткое выполнение своих прямых служебных обязанностей.

Вадим нередко делился с Дианой своими мыслями и планами, когда она прижималась к нему в постели своим змеистым телом, и даже осторожный Сергей иногда бывал излишне откровенен с очаровательной секретаршей - особенно после того как.

* * *

В отличие от Костомарова Диана знала о предстоящем визите Хьюго Саммерса в офис фирмы "Грёзы Музы". Более того, именно она и подготовила этот визит.

Под фотомodelьной внешностью этой девушки скрывался холодный и циничный ум. Диана поставила себе цель добиться успеха в жизни - так, как она это понимала, - и шла к этой своей цели с завидным упорством, пренебрегая несущественными, с её точки зрения,

мелочами. Вадим был ей симпатичен, но он явно не собирался вести её под венец, а статус простой сожительницы Диану не устраивал. К тому же она не считала пределом своих мечтаний стать женой совладельца пусть удачливой, но маленькой фирмочки, каких пруд пруди.

О корпорации "DVD World Conqueror" Диана узнала, сопровождая Вадима Петровича в его поездке на международную книжную ярмарку в Мюнхене полтора года назад. Вадим взял с собой свою секретаршу не только из постельных соображений - девушка окончила спецшколу и свободно владела английским, чем сам Костомаров не мог похвастаться.

Они тогда надолго задержались у стендов с броской эмблемой - воин с толстенным фолиантом и мечом. Вадим Петрович с интересом разглядывал разнокалиберные ноутбуки и наладонники, предназначенные в первую очередь для чтения с экрана объёмистых текстов, а Диана добросовестно переводила ему пояснения представителя "Conqueror", круглолицего низенького бельгийца с живыми глазками. На прощанье словоохотливый менеджер вручил гостям из России целую пачку рекламных проспектов и свои визитки.

Эти яркие буклеты Диана листала в самолёте, пока Вадим Петрович мирно посапывал в соседнем кресле, и размах "DVD World" впечатлил девушку - по возвращении домой она перешерстила весь Интернет в поисках дополнительной информации. Тогда-то и зародилась у Дианы шальная мысль вписаться в эту грандиозную структуру, по сравнению с которой "Грёзы" выглядели просто самодеятельной артелью по производству скобяных изделий.

Какое-то время эта мечта так и оставалась мечтой, пока Костомаров не поручил Диане сделать для него странную Интернет-выборку. А потом девушка узнала кое-что от обоих компаньонов и сообразила: у неё появился шанс.

Немного подумав, она написала электронное письмо менеджеру "World Conqueror", обслуживавшему их на ярмарке. Ответ пришёл быстро - бельгиец запомнил светловолосую русскую красавицу. И тогда Диана сообщила, что располагает эксклюзивной информацией, представляющей несомненный интерес для "DVD World". Рыбка клюнула - у неё попросили подробностей. Расчётливо и осторожно, скупыми намёками, Диана сумела дать понять, что речь идёт о принципиально новом способе производства интеллектуальной продукции. От неё потребовали дополнительных разъяснений, и она ответила, что готова их предоставить, но только при личном контакте и соответствующей оплате.

Последовал довольно продолжительный период молчания - авантюристка уже начала опасаться, что её усилия окажутся тщетными. Но месяц назад она вздохнула с облегчением: в Санкт-Петербург приехал представитель корпорации, и Диана с ним встретилась.

Ей удалось добиться желаемого: при встрече она сообщила ему достаточно, чтобы заинтересовать боссов "DVD World", но недостаточно, чтобы те сочли Диану не нужной в дальнейшем. И она получила деньги - столько, сколько запросила, не жадничая, но зная цену своим сведениям.

А два дня назад Диана попросила у Вадима Петровича разрешения отлучиться с работы, так как у неё заболела мать. Костомаров разрешил - девушка не злоупотребляла его расположением и отпрашивалась крайне редко, - и через час Диана уже сидела в гостинице "Астория", в номере "люкс", занятом топ-менеджером "DVD World Conqueror" господином Хьюго Саммерсом, только что прибывшим на берега Невы. Он вылетел в Россию лично, как только Диана сообщила о том, что подготовительная стадия нестандартного проекта "Слой" практически завершена, и что фирма "Грёзы Музы" готова приступить к его реализации.

— Вы очень хорошо поработали, мисс Диана, - сказал Саммерс, получив последние сведения об алексеевском галлюциногене, о планах Костомарова и о "творческом центре" на Карельском перешейке. - Счёт на ваше имя открыт - можете проверить, - он пододвинул к ней раскрытый ноутбук. - Код доступа следующий...

— Я бы хотела получить и наличные, как мы с вами договаривались.

Саммерс молча извлёк из кейса пачку двухсотевровых купюр и протянул её девушке. Та деловито перебрала на маникюрными пальчиками банкноты и убрала их в сумочку.

— Завтра Костомарова в офисе не будет, - сообщила она, защёлкивая сумку. - Самое

удобное время для вашего визита - это послезавтра в одиннадцать утра.

– Хорошо. И позвольте, коль скоро мы с вами закончили с делами, пригласить вас сегодня поужинать вместе со мной в любом ресторане города - по вашему выбору.

– Вы знаете, господин Саммерс...

– Вы может называть меня просто Хьюго.

– Вы знаете, Хьюго, мне хотелось бы чётко установить границы моего с вами сотрудничества. Я понимаю, что вам понравились мои коленки, - Диана обворожительно улыбнулась, хотя её холодный тон не вязался с её улыбкой, - но я сегодня буду ужинать с Вадимом Петровичем Костомаровым и спать в его постели. Не будем нарушать правила игры, договорились?

"А ты не проста, девочка, - с уважением подумал топ-менеджер "World Conqueror", - далеко пойдёшь".

"Счас, разбежалась, - со злостью подумала секретарша "Грёз", - всю жизнь мечтала лечь под тебя! Затрахаи вас, блин, ваши порядки насчёт сексуальных домогательств, вот вы у нас и оттягиваетесь! Но только не надо путать меня с гостиничной проституткой - я не собираюсь разменивать свой женский капитал по мелочам. Вот если б ты предложил мне руку и сердце, да ещё с заключением брачного контракта, чтоб я нехило могла бы утеплить себе задницу после развода, тогда бы мы с тобой побеседовали на интимные темы - может быть. А так - извини, блядей в Питере и без меня хватает".

– Хорошо, - Саммерс дробно рассмеялся, - давайте будем соблюдать правила игры. Я даже вида не подам при посещении вашего офиса, что вас где-то видел - хотя бы мельком.

– Само собой разумеется, - ответила Диана без тени улыбки. - До послезавтра, господин Саммерс.

...Ни Вадим Петрович Костомаров, ни Сергей Леонидович Алексеев ничего этого так и не узнали. Впрочем, по горло занятые делами, они не очень-то и стремились узнать, как попала к Саммерсу информация об их дерзких планах, потому что долгосрочное соглашение о сотрудничестве с одним из мировых бизнес-гигантов открывало перед компаньонами такие розовые горизонты, о которых Сергей с Вадимом даже не мечтали.

Контракт был подписан, а вечером на банкете господин Хьюго Саммерс после тостов за успешное и плодотворное сотрудничество предложил поднять бокалы за очаровательную мисс Диану, являющуюся лучшим брэндом фирмы "Грёзы Музы".

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Солнечный свет обливал стройные тела сосен расплавленной бронзой. В просветах между кронами проглядывало голубое небо; тихий шорох деревьев перекрывала раскатистая пулемётная дробь дятла.

"Хорошо-то как, - думал Вадим Петрович, шагая по присыпанной мелким гравием дорожке. - В этих райских куцах Всевышний ниспошлёт вдохновение без всяких инъекций, дыши да твори...".

Аккуратные одноэтажные коттеджи были разбросаны по всей территории бывшей турбазы в кажущемся беспорядке; ажурная паутина ограды не бросалась в глаза. Чистота и ухоженность Центра не выглядели нарочитыми, и цветочные клумбы, резные скамеечки и беседки в окружении массивных замшелых валунов, оставленных некогда прокатившимся здесь ледником, очень органично вписывались в пейзаж - дизайнеры, похоже, не только добросовестно отрабатывали деньги, но и вложили сюда частичку души. Творческий Центр не копировал стандартизированные пансионаты - у него был собственный неповторимый облик: в меру сумбурный и в меру упорядоченный.

Дорожка вывела Вадима Петровича к главному корпусу - к трёхэтажному зданию на берегу реки. Костомаров умышленно не стал извещать персонал Центра о точном времени своего прибытия - ему хотелось сначала пройтись и осмотреться одному, без встречающих-сопровождающих. Однако на ступеньках перед входом в корпус его ждали двое: коренастый

мужчина лет пятидесяти и молодая женщина - охранник у ворот быстренько сообщил кому надо о появлении генерального директора фирмы и хозяина этого уютного гнёздышка.

"Лидия Терешева, врач-нарколога, - услужливо подсказала память, как только Вадим увидел эту черноволосую женщину в строгой серой юбке и белой блузке. - Двадцать восемь лет, разведена, детей нет, постоянного друга нет, живёт с матерью. Высшее медицинское образование, психолог, занималась реабилитацией наркоманов, любит свою работу, умеет общаться с людьми, в том числе с подверженными разного рода психическим вывихами. Выбрана из пяти претендентов. В порочащих связях... Нет, это из другой оперы". С Лидией Костомаров беседовал лично (как и со всеми другими), и Терешева понравилось ему своей спокойной уверенностью. Бывает такое, когда сразу видно - этот человек будет на своём месте.

Мужчину звали Фёдор Борович Доржиев - этого скуластого и узкоглазого то ли бурята, то ли хакаса отыскал Алексеев. "То, что надо, - сказал о нём Сергей. - Дао, буддизм, синтоизм и всякая прочая хрень. Доктор эзотерических наук, кореш всех богов индуистского пантеона, потомственный гуру, посвящённый адепт раджа-йоги. В общем, сын Крепыша и любимец Рабиндраната Тагора. Но, - при этом он многозначительно поднял палец, - действительно кое-что умеет и может, не чистой воды шарлатан. И к тому же очень хорошо понял, что мы шутить не будем, и ежели что... Подойдёт, я так думаю".

- Здравствуйте, Вадим Петрович, - сказала Лидия и улыбнулась Костомарову не той синтетической ухмылкой, которая входит в комплект официальной униформы, а настоящей доброй улыбкой, означающей, что жизнь стоит того, чтобы ей улыбались.

"А у неё, оказывается, зелёные глаза, - ни к месту подумал Вадим. - А мне почему-то показалась на собеседовании, что карие".

- Доброе утро, - ответил он и поправился, заметив, как при его безличном ответе на приветствие по лицу женщины пробежала еле заметная тень, - Лидия. "Мелким слабостям сотрудников стоит потакать, особенно если этот сотрудник - женщина, и если эти потачки не вредят делу".

- Здравствуйте, Вадим Петрович, - Доржиев слегка поклонился, но выражения глаз-щелочек "любимца Рабиндраната Тагора" Костомаров не разобрал.

- Здравствуйте, Фёдор Борович. С удовольствием выпил бы чашку чая перед тем, как встретиться с нашими творцами. Только, - Вадим Петрович чуть усмехнулся, - чистого чая, без наполнителя.

Доржиев хитровато ухмыльнулся, но Лидия только кивнула - мол, само собой.

В просторном холле она коротко бросила вскочившей при их появлении девушке за стойкой дежурной: - Оповестите по трансляции о собрании в актовом зале, - и сделала приглашающий жест: - Прошу в мой кабинет, Вадим Петрович.

Чай Терешева приготовила сама. В её движениях, когда она поставила на стол три дымящиеся чашечки, было что-то домашнее, и Костомаров лишний раз убедился в том, что он не ошибся с выбором главного врача-администратора Творческого Центра - Лидия умело сочетала в себе твёрдость и мягкость в нужной пропорции.

Доржиев молчал, а Терешева сжато и по-деловому обрисовала положение дел.

- В настоящее время здесь сорок семь человек, хотя разместить можно вдвое больше. Люди все разные: у большинства целый набор комплексов, есть и основательно подсевшие на иглу. Однако критических случаев не выявлено - я беседовала со всеми. Сеансов мы пока не проводили, хотя всё готово. Дозировки рассчитаны исходя из предполагаемого уровня безвредности, но в дальнейшем я предполагаю откорректировать их в сторону уменьшения...

- ...или увеличения, - невозмутимо вставил Костомаров, прихлёбывая душистый чай и наблюдая за реакцией Лидии на эти слова. - Для нас важен результат, а ваша забота - не допустить нежелательных эксцессов.

- Да, да, конечно, - поспешно согласилась та, чуть опустив глаза. - Просто мне не хотелось бы...

- Мне тоже, поверьте. Я вовсе не собираюсь стяжать лавры доктора Моро, и от вас,

Лидия, во многом зависит, удастся ли мне выполнить это моё намерение. Надеюсь на ваш опыт и профессиональное чутьё. Перед нами невероятные перспективы, поймите это.

Терешева промолчала, и тогда заговорил Доржиев:

– Ритуал медитации подготовлен на основе канонических восточных методик, без дешёвых спецэффектов вроде пластмассовых черепов со светящимися глазами, - наедине с отцом-основателем проекта "Слой" "далай-лама" Творческого Центра называл вещи своими именами. - И могу сказать, что этот ритуал тоже будет содействовать активации творческих способностей, а не только служить ширмой для чайной церемонии.

– Надеюсь, так оно и будет, - уронил Вадим Петрович и отодвинул пустую чашку. - Превосходный чай. Ну, что, коллеги, пойдёмте? Нас ждут спящие гении - пора их будить.

* * *

Актальный зал с мягкими креслами, широкими окнами и утопленными в потолке и стенах светильниками был рассчитан на сто пятьдесят мест, но и при вдвое меньшем числе людей он не казался полупустым - расстояние скрадывалось умело выполненным дизайном.

Лёгкий шум, прошуршавший по рядам при появлении Костомарова, Терешевой и Доржиева, увял, как только они сели за установленный на подиуме овальный стол. Вадим Петрович физически ощущал устремлённые на него взгляды нескольких десятков пар глаз и трепетание аур - знал он за собой такую способность.

– Дамы и господа, - начал директор "Грёз", окинув взглядом притихшую аудиторию, - большинству из вас я уже знаком, однако позвольте представиться официально...

"Какие они разные, - думал Вадим, роняя стереотипные фразы. - И чего можно от них ожидать?"

– ... а представлять вам госпожу Терешеву и господина Доржиева нет нужды.

Зал молча слушал, ожидая главного. И дождался.

– Я не считаю, что истинный талант должен прозябать в холоде и голоде. Поэтому я и создал этот Творческий Центр, чтобы здесь ваши таланты могли приносить плоды.

Фраза получилась несколько высокопарной, однако слушатели скушали патетику, не поперхнувшись, - Костомаров знал, какой бальзам нужен творческим душам.

– Здесь вы найдёте всё, что нужно для истинного творчества: свободу от всех хлопот, связанных с добыванием хлеба насущного и заботой о крыше над головой. По условиям контракта питание, проживание и медицинское обслуживание предоставляется бесплатно - в пределах Центра. К вашим услугам инфраструктура отдыха - бассейн, сауна, тренажёрный зал, ресторан с баром. В этом зале, - Вадим Петрович сделал широкий жест рукой, - будут проходить танцевальные вечера. И, конечно, великолепная природа - она тоже для вас. Ваше дело - творить, не отягощая себя житейскими мелочами. Вам даётся шанс реализоваться и проявить себя - разве могли вы мечтать о таком там, в городе, где люди озабочены одним лишь выживанием и погоней за деньгами? Здесь и сейчас всё будет зависеть только от вас - условия созданы. Можете стать великими - будьте ими!

Он сделал паузу, давая слушавшим время осмыслить услышанное, и продолжил:

– И ко всему прочему, мы решили использовать для наиболее полного раскрытия всех ваших способностей древние сакральные методики. Этим будет заниматься наш специалист по восточным практикам совершенствования духа, - Костомаров кивнул на Доржиева, - а о здоровье вашего брэнного тела тоже есть кому позаботиться, - вежливый кивок в сторону Терешевой. - Ваши произведения увидят свет под логотипом фирмы "Грёзы Музы", выплата гонораров будет производиться в соответствии с вашими контрактами. От вас, повторю, мы ждём только одного - настоящих художественных произведений. А теперь я готов ответить на ваши вопросы.

Закончив, Вадим Петрович ещё раз оглядел зал и выцепил взглядом бледное лицо Северцева, сидевшего в первом ряду. Андрея доставили в Центр по личному распоряжению Костомарова, без обычного для кандидатов собеседования. Северцева привезли сюда после

длительного запоя, в полубессознательном состоянии, и потом четверо суток выводили из алкогольного обморока - этим занималась Лидия. Вадим руководствовался отнюдь не голым альтруизмом - он интуитивно чувствовал, что Андрей может выдать многое. И сейчас он предполагал, что именно Северцев и задаст первый вопрос. Но Костомаров ошибся - первым оказался растрёпанный длинноволосый парень в цветастом свитере.

— Скажите, - спросил длинноволосый, - а кто будет рецензентом? Кто будет решать, достойны наши произведения или нет? При вашей фирме существует группа литературных экспертов? Ведь учитывая многообразие поэтических форм и направлений...

— Эксперты у нас есть. Но в данном конкретном случае - в вашем случае - и цензором, и критиком, и редактором буду я сам. Я буду решать, пойдут ли ваши работы в печать или нет. Я, - Вадим жёстко усмехнулся, - буду повелителем ваших муз. Я имею на это право - я создал Творческий Центр и собрал всех вас здесь, в этих стенах. К тому же я не только меценат - или, выражаясь современным языком, спонсор, - но и сам не чужд поэзии. Я когда-то был бардом, хотя, говорят, бардом нельзя перестать быть. Как говорил один мой знакомый, - он посмотрел на Северцева, - поэт - это состояние души. Ещё вопросы?

— А насчёт методик, - хрипловатый голос принадлежал бесцветной особе в вязаной кофте с широким воротом, - можно ли поподробнее? Например, будут ли включены... э-э-э... тантрические элементы?

— Это вопрос не ко мне, - ответил Костомаров, подумав при этом: "Да, девушка, судя по твоим тактико-техническим данным, у тебя с этим делом проблемы", - это уже к Фёдору Бороевичу.

Доржиев деловито оглядел вопрошающую, установил её половую принадлежность и произнёс с оттенком многозначительности:

— Спектр наших методик очень широк. В случае необходимой целесообразности будет применяться индивидуальный подход.

— Вы удовлетворены? - спросил Вадим Петрович заворожено возмущавшуюся на "сына Крепыша" кофтоносительницу. Та кивнула и судорожно сглотнула.

— А вот ещё такой вопрос, - подал голос бритоголовый парень с третьего ряда. - Мы здесь как - под замком? Я смотрю, охрана тут, забор... А если я захочу съездить в Питер?

— Прежде всего, вы здесь на работе - вы подписали контракт. Я вложил деньги в этот проект, и я хочу их отбить. Цинично, скажите? Но это реалии нашего времени, а нравятся они вам или нет - это уже другой вопрос. Однако вы здесь не в тюрьме - по выходным вы можете покидать пределы Центра... за свой счёт. Но если вы загуляете и не вернётесь к началу рабочей недели, это будет считаться нарушением контракта - со всеми вытекающими отсюда последствиями, в том числе и с возвращением выплаченного вам аванса. И у меня к вам встречный вопрос: а зачем вам куда-то ехать? Здесь, в Центре, у вас есть всё - и кино, и телевидение, и неограниченный доступ в Интернет, и свежие газеты, и отдых на любой вкус - в том числе и на... своеобразный, так скажем. К тому же, насколько мне известно, у вас - господин Алёхин, я не ошибся? - в городе нет родственников, а если вы непременно желаете встретиться с какой-нибудь вашей знакомой женщиной, зовите её сюда, почему нет? Разве в вашем коттедже не хватит места для двоих? Оплатите питание вашей гостьи, и всё. Что же касается охраны, так она есть на любом серьёзном предприятии - снаружи-то всякая публика шастает.

Были и другие вопросы, но мелкие и не по существу. Слушая "кроликов", Костомаров пришёл к выводу, что все они ошарашены открывшимися перед ними возможностями, и что разного рода нюансы кажутся им несущественными - по крайней мере, пока. А потом - там оно видно будет.

Взбуждённая творческая публика уже расходилась, вполголоса обмениваясь впечатлениями, когда Вадима Петровича кто-то тронул за рукав. Он обернулся - перед ним стоял Северцев.

— Вадим...

Не отвечая, Костомаров отвёл бывшего друга в сторонку и негромко произнёс, глядя

ему прямо в глаза:

– Не Вадим, а Вадим Петрович. Прошное принадлежит прошлому, Андрей. Я дал тебе шанс заниматься тем, что тебе по душе, - помнишь наш разговор в кафе? - но это не означает, что ты можешь рассчитывать на моё особое к тебе отношение.

Северцев молча кивнул, не отводя глаз под тяжёлым взглядом "повелителя муз".

– Благодарности я от тебя не жду - она мне ни к чему. Ты называешь себя поэтом - так покажи, на что ты способен. Увенчай себя лаврами, и тогда мы с тобой поговорим на равных.

Не дожидаясь ответа, Вадим резко повернулся и пошёл к ожидавшим его Терешевой и Доржиеву. Но он чувствовал спиной взгляд Андрея и уже на выходе из зала полуобернулся и бросил через плечо короткий взгляд на Северцева, так и оставшегося стоять возле подиума.

Андрей не выглядел жалким и потерянным, нет, однако во всём его облике явственно проступала какая-то обречённость. Костомаров досадливо поморщился и вышел.

* * *

– Аум-м-м-м...

Музыка сочилась из стен, и тонкие дымные змейки от курящихся ароматических палочек выплетали причудливый узор. В заре было почти темно, дневной свет не пробивался сквозь задёрнутые шторы. Солнце осталось там, за окнами, а здесь - здесь был другой мир.

– Ом-м-м-м...

Актёрский зал преобразился. Кресла стояли в беспорядке, оставляя середину зала свободной. В креслах сидели люди в расслабленных позах, глаза их были закрыты. Другие расположились на одеялах, расстеленных на полу, - каждый из участников ритуала сам выбирал то, что ему подходило. И в полутьме, на фоне тягучей музыки, плыл мерный голос Доржиева:

– Слушайте Зов Вечности... Слушайте - и внемлите...

Костомаров уже не первый раз присутствовал на утренней церемонии и давно понял, что их доморощенный "далай-лама" очень неплохо владеет техникой управления массовой медитацией. "Наш гуру Федя", как называл его Алексеев, вёл несколько десятков людей на невидимой верёвочке, вёл ненавязчиво, но в то же время не давая уйти в сторону. Даже он, Вадим, прекрасно осведомленный об истинной сути этой части ритуала, призванной в первую очередь замаскировать главное, ощущал гипнотическое воздействие этого человека, а что уж тогда говорить о "кроликах", готовых принять откровение свыше! Сергей оказался прав - Доржиев не был чистой воды шарлатаном.

– Возвращайтесь... Возвращайтесь... Возвращайтесь...

Люди в креслах и на одеялах зашевелились, задвигались, выходя из транса и открывая глаза. Тем временем адепт восточных практик внешне неторопливо, но сноровисто наполнял из вместительного самовара чашки, плотно стоявшие на большом подносе. К столу один за другим потянулись участники чайной церемонии. Они брали истекающие ароматным паром чашки и отходили, уступая место другим, и Костомаров поймал себя на том, что ему тоже хочется подойти, взять свою порцию и глотнуть живительного напитка, потому что... Да потому что *так надо*, чёрт подери, надо - и всё тут!

А Доржиев с бесстрастным лицом ожившего Будды внимательно следил, чтобы никто не остался обделённым, и насколько Вадим помнил, таких случаев пока не было.

– А теперь идите, - закончил "гуру Федя", когда вся опустевшая посуда вернулась на поднос. - Идите, и слушайте Голос, и творите!

"Да, этот тип знает своё дело, - подумал Вадим Петрович, рассматривая выходящих из зала людей. - Результат налицо, точнее, на лицах..."

Часом позже он выслушал доклад Терешевой о состоянии здоровья "творческих работников" - таким был официальный статус "подопытных кроликов" Центра.

– Мы регулярно проводили обследование всех наших подопечных, - рассказывала Лидия, - измерение артериального давления, анализ крови, жалобы на общее самочувствие и

более сложные процедуры, вплоть до томографии и снятия нейрограмм.

– Возражений с их стороны не было? - спросил Костомаров.

– Никаких. Людям нравится, когда об их здоровье заботятся. Тревожных симптомов за прошедшие полгода не выявлено, психический фон тоже не внушает опасений. Да, они стали чуть... своеобразными, однако всё в пределах нормы - отклонений нет.

Своеобразие "кроликов" Вадим Петрович имел возможность наблюдать лично - он теперь часто гостил в Творческом Центре, перепоручив ведение текущих дел фирмы Сергею. И Вадим видел неуловимо изменившиеся лица этих людей и особенно их глаза - временами Костомарову казалось, что его "творческие работники" благодаря регулярному приёму "КК" обрели способность видеть нечто незримое для других.

– В общем, - с явным облегчением подытожила Терешева, - на данном этапе можно считать, что воздействие препарата "КК" не приносит вреда здоровью человека и сравнимо с воздействием обычного допинга - естественно, в разумных дозах.

– Вас это обстоятельство радует?

– Конечно! - живо отозвалась Лидия. - Деньги деньгами, но конфликт с совестью...

"Ого! - с некоторым удивлением подумал директор "Грёз". - Она ещё не забыла это слово? Есть женщины в русских селеньях..."

– А скажите, Вадим Петрович, - спросила Терешева, поглядывая на крупные хлопья снега за окном, - ваши надежды... Они оправдались?

– А вы разве сами не читали ничего из того, что пишут наши поэты?

– Читала.

– И как вам их творения?

– Мне нравится, но я ведь прекрасно понимаю, что не всё прекрасное востребовано рынком.

– Могу вас обрадовать - рынок воспринял результаты труда наших гениев на "ура". У нас своя технология и свои методики. В следующий раз я привезу вам несколько видеопесен - сами оцените... Лидия.

Паузу и несколько более интимное произношение имени Терешевой Вадим допустил умышленно, глядя при этом на врача с лёгким прищуром. И она безошибочно почувствовала женским чутьём содержание взгляда Костомарова - для этого ей совсем не надо было быть профессиональным психологом, - еле заметно покраснела и опустила глаза. Вадим Петрович уже не раз ловил себя на мысли, что иногда думает о Терешевой, причём не как об отличном работнике, а именно как о женщине. Костомарову порой казалось, что и она не совсем к нему равнодушна, но почему-то ему не приходило в голову попросту затащить её в постель, как он, избалованный женским вниманием, привык поступать с другими женщинами. Такая странность несколько смущала и даже раздражала Вадима, однако копаться в своих эмоциях он не стал. Не было времени - у Повелителя Муз хватало других дел.

* * *

– Да, это вещь, - задумчиво проговорил Сергей. - Мороз по коже... Сильная штука.

Вадим промолчал, находясь под впечатлением только что закончившейся видеопесни. В ушах ещё звучали последние аккорды, иплыли перед глазами врезающиеся в память кадры: окутанные пороховым дымом стены старинного замка, полуголые индейцы, нещадно истребляемые панцирной конницей конкистадоров, похотливый взгляд красавицы с бокалом вина, клокочущий атомный гриб над выжженной землёй. И - поток золотых монет, текущий расплавленной лавой...

– Вещь, - повторил Алексеев. - Наши "кролики" не зря кушают травку. Дядя Хьюго будет доволен. А что насчёт качественного перевода на английский? Литературного, ясное дело?

– Сделаем, - отозвался Вадим. - Есть в нашем домике-прянике и такие умельцы. Не фиг сдавать нашим заокеанским партнёрам полуфабрикат - готовый продукт можно продать куда

дороже.

– А музыка - это тоже результат воздействия "КК"?

– Да. Проявилась одна очень интересная тенденция: в Центре спонтанно образуются творческие тандемы и триады, где каждый занимается своим делом - один пишет текст, другой подбирает к нему музыкальное сопровождение, третий работает с видеорядом. Но все настроены на общую волну, и в итоге... Что получается в итоге, ты сам видел.

– Видел. Впечатляет, ничего не скажешь. А кто поёт?

– А когда как - это уже зависит от сложности мелодии. Иногда приходится нанимать профессионалов, однако в большинстве случаев обходимся своими силами. Это и дешевле, и не хуже: среди "кроликов" такие певцы попадаются - эстрадным "звёздам" впору удавиться без наркоза. Ну и зелье ты сварил, Серёга, - даже страшновато становится, когда подумаешь, какие ещё скрытые таланты оно может стимулировать.

– Зря мы, что ли, в университетах обучались, - руководитель "фармацевтического филиала" прижмурился и потянулся в кресле, словно сытый кот. - Ну, что, командир, а не посчитать ли нам цыплят? Этим делом вроде по осени заниматься положено, но мы, - он качнул головой в сторону окна кабинета, где звонко барабанила по карнизу первая весенняя капель, - на время года смотреть не будем.

У компаньонов имелись основания для радужного настроения. Продукция "Грёз" всасывалась корпорацией "DVD World Conqueror" с эффективностью пылесоса. Видеопесни доводились фирмой до товарной кондиции, записывались в студиях на диски и флэш-карты, тиражировались и распространялись по глобальной торговой сети. Новинка, подкреплённая широкой и продуманной рекламной компанией, имела оглушительный успех. Появились подражатели, но их творения существенно уступали по качеству, и к тому же им трудно было конкурировать с мощнейшей структурой "DVD World", прочно удерживающей свою нишу на рынке. Были робкие попытки обвинить "World Conqueror" в продаже опасных для здоровья записей, якобы действующих на подсознание людей и созданных с применением секретных технологий из тайных лабораторий КГБ и ЦРУ, но пиар-менеджеры корпорации держали ухо востро. Пара громких судебных процессов с предъявлением актов авторитетной экспертизы, засвидетельствовавших полное отсутствие в записях каких-либо двадцать пятых кадров или инфразвуковых частот, изрядно облегчила карманы ответчиков, после чего все потуги помешать триумфу видеопесен прекратились.

А соучредители фирмы "Грёзы Музы" почитывали хвалебные статьи о рождении "нового вида искусства" и подсчитывали барыши, какие им и не снились. Производство "суперомолодина" и прочих волшебных таблеток они прекратили - нельзя было бросать ни малейшей тени на новый имидж "Грёз", к тому же доходы от продаж панацеи из морской капусты не шли ни в какое сравнение с нынешними прибылями. Приятели присматривали помещение для нового офиса, более соответствующее изменившемуся статусу фирмы, и строили грандиозные планы на будущее.

Подсчёт баланса вдохновил обоих. Сальдо вытанцовывалось ошеломляющее - даже с полной выплатой всех налогов.

– Да... - протянул Вадим, затягиваясь своей неизменной "беломориной". - Нет слов.

– Угу, - согласился Алексеев, - даже матерные кажутся невыразительными. Босс, я испытываю острое желание предаться пороку.

– Немедленно?

– Да ладно уж, до вечера как-нибудь дотерплю. Кстати, ты помнишь, куда мы с тобой сегодня приглашены? Какая фемина - аж в хребте свербит! И остальные дамочки там будут очень даже очень. Неужели ты опять с собой Дианку потащишь?

– Посмотрим, - уклончиво ответил Костомаров.

– А тут и смотреть нечего! Дайте бедной девочке отгул за прогул, а то ты совсем её заездил, пользуешь денно и ночью без перекура. И вообще: баб нужно периодически менять, чтоб не борзели, - этот закон открыт гражданином Казановой в одна тысяча...

– Да иди ты к лешему, теоретик свободной любви, - беззлобно огрызнулся директор

"Грёз". - Давай-ка мы с тобой пока по соточке опрокинем - повод имеется.

- Тогда наливай! Кто в этом кабинете хозяин: я или ты?

- Хорошо строить из себя сироту казанскую, - буркнул Вадим, однако встал, подошёл к стенному бару, распахнул дверцу и изучающее воззрился на разнокалиберные бутылки с яркими этикетками. - Вино какой страны вы предпочитаете в этом часу дня?

- Доверяю вашему изощрённому вкусу, мессир, - поддержал игру Сергей и добавил дурашливо: - По мне, что пулемёт, что водка, - лишь бы с ног косило. Могу и чистого спирту вонзить в лучших сахалинских традициях, ежели в твоих закромах сей благородный напиток имеется. Помнишь, как мы с тобой на Шикотане...

Закончить ему помешала мелодичная трель телефонного звонка.

- Серёга, возьми трубку, - бросил Костомаров, не прерывая процесс выбора напитка. - Не спи в оглоблях, работничек.

Он услышал короткое "да", сказанное Алексеевым, и когда повернулся, держа в руках початую бутылку "Martell Noblesse" и две хрустальные рюмки, в ту же секунду понял: что-то случилось. Лицо его компаньона было непроницаемым, но не зря они знали друг друга почти пятнадцать лет.

- Ну, что у нас плохого? - попытался пошутить Вадим и тут же ощутил неуместность этой присказки капитана Зелёного из булычёвской "Тайны третьей планеты".

- Спасибо, я всё понял, - сказал Алексеев в трубку. Потом он осторожно положил её в гнездо, посмотрел на Вадима и мрачно произнёс:

- Кажется, нам придётся пить не за здоровье, а за упокой. Это звонила Терешева. Умер первый "кролик". Твой старинный корефан - Андрей Северцев.

* * *

- Как это случилось? - спросил Костомаров, внимательно глядя на врача Творческого Центра.

Терешева выглядела непривычно - на ней был хрустящий белый халат, хотя обычно она встречала генерального директора "Грёз" в элегантном платье или в строгом деловом костюме.

- Он умер во сне - лёгкая смерть. Утром ко мне прибежала Оля Кавецкая, и...

- Кавецкая?

- Его подруга, - пояснила Лидия. - Они вместе с осени, даже жили в одном коттедже. С ней была форменная истерика, она кричала, требовала немедленно вызвать "скорую". Я дала ей успокоительное и вызвала сантранспорт из Приозерска. Здесь слишком много людей, Вадим Петрович, и моё бездействие могло дать пищу для домыслов. Тело увезли час назад.

- Вы поступили совершенно правильно. А причина смерти?

- Установит вскрытие. Я попросила их сообщить нам результат как можно скорее, за дополнительную оплату. Думаю, сердце. У Северцева был целый букет заболеваний, в том числе сердечная недостаточность и прогрессирующий цирроз печени...

"Неудивительно, - подумал Вадим, - с его-то пристрастием к алкоголю..."

- ...но при осмотрах опасности возможного внезапного летального исхода мы у него не обнаружили. Северцев чувствовал себя хорошо, был бодр и весел, даже на подъёме, я бы сказала.

- Спиртным злоупотреблял?

- Нет. Практически не пил, не говоря уже об участии в групповых пьянках. Он был весь в себе - творил, творил, творил. Похоже, его больше вообще ничего не интересовало.

Да, Андрей творил - Костомаров мог судить об этом по количеству и качеству текстов Северцева, ложившихся в основу всё новых и новых видеопесен. Его плодовитость удивляла, однако Вадим счёл это следствием поэтического таланта Северцева - у Андрея и в былые времена рождались иногда настоящие жемчужины. Вспомнил Вадим и Ольгу Кавецкую - маленькую женщину из породы "серых мышек". Но эта невзрачная мышка подбирала к

стихотворным текстам такие видеоряды, от которых песни обретали истинное зримое звучание, и в последние месяцы работала почти исключительно в тандеме с Андреем.

– А могу я поговорить с Кавецкой? - спросил Костомаров. - Она как, в состоянии?

– Конечно, Вадим Петрович. Оля немного заторможенная, но говорить с ней можно.

Кавецкую они нашли быстро - она неподвижно сидела в холле главного корпуса.

– Примите мои соболезнования, - Костомаров постарался, чтобы эта казённая фраза прозвучала не чересчур формально. - Мне искренне жаль Андрея, ведь он был моим другом.

Ольга подняла на него распухшее от слёз лицо, но ничего не ответила.

– Послушайте, вы не замечали за Андреем... - осторожно спросил Вадим и подумал: "Вот чёрт, с какого же конца начать?". - Он вам ни на что не жаловался? Может быть, его что-то тревожило?

– Зачем вы спрашиваете? - глухо отозвалась женщина. - Какое это имеет значение? Он умер - его больше нет... А я... Он был для меня всем, и когда я отдавала ему свой чай при наших контактах с Вечностью, я...

– Что?!

Кавецкая недоумённо посмотрела на Костомарова, но тот уже взял себя в руки.

– Вам надо отдохнуть, Оля. Люди смертны - с этим ничего не поделаешь.

Потом он повернулся к Терешевой и скрипуче произнёс:

– Доржиева. К вам в кабинет. Срочно.

Всё слышавшая и всё уже понявшая Лидия кивнула, вынула трубку и набрала номер "далай-ламы".

– Фёдор Борович, - зловеще проскрежетал Повелитель Муз, как только "гуру Федя" переступил порог кабинета врача-администратора, - вы знаете, что покойный сидел на двойной дозе "КК" не один месяц? Как это могло случиться?

– В-вадим Петрович, - пролепетал экстрасенс, - в ритуал входил обмен чашками между членами тандемов и триад. Это же повышало эффективность контакта! Они делали глоток из чужой чашки и возвращали её партнёру. Я и подумать не мог, что кто-то отдаст другому весь свой чай... Это немыслимо - они нуждались в этом напитке, хотя говорить о наркотическом привыкании...

– А надо было подумать! - оборвал его Костомаров. - Я допускаю, что медицина, - он бросил яростный взгляд на притихшую Терешеву, - могла не заметить изменений. Их, в конце концов, могло и не быть - механизм воздействия "КК" загадочен, - но вы-то, вы! Всё происходило прямо на ваших глазах! Какого чёрта, я вас спрашиваю? Вы догадываетесь, чем это пахнет?

Доржиев мелко закивал, выражая всем своим видом крайнюю степень раскаяния.

– Значит, так, - подытожил Костомаров, немного успокоившись. - В дальнейшем - никаких обменов чайной посудой. Строжайший учёт распределения препарата. Если снова лопухнётесь - пеняйте на себя. Под суд вы не пойдёте - я вас просто закопаю. Всё. Идите.

Адепт восточных духовных практик исчез из кабинета мгновенно. Вадиму Петровичу показалось даже, что Доржиев не открывал дверь, а прошёл прямо сквозь неё.

"Экссесс исполнителя, мать твою так, - думал разъярённый Повелитель Муз. - И что теперь? Мы же у всех на виду, охрана замучилась вылавливать папарацци с их дальнобойной аппаратурой! Один прокол - и всё! А если вскрытие покажет что-нибудь подозрительное? Что тогда? Идиот косоглазый, не знает простой истины: влюблённая женщина способна на что угодно ради возлюбленного! Да эта Кавецкая Андрюхе кровь бы свою отдавала, а не то что какой-то там чай! Тоже мне, маг хренов..."

– Вадим Петрович, - услышал он тихий голос Лидии. - Дать вам успокаивающего?

– Дать, - хрипло произнёс Костомаров. - Спирт у тебя есть?

Никак не отреагировав на эту неожиданную фамильярность, Терешева подошла к застеклённому шкафу в углу кабинета, щёлкнула замком, извлекла объёмистую бутылку и наполнила прозрачной жидкостью маленький стеклянный стаканчик.

– Воды? - спросила она, подходя к вставшему с кресла Вадиму.

– Не надо.

Спирт обжёг горло. Возвращая пустой стаканчик, Костомаров встретился глазами с Лидией. Женщина смотрела на него вопросительно и чуть тревожно, и Вадим вдруг обратил внимание на золотистый пушок на её шее, в котором путался падавший из окна солнечный луч. И тогда он обнял её и жадно впился губами в этот заблудившийся свет.

Стаканчик звякнул об пол. Руки Терешевой упёрлись Вадиму в грудь, но уже через секунду они обмякли, и губы её были мягкими и податливыми. Костомаров молча повалил Лидию на широкий кожаный диван и грубо овладел ею, подчиняясь тёмному и горячему зову, хлынувшему наружу из глубин его естества. Она не сопротивлялась.

Уходя, Вадим обернулся. Лидия стояла возле дивана, опустив глаза и придерживая руками полы незастёгнутого халата. И Костомарову показалось, что она уступила ему не как директору и владельцу фирмы, осуществлявшему своё феодальное право по отношению к своим сотрудницам, а совсем по другой причине.

Он не стал дожидаться вестей из Приозерска. Терешева позвонила ему на сотовый, когда "мерседес" Вадима уже подъезжал к Петербургу. Ровным тоном она сообщила, что причиной смерти Северцева стал инфаркт - заключение уже прислано факсом. Костомаров так же сухо ответил, чтобы она позаботилась об организации похорон - разумеется, за счёт фирмы, - и переслала в офис отчёт о расходах.

И всё-таки какой-то тягостный осадок остался, и Вадим никак не мог понять, связано ли это только со смертью Андрея Северцева или ещё и с тем, что случилось в кабинете врача Творческого Центра.

* * *

Шли дни, и сыпался ворох событий, больших и маленьких, погребая под собой всё то, что уже становилось достоянием безвозвратно минувшего.

Фирма "Грёзы Музы" процветала на радость её учредителям. Офис занимал теперь роскошное помещение в центре города, и Диана, чутко ощущавшая перемены, превратилась из куколки-секретарши занюханной конторы в знающую себе цену бизнес-леди с манерами матёрой светской львицы. Она по-прежнему оставалась тенью Вадима Петровича, но тенью самодостаточной, и все без исключения сотрудники "Грёз" прекрасно знали, что от этой тени очень многое зависит. Девушка могла собой гордиться - ведь именно в результате её усилий и хитроумной интриги фирма (и сама Диана) поднялись так высоко.

Сергей чувствовал себя как рыба в воде, с присущей ему энергией занимаясь делами и в равной степени предаваясь наслаждениям. Что же касается Вадима, то он почему-то всё чаще испытывал чувство какой-то раздвоенности и даже неудовлетворённости. Что-то было не так, что-то его не устраивало, но вот что - этого Костомаров никак не мог понять.

В Творческом Центре он теперь бывал гораздо реже. Сделав правильные выводы из случившегося, и Терешева, и Доржиев не спускали глаз со своих подопечных, фиксируя малейшие изменения в их поведении. Контракт с "творческим работником" завершался по истечении года, и решение о его продлении принималось лично Костомаровым с учётом эффективности труда "кролика" и состояния его здоровья, причём второй критерий был приоритетным. Вадим не хотел рисковать и без сожаления расставался с перспективными авторами, если Терешева считала, что дальнейший контакт с энергоинформационным слоем при помощи "КК" для них небезопасен.

С Вадимом Лидия держалась подчёркнуто официально - даже её улыбка при встречах с генеральным директором "Грёз" приобрела оттенок деловой стандартности. Это неприятно задевало Костомарова и даже злило. "Тоже мне, соблазнённая и покинутая, - раздражённо думал он. - Перепихнулись на скоротушечку, делов-то! Корчит из себя целку-невидимку... Радоваться надо одинокой бабе, коли перепал кусок халявного секса, а она...". Вадим ждал от Терешевой какого-то шага ему навстречу, малейшего намёка на возможное продолжение отношений, более того, он был бы рад такому развитию событий, но та вела себя сдержанно,

как будто между ними ровным счётом ничего не было.

К середине лета Вадим почувствовал, что устал. Недолго думая, он передал бразды правления Алексееву и закатился в круиз по Карибам и Атлантике на роскошном лайнере "Куин Элизабет-2". Сначала он хотел по привычке взять с собой Диану, но потом передумал и с некоторым удивлением понял, что его не слишком волнует, с кем она будет спать во время его отсутствия.

На лайнере он по большей части пребывал в гордом одиночестве (пара коротких романов не в счёт). Сидя с бокалом на палубе возле бассейна, Вадим наблюдал вальяжную "золотую" публику, и ему иногда казалось, что его окружают не люди, а ожившие манекены - очень дорогие манекены с неестественными движениями и приклеенными улыбками. И тогда он вставал, шёл к себе в каюту, запускал на воспроизведение одну из взятых с собой видеопесен, созданных в его Творческом Центре, и оказывался в другом мире, не похожем на мир живых манекенов.

В этом мире всё было настоящим - и люди, и чувства. Там добро называлось добром, а зло - злом, и вечные истины там были в цене. Если мужчина этого мира говорил "Я люблю эту женщину", никто не задавал ему вопрос "А как часто и в каких позах ты её имеешь?", и если один мужчина говорил о другом мужчине: "Он мой друг", никому и в голову не приходило спросить: "А кто из вас активный?". И когда Вадим возвращался из своего мира в мир повседневный, ему было жаль людей-манекенов, забывших, что *настоящее* есть. И он чувствовал, как мир Повелителя Муз меняет удачливого бизнесмена Вадима Петровича Костомарова, вымывая из самых потайных закоулков его души грязь, накопившуюся там за десятилетия, прожитые в погоне за призрачным.

Он вернулся в Питер в начале сентября посвежевшим, отдохнувшим и полным сил.

— Всё, шеф, - сказал ему радостно встретивший его Алексеев, - теперь моя очередь отдыхать. Вон ты как выглядишь - завидую чёрной завистью. Я тоже так хочу!

— Да за ради Бога! - добродушно ответил Костомаров. - Мы славно поработали и славно отдохнём - катись куда угодно, на все четыре стороны света хоть до ноября. Один поедешь или как?

Он хотел было добавить: "Может, тебе Дианку напрокат дать? Или ты её уже вдоволь потоптал, пока я по морям-океанам странствовал?", но почему-то это привычное им обоим - и ему, и Алексееву, - ёрничество показалось Вадиму каким-то фальшивым.

— Куда и с кем - это я ещё подумаю. А пока, - продолжал между тем Сергей, - бери взад дела.

— Надеюсь, не уголовные?

— Обижает, начальник, мокруху шьёшь! Фирма веников не вяжет, фирма ценит своё реноме. Итоги за август - блеск! Супостаты притихли, всякую шушеру в реале и виртуале Диана фильтрует не хуже Цербера - отрастила девушка коготочки. Саммерс зело доволен, в конце года хочет навестить наши пенаты. Полагаю, речь пойдёт о придании нашим "Грёзам" статуса самостоятельного департамента "World Conqueror" - это уже круто! Витёк успешно заворачивает любознательных, жаждущих сунуть нос за забор Центра, - всё путём. "КК" варим в строгом секрете, официально наш фармацевтический филиал ликвидирован, я по документам теперь числюсь исполнительным директором. Была попытка хакнуть наши базы данных - пресекли, наняли лучших спецов. Что ещё? Гуру Федя успешно просветляет души, список новых кандидатов вот тут, - Сергей выдвинул ящик стола и достал оттуда тонкую папку. - Сам оценишь, кого брать, кого завернуть. Да, и ещё нужна замена Терешевой.

— Это ещё с какого перепугу?

— Женская непредсказуемость, - Алексеев картинно развёл руками. - Беременна она - рожать вздумала. Так что будет тебе головная боль - где ещё найдёшь такого работника? И к тому же платить ей придётся в полном соответствии с трудовым законодательством - нам теперь ни малейшего пятнышка на нашей репутации нельзя иметь.

— Заплатим, не разоримся, - спокойно сказал Вадим Петрович. - Президент назвал рождаемость проблемой номер один для России, а мы с тобой законопослушные граждане,

верно? Вот и поддержим решение демографической проблемы.

Внешне спокойный, внутренне Вадим пребывал в полной растерянности. Конечно, Лидия могла спать с кем угодно, и у Костомарова не было никакой уверенности в том, что её будущий ребёнок - это его ребёнок, но Вадим почему-то не сомневался: так оно и есть.

— Она пока работает?

— Будет работать ещё две недели. А как шесть месяцев срока стукнет - всё, извините. Так что ищи ей замену.

"Шесть месяцев... - подумал Вадим. - Значит, с конца марта - всё сходится. Вот это номер...".

— Решим в рабочем порядке, - равнодушно произнёс генеральный директор "Грёз", - а пока наливай! Ты дела ещё не сдал, так что командуй. Бар-то без меня не опустошил?

* * *

На следующий же день Костомаров отправился в Творческий Центр. Там всё было по-прежнему - изменилась только Лидия Терешева. Её фигура заметно округлилась, словно набухающая почка, из которой должен проклюнуться клейкий зелёный листочек, и в глазах появилось выражение ожидания - женщина как будто прислушивалась к зародившейся в ней новой жизни.

Вадим долго мялся, не зная с чего начать.

— Мне очень жаль, - выдавил он наконец, - что всё так получилось...

— А мне нет, - спокойно ответила Терешева и тут же поправилась: - То есть жаль, конечно, что мне придётся оставить интересную работу, но у меня будет ребёнок. Я считаю, что женщина должна быть матерью. Если она не могла родить, ей не повезло, а если могла и не родила - она совершила ошибку. Есть непреложные законы природы, которые нельзя нарушать. Иначе за это придётся платить - дорого.

Костомарову очень хотелось задать Лидии мучавший его извечный мужской вопрос "Это мой ребёнок?", но он никак не мог решиться, промямлив вместо этого, что место за ней сохранится, "пока возьмём кого-нибудь временно", и что фирма высоко ценит её заслуги.

Лидия слушала его с лёгкой полуулыбкой, но когда Вадим намекнул, что он мог бы приплачивать ей и сверх положенного по закону, покачала головой.

— Этого не надо. И не мучайтесь - я же всё вижу. В первую очередь это *мой* ребёнок, мой, и я его выращу и воспитаю. А милостыня - нет, Вадим Петрович. Я сама всё решила, и сама всё сделаю. А за ваше намерение сохранить за мной это место - спасибо.

Разговора так и не получилось, и раздосадованный Вадим, побеседовав минут десять с Доржиевым, уехал.

"И чего ей надо? - думал он, рассеяно перепуская через взгляд катившийся навстречу машине лес, раскрашенный в осенние тона. - Выйти за меня замуж? Так могла бы прямо сказать, чёрт бы её побрал, или хотя бы намекнуть - твой это ребёнок, твой! Или... не могла? Прямо мелодрама какая-то мексиканская...". А потом он вдруг вспомнил рассуждения героя романа Джека Лондона "Время-не-ждёт": "У меня сейчас тридцать миллионов, а впереди или сто миллионов, или ноль. А что от этого изменится? Деньги не могут принести мне её любовь". "А ведь он прав, - мысленно согласился с лихим золотоискателем Костомаров, - можно купить тело, умелое и роскошное, как у Дианы, а вот насчёт души - уже сложнее... Деньги... Вон они, золотые монеты-листья, опадающие с деревьев в ожидании первого снега, который их навеки похоронит...". И удивился: откуда взялись у него, у прожжённого циника, мысли, присущие разве что какому-нибудь сопливному юнцу-романтику, но никак не солидному бизнесмену?

"Романтики... Один из последних романтиков по имени Андрюха Северцев лежит на кладбище - я так и не был ни на его похоронах, ни на могиле, хотя и собирался. Как он тогда смотрел на меня в зале... А я ещё сказал ему: "Увенчай себя лаврами, и тогда мы с тобой поговорим на равных". Вот он и пыжился - плёл себе лавровый венок, а сплёл жестяной. Или

не плёл, а просто делал то, что должен был делать, для чего он и явился в этот мир, такой прекрасный и такой несовершенный? Выполнял *миссию*, как это делали Высоцкий и другие гении? Страшная штука этот наш "КК"... Нельзя до срока лезть, куда не просят, - это чревато. А может, срок *уже пришёл*, только люди об этом ещё не знают? Ну и разволокло же тебя, Повелитель Муз, - так и свихнуться недолго!".

- Найди какую-нибудь музыку, - бросил он телохранителю, молчаливым истуканом восседавшему рядом с водителем. Тот послушно взялся за настройку - в салоне забулькал псевдоголос какой-то эстрадной "звезды", шепчущей что-то невразумительно-половое.

"Нет, - подумал Костомаров, - это не Рио-де-Жанейро, это гораздо хуже! Куда этой мути до творений Андрея! Интересно, а мог бы я сочинять не хуже Северцева? Когда-то мог, и причём без всяких психотропов... Тьфу, бред, - оборвал он сам себя, - вот только принять дозу "КК" мне и не хватало! Неужели я, Вадим Петрович Костомаров, достигший в жизни всего, завидую Андрюхе, этому бедолаге, не сдохшему под забором только лишь потому, что я подобрал его и взял к себе, чтобы... Чтобы он сжёг себя нашим дьявольским зельем, а я заработал на нём миллионы? А ведь он наверняка что-то сообразил - не зря выклянчивал чай у этой влюблённой в него дуры! Да, Андрей догадался, что это за чаёк, и всё-таки он... Он будил! - пронеслось вдруг в сознании Вадима. - *Будил!* И похоже, кое-кого ему разбудить удалось...".

- Заткни эту бодягу, а то зубы сводит, - поморщился генеральный директор "Грёз".

За тонированными стёклами "мерседеса" темнело - дни становились всё короче.

* * *

Дел было много. Разогнанная и налаженная машина бизнеса мчалась вперёд, однако время от времени нужно было вмешиваться в её работу, чтобы это движение оставалось поступательным, равномерным и прямолинейным. День складывался из множества мелочей, каждая из которых требовала внимания.

Но Костомаров справлялся, хотя без укутившего отдохнуть Сергея ему было нелегко. И всё-таки он находил время, и даже сделал ещё кое-что. А именно - разобрался с делами лаборатории, занятой производством "КК". Алексеев не таил от Вадима основ процесса - в конце концов, им пришлось бы вместе мотать срок, если что, - хотя в детали не посвящал. И теперь Вадим восполнил этот пробел: собрал воедино данные по рецептуре и по технологии синтеза препарата, дополнил их сведениями о дозировках и о методике введения "КК" в организм человека, а также систематизировал все отчёты Терешевой и Доржиева о наблюдаемых эффектах воздействия алексеевского стимулятора на "кроликов". Всё это Костомаров скачал на флэш-карту, сделав ещё и копию - на всякий случай.

Вадим не мог объяснить даже самому себе, зачем ему это понадобилось, как не смог бы объяснить, почему он проделал всю эту достаточно трудоёмкую работу собственноручно, не поручая ничего сноровистым пальцам Дианы. Просто ему показалось, что так будет лучше, и он доверился интуиции.

А Диана чутьём прирождённой хищницы уловила в нём перемену и насторожилась - Костомаров был ей ещё нужен. Потенциальных соперниц девушка в пределах видимости не обнаружила, но на всякий случай окружила своего любовника повышенным вниманием, не давая ему в то же время ни малейших поводов для ревности или неудовольствия. Нельзя сказать, что все её усилия оказались тщетными - тело Вадима отзывалось сладкой истомой на ласки Дианы, однако она чувствовала: что-то изменилось, и притом очень сильно.

Кое-что чувствовал и сам Костомаров - и изменения в самом себе, и нечто неуловимо витающее в воздухе и таящее смутную угрозу. И ещё - ему не хватало зелёных глаз Лидии; он даже однажды чуть не назвал в постели свою секретаршу Лидой. "Неужели я влюбился, как пацан? - недоуменно думал Вадим Петрович. - Этого мне только не хватает для полноты счастья! А может... именно этого мне и не хватает?". И он снова и снова смотрел и слушал по вечерам видеопесни.

С возвращением Сергея дышать стало легче, хотя Алексеев теперь часто разъезжал по разным уголкам мира, отслеживая триумфальное шествие продукции "Грёз" и подмечая все недостатки. "Дядя Хьюго сладко стелет, - объяснял он, - да только свой глаз надёжнее, и два миллиона прибыли лучше, чем полтора. Бизнес есть бизнес, за бугром такие же шакалы, как и в родных кустах, разве что шерсть у них завита по последней моде". Вадим не возражал против вояжей компаньона - денег на балансе хватало, а Сергей и в самом деле умудрялся добывать ценную деловую информацию.

А под Новый год в Петербург прибыл Саммерс - собственной персоной.

Костомаров встретился с ним в новом офисе. Встретился один на один - Алексеев как раз укатил в очередное турне по Европе "налаживать дополнительные контакты". "И что это за контакты такие? - с некоторым беспокойством подумал Вадим. - Что-то тут не так...".

Что-то не так было и с господином Саммерсом - Вадим Петрович понял это уже на пятой минуте разговора. И поняв, спросил напрямик:

- Насколько мне известно, руководством вашей корпорации рассматривался вопрос о придании моей фирме статуса самостоятельного филиала "DVD World Conqueror" в России. Принято ли по этому вопросу какое-то решение? Мне кажется, итоги нашего сотрудничества более чем положительные.

- Это вопрос рассматривался, но... - Саммерс на секунду замолчал. - Есть причины, по которым наш совет директоров воздержался от такого шага.

- Послушайте, Хьюго, давайте не будем играть в прятки. Мы одни, свидетелей нет, и подслушивающих устройств здесь тоже нет. Давайте начистоту - в чём проблема? Вы чем-то недовольны?

- Да, господин Костомаров, у нас есть серьёзные основания быть недовольными. Нас не устраивает качество вашей продукции.

- Я что-то не понял... Диски и флэшки с нашими видеопеснями идут нарасхват, как горячие пирожки, спрос превышает предложение, а вы говорите, что...

- Нас не устраивает качество вашей продукции, - повторил Саммерс бесцветным тоном. - Я знаю, что говорю, и отвечаю за свои слова.

- Вы считаете, - изумился генеральный директор "Грёз", - что мы делаем плохие вещи?

- Нет, господин Костомаров, - покачал головой топ-менеджер "World Conqueror", - вы делаете очень хорошие вещи. - Он пристально посмотрел в глаза Вадиму. - Вы делаете *слишком* хорошие вещи - именно это нас и не устраивает.

- Я буду очень вам признателен, если вы объясните мне этот не совсем понятный мне момент.

- Поясню. Ваши произведения выходят за формат, предназначенный для массового потребителя. Нам этого не нужно.

"А ведь ты боишься, - подумал Вадим, - и ещё как боишься! Дрожишь, как шестёрка перед криминальным авторитетом. Считал прибыль и радовался, пока твои хозяева не задали тебе трёпку... Но кому это "нам", интересно мне знать? Кто определяет, что людям нужно, а что нет? Пресловутые "объективные законы" общества потребления или субъекты, стоящие над этими законами и формирующие эти законы так, как им удобно?"

- Если я правильно понял, вас не устраивает уровень произведений наших авторов? Уровень, достойный самых престижных премий по литературе и искусству?

- Свиной не кормят деликатесами, - холодно произнёс господин Саммерс, - у свиной свой рацион, Вадим Петрович, и изменение этого рациона чревато дурными последствиями. Свинки могут забеспокоиться и даже заболеть. Пастыри заботятся о здоровье своего стада.

- Забеспокоиться, усомниться в уюте хлева и даже выйти из повиновения пастырям?

- Вы правильно меня поняли.

- Значит, нужные книги ты в детстве читал... - пробормотал Вадим.

- Что?

- Так, ничего. Это слова Высоцкого - был на Руси такой поэт.

- Поэты на Руси не перевелись, и ваш Творческий Центр тому подтверждение. Мы

готовы к дальнейшему сотрудничеству с вами, господин Костомаров. Мы будем брать у вас тексты - только тексты, на русском и на английском, - а вся дальнейшая обработка: музыка и особенно видеоряды будет производиться у нас.

— Бриллиант можно ограничить по-всякому...

— У нас хорошие ювелиры, господин Костомаров, - очень хорошие. А убытков вы не понесёте - мы готовы перечислять вам прежний процент прибыли от продаж. И мы будем рады, если вы переориентируете ваши производственные мощности, - Саммерс усмехнулся, - на выпуск менее элитной продукции. Думаю, это в ваших силах, Вадим Петрович, - ведь вас называют Повелителем Муз.

— Вам известна даже такая мелочь?

— Мы прекрасно осведомлены обо всех ваших... мелочах. Надеюсь, мы с вами поняли друг друга. Наступают праздники - вернёмся к этому разговору в январе, а пока подумайте. Мне бы не хотелось, чтобы вы сделали ошибку.

"Ошибки лучше делать свои, чем кем-то подсказанные" - подумал Костомаров, но промолчал.

Проводив Саммерса, он вернулся в кабинет и пару минут сидел неподвижно. Потом порылся в базе данных сотрудников фирмы и нашёл телефон Терешевой - домашний. Лидия не работала с конца сентября; её место временно занимал бывший спортивный врач с не очень светлым прошлым, знавший о допингах не понаслышке.

Сбросив номер к себе на мобильный, Вадим Петрович чуть помедлил и решительно нажал кнопку вызова. Ответил незнакомый женский голос - Костомаров вспомнил, что Терешева живёт с матерью.

— Можно Лидию?

— А Лиды нет. Она в роддоме, - радостно сообщил голос.

— Где, в каком? Что с ней?

— На Васильевском, - женщина назвала адрес. - С Лидочкой всё хорошо - у неё вчера родился сын! А кто это говорит?

— Это с её работы, - ляпнул Вадим, - узнать хотели, как у неё дела. Поздравляю вас с внуком.

Отключившись, он торопливо оделся, поручил Диане руководить полётами и вышел из офиса. Отпустив водителя и охранника, сам сел за руль и поехал на Васильевский, по пути зайдя в пару магазинов. Шёл крупный пушистый снег, на улицах царила предпраздничная суета, витрины магазинов перемигивались разноцветными огоньками. Но Вадиму казалось, что город не собирается встречать Новый год, а поздравляет Лидию, и что все эти хлопоты только из-за того, что у неё вчера родился сын.

— Вы к кому, молодой человек? - спросила его моложавая медсестра в холле роддома, скользнув опытным взглядом по огромному букету в руках Костомарова и заодно оценив его одежду.

— Это для Лидии Терешевой, - ответил Вадим Петрович, передавая ей увесистый пакет с фруктами и соками. - Могу я видеть вашего главного врача?

— А зачем? - подозрительно осведомилась медсестра.

— А затем, - Вадим достал портмоне, вытащил тысячерублёвую бумажку и положил перед дежурной, - чтобы госпоже Терешевой и её ребёнку было уделено особое внимание. За дополнительную оплату - вы меня понимаете?

— Не беспокойтесь, молодой человек, сейчас я его позову. В палаты мы не пускаем, мамы обычно показывают детей в окна, - доверительно сообщила она, прижав купюру, - но сейчас холодно. А вы кто ей будете?

— Я ей буду коллега с работы. Лидию ценят в нашем коллективе, и мне поручили её навестить.

— Коллега, значит, - хмыкнула медсестра, и по выражению её лица Вадим понял, что многоопытная служительница дома, где начинаются жизни, ни на секунду не поверила в его удобную версию "от имени и по поручению". - А что ей передать - от кого это всё?

– От Вадима Петровича. Нет, просто от Вадима. Так, девушка, зовите вашего врача - у меня времени в обрез!

* * *

– Поговорим?

– Поговорим.

Вадим Петрович Костомаров и Сергей Леонидович Алексеев сидели друг напротив друга в мягких креслах "для посетителей особого статуса" возле монументального стола в кабинете генерального директора фирмы "Грёзы Музы". А директорское кресло по другую сторону стола пустовало. "Трон ждёт короля, - подумал Вадим. - Или... эшафот?"

– Другого выхода нет, - холодно сказал Сергей, и глаза его блеснули синей сталью. - Тебе придётся уйти. Это бизнес - ничего личного. Свою долю ты получишь, но фирма теперь будет моей.

– Ты уже всё решил? Без меня?

– Не я, - холодный блеск глаз Алексеева чуть потускнел. - Так решил Саммерс.

– О как! С каких это пор дядя Хьюго решает, что нам с тобой делать?

– Ты не понимаешь, - Сергей тяжело вздохнул. - Они держат нас за глотку. Саммерс располагает подробной информацией обо всех наших делах - он знает всё: и о "кроликах", и о "КК".

"Мы прекрасно осведомлены обо всех ваших мелочах, - вспомнились Вадиму слова топ-менеджера "DVD World Conqueror". - Так вот оно что..."

– И он поставил жёсткое условие: или "Грёзы" продолжают сотрудничать с "World Conqueror" без господина Костомарова в качестве генерального и на условиях, диктуемых советом директоров корпорации, или... Или они сдают нас со всеми потрохами, и мы с тобой чалимся сразу по многим статьям, от незаконного производства и распространения наркотиков до проведения опытов над живыми людьми в корыстных целях. Хорошая перспектива?

– И ты с ним договорился...

– Да, - невозмутимо подтвердил Алексеев, - я с ним договорился. А зачем я ездил по Европам, по-твоему? Готовил почву, так сказать...

"Я мог бы догадаться, - с досадой подумал Вадим. - Хотя это уже не важно..."

– И ты решил добавить ко многим нашим прегрешениям ещё одно: соучастие в духовном геноциде?

– Слова это, - Алексеев поморщился. - Я бизнесмен, я делаю деньги, а всё остальное - суэта беспонтовая. Странно, - он внимательно посмотрел на Костомарова. - Раньше, когда мы с тобой продавали чудодейственные препараты из морской капусты, угрызения совести тебя почему-то не мучили.

– Времена меняются, Серёга, и люди тоже.

– Люди не меняются - они как были свиньями, так ими и остались. Ты наверняка ломал себе голову, зачем мы были нужны Саммерсу и его хозяевам, верно? Могу объяснить. "DVD World" делает деньги на нас с тобой и на наших "кроликах". Организуй они такой Центр там, у себя, тут же возникла бы опасность - а ну как какой-нибудь ушлый журналюга разнюхает, что к чему? Оно им надо? Демократия, права человека, свобода личности - и тут вдруг такое! Скандал в благородном семействе! А так - всё пугём: это там, в незаконной России, далёкой от истинных демократических ценностей, возможны такие чудовищные вещи, а у нас - да что вы, господа! Мы белые и пушистые, и мы и знать не знали, каким образом создаются произведения, которые мы продаём. Именно поэтому мы были нужны им, и продолжаем оставаться нужными. Вот так, Вадим. И к тому же жертвы "КК" - не граждане "свободного мира", а какие-то дикие туземцы с матрёшками и балалайками, потенциальные солдаты потенциального противника.

– И я не устраиваю Саммерса как управляющий подобным предприятием...

– Перестал устраивать. Дядя Хьюго неплохо разбирается в людях - он заметил, что ты стал каким-то другим, и окончательно утвердился в своём решении убрать тебя из дела после вашей последней встречи. Что ты ему там наговорил?

– Да ничего особенного, - Вадим пожал плечами. - Хотя образ моих мыслей Саммерс понял - наверняка. Ладно, Серёга, образ твоих мыслей я тоже понял. Подведём черту - к чему лишние разговоры. Командуй, господин генеральный директор. Документы я подпишу. Долю мою переведёшь на мой счёт - надеюсь, остатков совести у тебя на это хватит.

– Обижаешь. Что я, по-твоему, монстр из фильмов ужасов? Твои деньги - это твои деньги, и я не собираюсь тебя кидать. Я подчиняюсь форс-мажорным обстоятельствам...

– ...которые тебя очень устраивают. Только вот ещё что: мне почему-то кажется, что ты просчитываешь вариант - а не выписать ли мне билет в лучший мир? Так вот учти: я категорически против.

– Да ты что, Вадим! Ты же знаешь меня пятнадцать лет!

– Знаю, Серёга, - потому и говорю. И предупреждаю тебя: если со мной что-нибудь случится, подробнейшая информация о "КК" и о проекте "Слой" окажется там, где ею очень заинтересуются - в компетентных органах, как раньше говорили. Я окажусь в аду, в астрале, о котором проникновенно вещает Доржиев, в энергоинформационном слое, а ты вернёшься на Сахалин - надолго. И на крутом бережку далёкого пролива Лаперуза под зорким оком суровых ребят из этих самых органов ты будешь работать... в нужном им направлении.

В глазах Алексева промелькнули злые искорки и погасли - он понял, что Костомаров не шутит.

– И чем ты собираешься заниматься? - осторожно поинтересовался он.

– Не беспокойся, - Вадим усмехнулся, - мешать тебе я не буду. Если ты будешь вести себя честно, то и от меня никакой пакости можешь не ждать.

– Может, возьмёшь под крыло Творческий Центр? Ты бард, тебе и карты в руки. На Саммерсе свет клином не сошёлся - оставайся Повелителем Муз!

– Я подумаю, - сказал Вадим, поднимаясь. - Обмывать мои провода не будем - ты уж извини, нет желания. Давай закончим все формальности, да я пойду. Да, чуть не забыл: табу неприкосновенности распространяется ещё на двоих людей: на Терешеву и на её сына. Усёк?

Шли долгоиграющие новогодние каникулы, и офис "Грёз" пустовал, однако Диана - третий человек в фирме, точнее, теперь уже второй, - находилась на своём рабочем месте. Костомаров и Алексеев вышли из кабинета вместе, как ни в чём ни бывало, но секретарша наверняка была уже в курсе дела.

– Сергей Леонидович, - мурлыкнула она, скользнув по Костомарову отсутствующим взглядом. - С вами действительно хочет пообщаться...

"Дворцовый переворот прошёл в теплой дружеской обстановке" - подумал Вадим Петрович, открывая массивную дверь приёмной.

ЭПИЛОГ

Вадим стоял у окна и с высоты восьмого этажа наблюдал, как охранник, закинув в багажник "джипа" два громадных чемодана типа "мечта оккупанта", распахнул дверцу, и как Диана, похожая в своей алой дублёнке с меховой оторочкой на яркую тропическую бабочку, невесть как очутившуюся посреди слякотной питерской зимы, села в машину.

"Переходящее красное знамя победителя в социалистическом соревновании, - всплыли в памяти Костомарова слова из газетной передовицы времён его далёкого детства, - получил коллектив..." "Не коллектив, - подумал Вадим, провожая глазами отъезжающий "джип", - а ударник капиталистического труда, предприниматель Сергей Леонидович Алексеев. Ну и флаг ему этот в руки - пусть несёт, пока не уронит".

Диана приехала с телохранителем не потому, что опасалась неадекватных действий со стороны Вадима. Просто за годы проживания в его квартире в роли псевдосупруги она с трудолюбием белки натаскала в своё гнёздышко изрядное количество разного барахла, и ей

требовалась тяговая сила для перемещения всего этого инвентаря.

Она собиралась молча и деловито, не снисходя до разговоров с наблюдавшим за ней Костомаровым, но в конце концов уловила полное равнодушие своего бывшего любовника к происходящему, и это её задело. Уже уходя, Диана хотела сказать напоследок что-нибудь колкое, с вызовом посмотрела ему в глаза и... осеклась. Она всегда была умной девочкой и поняла, что любые её слова не произведут ровным счётом никакого впечатления. А поняв это, сникла и торопливо вышла на лестничную площадку к своим чемоданам.

На улице было уже совсем темно. Вадим ещё постоял у окна, рассеянно наблюдая за скользившими внизу в жёлтом свете фонарей машинами и за маленькими фигурками людей, потом подошёл к бару, встроенному в мебельную стенку, и потянул на себя дверцу.

"Почему нет? - думал он, изучая плотную шеренгу бутылок. - Все долги оплачены до захода солнца... Официальная траурная церемония завершилась, и теперь можно справить тризну в очень узком кругу друзей - наедине с самим собой".

Он выбрал пузатую бутылку впечатляющей ёмкостью в полгаллона ("Портвейн - он и в Африке портвейн, тряхнём стариной!") и отвинтил пробку.

* * *

Пробуждение было странным - Вадим не сразу понял, что он у себя дома. Он лежал одетым на диване в гостиной, а не в спальне на широкой постели, и не было рядом Дианы, готовой отозваться на любое прикосновение повелителя. Особого сожаления по поводу её отсутствия Вадим не испытывал, просто это было как-то непривычно. И было ещё одно непривычное - точнее, давным-давно забытое.

Перед его глазами вспыхивали в темноте звучащие строчки.

Вадим вскочил, кинулся к столу, зажёл свет - вспугнутая тьма брызнула в стороны - и схватил чистый лист бумаги. И возникла на этом листе вязь торопливо начертанных строк.

Мне приснился странный сон,
Я стираю пот холодный
Плотоядный, как питон
Или злыдень подколотый,
Сон оплёл меня кольцом
И сдавил тугой петлёю,
Пустоглазым мертвецом,
Перепаханным землёю,
Напугал и ошарашил,
И вогнал в озноб и дрожь
Смутным видом чёрных башен,
Где гнездились страх и ложь...
Тёмный лес глухой стеной
Перекрыл пути-дороги,
Ясно пахнет Сатаной
В развороченной берлоге
Гулкий хохот проскакал
По нехоженным чащобам,
Где-то лязгает металл,
Стонут призраки в трущобах,
Тянут руки в никуда
И, утробно воя,
Заползают в города
Бесконечным строем...
Сердце сдавит, застучит,

Темень ближе подступает,
Заскучавшие мечи
Потихоньку обнажает
Стража сумрачных твердынь,
Опустив на лик забрало
Пепел выжженных святынь
Диким вихрем разметало...
Вместе с дымом сигаретным
Сон уполз куда-то вбок
Ночь уходит незаметно,
Светом тронулся восток...

"Гитара... Где гитара? Ритм уже родился, теперь надо сделать так, чтобы пальцы его запомнили и накрепко связали с текстом... Звукоизоляция в этих домах хорошая, да и орать-выкладываться мы не будем..."

Гитара оказалась расстроенной (и неудивительно - за столько-то лет!), и Вадим долго возился, крутя колки и беря полузабытые аккорды. Гитара отозвалась на прикосновение его пальцев жалобно, словно укоряя за то, что он так долго о ней не вспоминал, но потом заговорила, привычно превращая *услышанное* и записанное в звучащее.

Отложив гитару, Вадим посмотрел на недопитую бутылку, усмехнулся, снова лёг на диван и уснул - крепко, без сновидений.

* * *

Он окончательно проснулся, когда было уже совсем светло, и яркое солнце яростно било в окна. Небо было синим и безоблачным, без обычной для северной столицы серой хмари. Вадим встал, пошёл в ванную и принял контрастный душ, сначала горячий, потом холодный, выгоняя из тела похмельную дрожь. Растёрся махровым полотенцем, тщательно побрился и сварил себе кофе.

"Я знаю, как я буду жить, - думал он, глядя из окна кухни на белую гладь затянутого льдом Финского залива и прихлёбывая обжигающий напиток. - Энергоинформационный слой - какие ещё сокровища Вселенной там хранятся? Доступ туда опасен, но если подойти с умом... Нож бандита убивает, скальпель хирурга лечит - всё дело в том, что за рука держит клинок..."

Потом он взял телефон и набрал номер Лидии. И услышав в трубке её голос, произнёс слова из песни Владимира Высоцкого, вложив в них всю теплоту, на которую был способен:

— Ну, здравствуй, это я...

Санкт-Петербург, декабрь 2006 - январь 2007

Последнее желание

Петрович по жизни был мужчиной обстоятельным - то есть знал, что ему нужно, и чего он реально сможет достичь на земле нашей грешной. А посему он философически воспринимал все житейские катаклизмы, и даже обрушившийся на Россию в конце XX века шквал перемен не смог выбить его из колеи. Зависть он почитал грехом смертным, и отнюдь не истекал желчью, наблюдая кое-кого из бывлых своих сотоварищей по НИИ восседающими в роскошных иномарках в окружении дюжих охранников и умопомрачительных девиц. Каждому своё - Петрович полностью разделял сию несложную житейскую мудрость.

Не чувствовал он себя ущербным и от того, что его достойная супруга выбилась в бизнес-леди и успешно руководила небольшой, но крепко стоящей на ногах туристической

фирмой. Жена оказалась более приспособленной к новой жизни - так что ж теперь, вешаться из-за этого? Не всем же звёзды с неба хватать - умеете довольствоваться тем, что имеете!

Поэтому в настоящий момент Петрович пребывал в состоянии умиротворённом. Супруга укатила в очередной рекламный тур (как и с кем она проводит там время, наш герой предпочитал не думать), и Петрович был предоставлен самому себе - причём в преддверии выходных. Не так плохо, не правда ли?

Изначально он намеревался позвать к себе кого-нибудь из старых приятелей, но затея завяла на корню - все друзья оказались при делах. Мысль об адюльтере в рассудительной голове Петровича даже не возникла: он трезво оценивал свои скромные шансы в амплуа Дон-Жуана, а идея воспользоваться услугами жриц свободной любви никогда не находила у него отклика. Просчитав возможные варианты (и отбросив фантастические), Петрович остановился на реальном, а именно: скоротать вечерок у телевизора под рюмку-другую да под бередящий душу "Штрафбат". Приняв решение, эстет направился в "24 часа", где его внимание привлекла притулившаяся в уголке оригинальной формы бутылка без ценника. Озадаченный вопросом продавец почесал затылок, посмотрел в потолок и (видимо, узрев там подсказку) жадничать не стал. Петрович расплатился и возвратился с возжелённой емкостью под родимый кров. Поставив на столик перед телевизором высокую рюмку на тонкой ножке и блюдец с колбаской-сыром, он недрогнувшей дланью свинтил пробку и...

Ему показалась, что сработала подсунутая хитроумным террористом адская машина - всю комнату заволокло синеватым дымом. Огня и грохота не последовало (равно как и ранувечий), но в дымном облаке материализовалась неулыбчивая восточная физиономия. "Террорист всё-таки..." - обречённо подумал Петрович.

- А вот хрен тебе! - раздражённо буркнула рожа. - Джинн я, а не террорист! Слышал, небось? Ну, там, Алладин-Хоттабыч. Сказки читал?

- Э... я... да... - промямлил ошарашенный хозяин. - Это, конечно! Ты... желания, да? Выполняешь? А?

- Угу, - по-прежнему недружелюбно подтвердил джинн. - Работа такая. Но учти: ты тут особо губу не раскатывай - всякие там дворцы-принцессы... Нету!

- Почему? - не въехал в тему Петрович.

- Потому! - отрезал джинн. - Я в этом вашем лабазе по собственной дурости оказался - в кости ифритам проиграл. Пятьдесят желаний! После каждого - опять полезай в бутылку, бутылка в магазин - другого клиента ждать. Лимит желаний выбран - тебе могу предложить одно.

- Какое? - тупо спросил так ничего и не понявший Петрович.

- Смерть на выбор.

- К-ка-а-ак?

- Смерть на выбор, - терпеливо повторил джинн. - Объясняю: я тебе предлагаю три варианта, а ты выбираешь - по вкусу. Да не трясись - тут же не окочуришься! Помрёшь выбранной смертью через энное количество лет. Я тебе даже дату не назову - чего зря волновать? Скажем, так - в годах преклонных. Дошло? Выбирай давай - ждать некогда, мне отыгаться охота!

- А... А если я, это, и не желаю вовсе? - Петрович не мог поверить в реальность происходящего, а при словах "выбрать вариант ответа" у него в памяти всплыло абсолютно неуместное в данной ситуации "позвонить другу".

- А вот тогда я тебя и спрашивать не буду! - враз посуровел джинн. - Секир башка - шайтан карачун! Усёк? То есть: укокошу по моему собственному выбору - тут же! Слушай, не нервуй меня, ладно, да?

Рассудительность всегда была присуща Петровичу. Наконец-то сообразив, что всё это не понарошку, и что спорить с этим дымным типом бессмысленно, он смирился. В конце концов, помирать "в годах преклонных" всё равно придётся, тогда почему бы и не выбрать, как именно помирать? Ему, Петровичу, повезло - ведь подавляющее большинство людей такой возможности не имеют! Окончательно успокоившись, он спросил нервного джинна:

– И что ты имеешь мне предложить?

– О! Давно бы так! - повеселел тот. - Вариант первый: пасть в бою за отечество - как герой! Как эти, триста спартанцев у Фермопил. Историю знаешь, да?

– Не хуже тебя, перегар летучий! - дерзко ответил осмелевший Петрович, припомнив кое-какие правила обращения со всякими там чертями по вызову. - Дальше!

– Хм-м-м, - пробормотал джинн. - Борзеешь, однако. Вариант второй: в конце долгой и счастливой жизни умереть в один день с любимой супругой. Как древнегреческие...

– Знаю, - перебил его Петрович, - Девкалион и Пирра!

– Смотри-ка... - в рокочущем голосе джинна прорезались уважительные нотки.

– А то! Что я, по-твоему, лох чилийский? А третий вариант?

– Третий? Помереть в постели, лаская молоденькую девушку, - как договаривались, на склоне лет. Говорят, ваш генерал Скобелев так умер - вах, джигит был!

Петрович не ответил - думал. И его осенило - недаром матмех окончил в своё время - граничные-то условия строго не заданы! Значит...

– Значит, так, - он приосанился, и джинн изобразил почтительное внимание. - Я хочу в почтенном возрасте, - джинн подтверждающе кивнул, мол, верно, - погибнуть за Родину в постели с юной любовницей в один день с горячо любимой супругой! - выпалил Петрович на одном дыхании. - Вот!

Джинн побагровел - визуально это выразилось в резком потемнении дыма, из которого было соткано его тело. Он приоткрыл рот, сиюсь выразить обуревающие его чувства.

– Ничего не знаю! - тут же пресёк эти поползновения находчивый заказчик. - Запрета на совмещение услуг не было, а за пределы предложенного я не вышел! Я ж не требую скончаться далай-ламой или там олигархом каким... Так что всё, будь любезен!

Джинн разразился длинной тирадой на фарси (или на бенгали? Петрович не шибко разбирался в восточных языках) и вознамерился исчезнуть, но не успел.

– И ещё одно: ты меня без выпивки оставил! Смерть смертью, а мне теперь что, опять в лабаз топать? Моральный ущерб налицо - и материальный, кстати, тоже! У нас, как-никак, правовое государство, понимаешь...

Узник азарта не нашёл, что возразить, - вероятно, с подобным не сталкиваться. Вместо ответа он извлёк из ниоткуда бутылку "Камю" и молча поставил её на стол.

– Держи, - буркнул джинн. И добавил. - Шайтан твоя душа!

С этим словами он бесследно растаял, пропала и служившая ему обиталищем бутылка странной формы. Выпив пару рюмок отменного коньяка, Петрович задумался: а упомянутую юную любовницу ему предоставят уже перед самой кончиной? Лучше бы пораньше - лет так на двадцать. И как он будет биться с врагами Родины, если будет занят совсем другим делом? Надо было уточнить... Впрочем, до этого ещё далеко. Придёт время - узнаем!

22 февраля 2005 года